Тысяча и одна ночь

Издательство „Детская литература"

Школьная библиотека для нерусских школ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

Тысяча и одна ночь
Арабские сказки

ИФ (Араб)
Т 93

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Пересказал с арабского

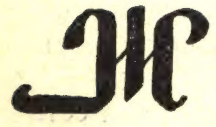
М. САЛЬЕ

Художник

Г. ЕПИШИН

Т $\frac{70802-043}{М101(03)76}$ 477—75

Вступление

Жил-был когда́-то злой и жесто́кий царь Шахрия́р. Он ка́ждый день брал себе́ но́вую жену́, а нау́тро убива́л её. Отцы́ и ма́тери пря́тали от царя́ Шахрия́ра своих

дочере́й и убега́ли с ни́ми в други́е зе́мли. Ско́ро во всём го́роде оста́лась то́лько одна́ де́вушка — дочь визи́ря, гла́вного сове́тника царя́, — Шахраза́да.

Гру́стный ушёл визи́рь из ца́рского дворца́ и верну́лся к себе́ домо́й, го́рько пла́ча. Шахраза́да уви́дела, что он че́м-то огорчён, и спроси́ла:

— О ба́тюшка, како́е у тебя́ го́ре? Мо́жет быть, я могу́ помо́чь тебе́?

До́лго не хоте́л визи́рь откры́ть Шахраза́де причи́ну своего́ го́ря, но наконе́ц рассказа́л ей всё. Вы́слушав своего́ отца́, Шахраза́да поду́мала и сказа́ла:

— Не горю́й! Отведи́ меня́ за́втра у́тром к Шахрия́ру и не беспоко́йся — я оста́нусь жива́ и невреди́ма. А е́сли уда́стся то, что я заду́мала, я спасу́ не то́лько себя́, но и всех де́вушек, кото́рых царь Шахрия́р не успе́л ещё уби́ть.

Ско́лько ни упра́шивал визи́рь Шахраза́ду, она́ стоя́ла на своём, и ему́ пришло́сь согласи́ться.

А у Шахраза́ды была́ ма́ленькая сестра́ — Дуньяза́да. Шахраза́да пошла́ к ней и сказа́ла:

— Когда́ меня́ приведу́т к царю́, я попрошу́ у него́ позволе́ния посла́ть за тобо́й, что́бы нам в после́дний раз побы́ть вме́сте. А ты, когда́ придёшь и уви́дишь, что царю́ ску́чно, скажи́: «О сестри́ца, расскажи́ нам ска́зку, что́бы царю́ ста́ло веселе́й». И я расскажу́ вам ска́зку. В э́том и бу́дет на́ше спасе́ние.

А Шахраза́да была́ де́вушка у́мная и образо́ванная. Она́ прочита́ла мно́го дре́вних книг, сказа́ний и повесте́й. И не́ было во всём ми́ре челове́ка, кото́рый знал бы бо́льше ска́зок, чем Шахраза́да, дочь визи́ря царя́ Шахрия́ра.

На друго́й день визи́рь отвёл Шахраза́ду во дворе́ц и прости́лся с ней, облива́ясь слеза́ми. Он не наде́ялся бо́льше уви́деть её живо́й.

Шахраза́ду привели́ к царю́, и они́ поу́жинали вме́сте, а пото́м Шахраза́да вдруг начала́ го́рько пла́кать.

— Что с тобо́й? — спроси́л её царь.

— О царь, — сказа́ла Шахраза́да, — у меня́ есть

ма́ленькая сестра́. Я хочу́ посмотре́ть на неё ещё раз перед сме́ртью. Позво́ль мне посла́ть за ней, и пусть она́ посиди́т с на́ми.

— Де́лай как зна́ешь, — сказа́л царь и веле́л привести́ Дунья́за́ду.

Дуньяза́да пришла́ и се́ла на поду́шку во́зле сестры́. Она́ уже́ зна́ла, что заду́мала Шахраза́да, но ей всё-таки бы́ло о́чень стра́шно.

А царь Шахрия́р по ноча́м не мог спать. Когда́ наступи́ла по́лночь, Дуньяза́да заме́тила, что царь не мо́жет засну́ть, и сказа́ла Шахраза́де:

— О сестри́ца, расскажи́ нам ска́зку. Мо́жет быть, на́шему царю́ ста́нет веселе́й и ночь пока́жется ему́ не тако́й дли́нной.

— Охо́тно, е́сли царь прика́жет мне, — сказа́ла Шахраза́да.

Царь сказа́л:

— Расска́зывай, да смотри́, что́бы ска́зка была́ интере́сная.

И Шахраза́да начала́ расска́зывать. Царь до того́ заслу́шался, что не заме́тил, как ста́ло света́ть. А Шахраза́да как раз дошла́ до са́мого интере́сного ме́ста. Уви́дев, что всхо́дит со́лнце, она́ замолча́ла, и Дуньяза́да спроси́ла её:

— Ну, а да́льше что бы́ло, сестри́ца?

— Да́льше я расскажу́ вам ве́чером, е́сли то́лько царь не вели́т меня́ казни́ть, — сказа́ла Шахраза́да.

Царю́ о́чень хоте́лось услы́шать продолже́ние ска́зки, и он поду́мал: «Пусть доска́жет ве́чером, а за́втра я её казню́».

Утром визи́рь пришёл к царю́ ни живо́й ни мёртвый от стра́ха. Шахраза́да встре́тила его́, весёлая и дово́льная, и сказа́ла:

— Ви́дишь, оте́ц, наш царь пощади́л меня́. Я начала́ расска́зывать ему́ ска́зку, и она́ так понра́вилась царю́, что он позво́лил мне досказа́ть её сего́дня ве́чером.

Обра́дованный визи́рь вошёл к царю́, и они́ ста́ли

занима́ться дела́ми госуда́рства. Но царь был рассе́ян — он не мог дожда́ться ве́чера, что́бы дослу́шать ска́зку.

Как то́лько стемне́ло, он позва́л Шахраза́ду и веле́л ей расска́зывать да́льше. В по́лночь она́ ко́нчила ска́зку.

Царь вздохну́л и сказа́л:

— Жа́лко, что уже́ коне́ц. Ведь до утра́ ещё до́лго.

— О царь, — сказа́ла Шахраза́да, — куда́ годи́тся э́та ска́зка в сравне́нии с той, кото́рую я бы рассказа́ла тебе́, е́сли бы ты мне позво́лил!

— Расска́зывай скоре́й! — воскли́кнул царь, и Шахраза́да начала́ но́вую ска́зку.

А когда́ наступи́ло у́тро, она́ опя́ть останови́лась на са́мом интере́сном ме́сте.

Царь уже́ и не ду́мал казни́ть Шахраза́ду. Ему́ не терпе́лось дослу́шать ска́зку до конца́.

Так бы́ло и на другу́ю, и на тре́тью ночь. Ты́сячу ноче́й, почти́ три го́да, расска́зывала Шахраза́да царю́ Шахрия́ру свои́ чуде́сные ска́зки. А когда́ наступи́ла ты́сяча пе́рвая ночь и она́ око́нчила после́дний расска́з, царь сказа́л ей:

— О Шахраза́да, я привы́к к тебе́ и не казню́ тебя́, хотя́ бы ты не зна́ла бо́льше ни одно́й ска́зки. Не на́до мне но́вых жён, ни одна́ де́вушка на све́те не сравни́тся с тобо́й.

*

Так расска́зывает ара́бская леге́нда о том, отку́да взяли́сь чуде́сные ска́зки «Ты́сячи и одно́й но́чи».

Аладдин и волшебная лампа

В одно́м перси́дском го́роде жил бе́дный портно́й Хаса́н. У него́ бы́ли жена́ и сын по и́мени Аладди́н. Когда́ Аладди́ну испо́лнилось де́сять лет, оте́ц его́ сказа́л:

— Пусть мой сын бу́дет портны́м, как я, — и на́чал учи́ть Аладди́на своему́ ремеслу́.

Но Аладди́н не хоте́л ничему́ учи́ться. Как то́лько оте́ц выходи́л из ла́вки, Аладди́н убега́л на у́лицу игра́ть с мальчи́шками. С утра́ до ве́чера они́ бе́гали по го́роду, гоня́ли воробьёв и́ли забира́лись в чужи́е сады́ и набива́ли себе́ животы́ виногра́дом и пе́рсиками.

Портно́й и угова́ривал сы́на, и нака́зывал, но всё бе́з толку. Ско́ро Хаса́н заболе́л с го́ря и у́мер. Тогда́ его́ жена́ продала́ всё, что по́сле него́ оста́лось, и ста́ла прясть хло́пок и продава́ть пря́жу, что́бы прокорми́ть себя́ и сы́на.

Так прошло́ мно́го вре́мени. Аладди́ну испо́лнилось пятна́дцать лет. И вот одна́жды, когда́ он игра́л на у́лице с мальчи́шками, к ним подошёл челове́к в кра́сном шёлковом хала́те и большо́й бе́лой чалме́. Он посмотре́л на Аладди́на и сказа́л про себя́: «Вот тот ма́льчик, кото́рого я ищу́. Наконе́ц-то я нашёл его́!»

Этот челове́к был магриби́нец — жи́тель Ма́гриба[1]. Он подозва́л одного́ из ма́льчиков и расспроси́л его́, кто тако́й Аладди́н, где живёт. А пото́м он подошёл к Аладди́ну и сказа́л:

— Не ты ли сын Хаса́на, портно́го?

— Я, — отве́тил Аладди́н. — Но то́лько мой оте́ц давно́ у́мер.

Услы́шав э́то, магриби́нец о́бнял Аладди́на и стал гро́мко пла́кать.

— Знай, Аладди́н, я твой дя́дя, — сказа́л он. — Я до́лго про́был в чужи́х зе́млях и давно́ не ви́дел моего́ бра́та. Тепе́рь я пришёл в ваш го́род, что́бы повида́ть Хаса́на, а он у́мер! Я сра́зу узна́л тебя́, потому́ что ты похо́ж на отца́.

Пото́м магриби́нец дал Аладди́ну два золоты́х и сказа́л:

— Отда́й э́ти де́ньги ма́тери. Скажи́ ей, что твой

---

[1] Ма́гриб — по-ара́бски «за́пад». За́падом ара́бы называ́ли за́падную часть Африки.

дя́дя верну́лся и за́втра придёт к вам у́жинать. Пусть она́ пригото́вит хоро́ший у́жин.

Аладди́н побежа́л к ма́тери и рассказа́л ей всё.

— Ты что, смеёшься надо мной?! — сказа́ла ему́ мать. — Ведь у твоего́ отца́ не́ было бра́та. Отку́да же у тебя́ вдруг взя́лся дя́дя?

— Как э́то ты говори́шь, что у меня́ нет дя́ди! — закрича́л Аладди́н. — Он дал мне э́ти два золоты́х. За́втра он придёт к нам у́жинать!

На друго́й день мать Аладди́на пригото́вила хоро́ший у́жин. Аладди́н с утра́ сиде́л до́ма, ожида́л дя́дю. Ве́чером в воро́та постуча́ли. Аладди́н бро́сился открыва́ть. Вошёл магриби́нец, а за ним слуга́, кото́рый нёс на голове́ большо́е блю́до со вся́кими сластя́ми. Войдя́ в дом, магриби́нец поздоро́вался с ма́терью Аладди́на и сказа́л:

— Прошу́ тебя́, покажи́ мне ме́сто, где сиде́л за у́жином мой брат.

— Вот здесь, — сказа́ла мать Аладди́на.

Магриби́нец принялся́ гро́мко пла́кать. Но ско́ро он успоко́ился и сказа́л:

— Не удивля́йся, что ты меня́ никогда́ не ви́дела. Я уе́хал отсю́да со́рок лет наза́д. Я был в Индии, в ара́бских зе́млях и в Еги́пте. Я путеше́ствовал три́дцать лет. Наконе́ц мне захоте́лось верну́ться на ро́дину, и я сказа́л самому́ себе́: «У тебя́ есть брат. Он, мо́жет быть, бе́ден, а ты до сих пор ниче́м не помо́г ему́! Поезжа́й к своему́ бра́ту и посмотри́, как он живёт». Я е́хал мно́го дней и ноче́й и наконе́ц нашёл вас. И вот я ви́жу, что хотя́ мой брат и у́мер, но по́сле него́ оста́лся сын, кото́рый бу́дет зараба́тывать ремесло́м, как его́ оте́ц.

— Как бы не так! — сказа́ла мать Аладди́на. — Я никогда́ не ви́дела тако́го безде́льника, как э́тот скве́рный мальчи́шка. Хоть бы ты заста́вил его́ помога́ть ма́тери!

— Не горю́й, — отве́тил магриби́нец. — За́втра мы с Аладди́ном пойдём на ры́нок, я куплю́ ему́ кра-

си́вый хала́т и отда́м его́ в уче́нье к купцу́. А когда́ он нау́чится торгова́ть, я откро́ю для него́ ла́вку, он сам ста́нет купцо́м и разбогате́ет... Хо́чешь быть купцо́м, Аладди́н?

Аладди́н весь покрасне́л от ра́дости и кивну́л голово́й.

Когда́ магриби́нец ушёл домо́й, Аладди́н сра́зу лёг спать, что́бы скоре́е пришло́ у́тро. Едва́ рассвело́, он вскочи́л с посте́ли и вы́бежал за воро́та встреча́ть дя́дю. Магриби́нец вско́ре пришёл. Пре́жде всего́ они́ с Аладди́ном отпра́вились в ба́ню. Там Аладди́на хороше́нько вы́мыли, обри́ли ему́ го́лову и напои́ли ро́зовой водо́й с са́харом. По́сле э́того магриби́нец повёл Аладди́на в ла́вку, и Аладди́н вы́брал себе́ са́мую дорогу́ю и краси́вую оде́жду: жёлтый шёлковый хала́т с зелёными полоса́ми, кра́сную ша́пку и высо́кие сапоги́.

Они́ с магриби́нцем обошли́ весь ры́нок, а пото́м пошли́ за́ город, в лес. Был уже́ по́лдень, а Аладди́н с утра́ ничего́ не ел. Он о́чень проголода́лся и уста́л, но ему́ бы́ло сты́дно призна́ться в э́том.

Наконе́ц он не вы́держал и спроси́л своего́ дя́дю:

— Дя́дя, а когда́ мы бу́дем обе́дать? Здесь ведь нет ни одно́й ла́вки, а ты ничего́ не взял с собо́й из го́рода. У тебя́ в рука́х то́лько оди́н пусто́й мешо́к.

— Ви́дишь вон там, впереди́, высо́кую го́ру? — сказа́л магриби́нец. — Я хоте́л отдохну́ть и закуси́ть под э́той горо́й. Но е́сли ты о́чень го́лоден, мо́жно пообе́дать и здесь.

— Отку́да же ты возьмёшь обе́д? — удиви́лся Аладди́н.

— Уви́дишь, — сказа́л магриби́нец.

Они́ усе́лись под высо́ким густы́м де́ревом, и магриби́нец спроси́л Аладди́на:

— Чего́ бы тебе́ хоте́лось сейча́с пое́сть?

Мать Аладди́на ка́ждый день вари́ла к обе́ду одно́ и то же блю́до — бобы́ с конопля́ным ма́слом. Аладди́ну так хоте́лось есть, что он сра́зу отве́тил:

— Дай мне варёных бобо́в с ма́слом!

— А не хо́чешь ли ты жа́реных цыпля́т? — спроси́л магриби́нец.

— Хочу́! — обра́довался Аладди́н.

— Не хо́чется ли тебе́ ри́су с мёдом? — продолжа́л магриби́нец.

— Хо́чется! — закрича́л Аладди́н. — Всего́ хо́чется! Но отку́да ты возьмёшь всё э́то, дя́дя?

— Из э́того мешка́, — сказа́л магриби́нец и развяза́л мешо́к.

Аладди́н с любопы́тством загляну́л в мешо́к, но там ничего́ не́ было.

— Где же цыпля́та? — спроси́л Аладди́н.

— Вот! — сказа́л магриби́нец. Он засу́нул ру́ку в мешо́к и вы́нул отту́да блю́до с жа́реными цыпля́тами. — А вот и рис с мёдом, и варёные бобы́, вот и виногра́д, и грана́ты, и я́блоки!

Магриби́нец стал вынима́ть из мешка́ одно́ ку́шанье за други́м, а Аладди́н, широко́ раскры́в глаза́, смотре́л на волше́бный мешо́к.

— Ешь, — сказа́л магриби́нец Аладди́ну. — В э́том мешке́ есть вся́кие ку́шанья. Опусти́ в него́ ру́ку и скажи́: «Хочу́ бара́нины, халвы́, фи́ников», и всё э́то у тебя́ бу́дет.

— Вот так чу́до! — сказа́л Аладди́н. — Хорошо́ бы мое́й ма́тери име́ть тако́й мешо́к!

— Если бу́дешь меня́ слу́шаться, — сказа́л магриби́нец, — я подарю́ тебе́ мно́го хоро́ших веще́й. А тепе́рь вы́пьем грана́тового со́ку с са́харом и пойдём да́льше.

— Куда́? — спроси́л Аладди́н. — Я уста́л, и уже́ по́здно. Пора́ домо́й.

— Нет, — сказа́л магриби́нец, — нам ну́жно дойти́ сего́дня вон до той горы́. А когда́ мы вернёмся домо́й, я подарю́ тебе́ э́тот волше́бный мешо́к.

Аладди́ну о́чень не хоте́лось идти́, но, услы́шав про мешо́к, он тяжело́ вздохну́л и сказа́л:

— Хорошо́, идём.

Магриби́нец взял Аладди́на за́ руку и повёл к горе́. Со́лнце уже́ закати́лось, и бы́ло почти́ темно́. Они́ шли о́чень до́лго и наконе́ц пришли́ к подно́жию горы́. Аладди́ну бы́ло стра́шно, он чуть не пла́кал.

— Набери́ то́нких и сухи́х су́чьев, — сказа́л магриби́нец. — На́до развести́ костёр. Когда́ он разгори́тся, я покажу́ тебе́ что́-то тако́е, чего́ никто́ никогда́ не ви́дел.

Аладди́ну о́чень захоте́лось уви́деть то, чего́ никто́ никогда́ не ви́дел. Он забы́л про уста́лость и пошёл собира́ть хво́рост. Когда́ костёр разгоре́лся, магриби́нец вы́нул из-за па́зухи коро́бочку и две доще́чки и сказа́л:

— О Аладди́н, я хочу́ сде́лать тебя́ бога́тым и помо́чь тебе́ и твое́й ма́тери. Исполня́й же всё, что я тебе́ скажу́.

Он раскры́л коро́бочку и вы́сыпал из неё в ого́нь како́й-то порошо́к. И сейча́с же из костра́ подняли́сь к не́бу огро́мные столбы́ пла́мени — жёлтые, кра́сные и зелёные.

— Слу́шай внима́тельно, Аладди́н, — сказа́л магриби́нец. — Сейча́с я начну́ чита́ть над огнём заклина́ния, а когда́ я ко́нчу, земля́ предо мной рассту́пится, и ты уви́дишь большо́й ка́мень с ме́дным кольцо́м. Возьми́сь за кольцо́ и подними́ ка́мень. Под ка́мнем бу́дет ле́стница, кото́рая ведёт в подземе́лье. Спусти́сь по ней и уви́дишь дверь. Откро́й э́ту дверь и иди́ вперёд. Ты встре́тишь стра́шных звере́й и чудо́вищ, но не бо́йся: как то́лько ты дотро́нешься до них руко́й, чудо́вища упаду́т мёртвыми. Ты пройдёшь три ко́мнаты, а в четвёртой уви́дишь стару́ху. Она́ ла́сково заговори́т с тобо́й и захо́чет тебя́ обня́ть. Не позволя́й ей до себя́ дотро́нуться, ина́че ты преврати́шься в чёрный ка́мень. За четвёртой ко́мнатой ты уви́дишь большо́й сад. Пройди́ его́ и откро́й дверь на друго́м конце́ са́да. За э́той две́рью бу́дет больша́я ко́мната, по́лная зо́лота и драгоце́нных камне́й. Возьми́ отту́да всё, что хо́чешь, а мне принеси́ то́лько ста́рую ме́дную ла́мпу,

котóрая висит на стенé, в прáвом углý. Когдá ты принесёшь мне лáмпу, я подарю тебé волшéбный мешóк. А на обрáтном пути тебя бýдет охранять от всех бед вот э́то кольцó.

И он надéл на пáлец Аладдину мáленькое блестящее колéчко.

Услы́шав о стрáшных зверях и чудóвищах, Аладди́н óчень испугáлся.

— Дядя, — спросил он магрибинца, — почемý ты сам не хóчешь спусти́ться под зéмлю? Иди сам за своéй лáмпой, а меня отведи домóй.

— Нет, нет, Аладди́н, — сказáл магрибинец, — никтó, крóме тебя, не мóжет пройти в сокрóвищницу. Клад лежит под землёй ужé мнóго сóтен лет, и достáнется он тóлько мáльчику по и́мени Аладди́н, сы́ну портнóго Хасáна. Слýшайся меня, а не то тебé бýдет плóхо!

Аладди́н испугáлся ещё бóльше и сказáл:

— Ну хорошó, я принесý тебé лáмпу, но тóлько смотри подари мне мешóк!

— Подарю! Подарю! — закричáл магрибинец.

Он подбрóсил в огóнь ещё порошкý и нáчал читáть заклинáния. Он читáл всё грóмче и грóмче, и когдá наконéц вы́крикнул послéднее слóво, раздáлся оглуши́тельный грóхот и земля расступи́лась перед ни́ми.

— Поднимáй кáмень! — закричáл магрибинец стрáшным гóлосом.

Аладди́н увидел у свои́х ног большóй кáмень с мéдным кольцóм. Он обéими рукáми ухвати́лся за кольцó, потянýл к себé кáмень и легкó пóднял егó. Под кáмнем былá большáя крýглая я́ма, а в глубинé её виднéлась ýзкая лéстница. Аладди́н сел на край я́мы и спры́гнул на пéрвую ступéньку лéстницы.

— Ну, иди и возвращáйся скорéе! — кри́кнул магрибинец.

Аладди́н бы́стро пошёл вниз. Чем ни́же он спускáлся, тем темнéе станови́лось вокрýг, но он, не останáвливаясь, шёл вперёд.

Дойдя́ до после́дней ступе́ньки, Аладди́н уви́дел широ́кую желе́зную дверь. Толкну́в её, он вошёл в большу́ю полутёмную ко́мнату и вдруг уви́дел посреди́ ко́мнаты стра́нного не́гра в тигро́вой шку́ре. Негр мо́лча бро́сился на Аладди́на, но Аладди́н дотро́нулся до него́ руко́й, и он упа́л на зе́млю мёртвым.

Аладди́ну бы́ло о́чень стра́шно, но он пошёл да́льше. Он толкну́л втору́ю дверь и нево́льно отскочи́л: перед ним стоя́л огро́мный лев с оска́ленной па́стью. Лев припа́л всем те́лом к земле́ и пры́гнул пря́мо на Аладди́на. Но едва́ его́ пере́дняя ла́па заде́ла го́лову ма́льчика, как лев упа́л на зе́млю мёртвым.

Аладди́н от испу́га весь вспоте́л, но всё-таки пошёл да́льше. Он откры́л тре́тью дверь и услы́шал стра́шное шипе́ние: посреди́ ко́мнаты, сверну́вшись клубко́м, лежа́ли две огро́мные змеи́. Они́ по́дняли го́ловы и, вы́сунув дли́нные жа́ла, ме́дленно поползли́ к Аладди́ну. Но как то́лько зме́и косну́лись руки́ Аладди́на свои́ми жа́лами, их сверка́ющие глаза́ поту́хли и они́ растяну́лись на земле́ мёртвыми.

Дойдя́ до четвёртой две́ри, Аладди́н осторо́жно приоткры́л её. Он просу́нул в дверь го́лову и уви́дел, что в ко́мнате нет никого́, кро́ме ма́ленькой стару́шки, с головы́ до ног заку́танной в покрыва́ло. Уви́дев Аладди́на, она́ бро́силась к нему́ и закрича́ла:

— Наконе́ц-то ты пришёл, Аладди́н, мой ма́льчик! Как до́лго я ждала́ тебя́ в э́том тёмном подземе́лье!

Аладди́н протяну́л к ней ру́ки: ему́ показа́лось, что э́то его́ мать. Он хоте́л уже́ обня́ть её, но во́время вспо́мнил, что е́сли он до неё дотро́нется, то преврати́тся в чёрный ка́мень. Он отскочи́л наза́д и захло́пнул за собо́й дверь. Подожда́в немно́го, он сно́ва приоткры́л её и уви́дел, что в ко́мнате уже́ никого́ нет.

Аладди́н прошёл че́рез э́ту ко́мнату и откры́л пя́тую дверь. Перед ним был прекра́сный сад с густы́ми дере́вьями и души́стыми цвета́ми. На дере́вьях гро́мко щебета́ли ма́ленькие пёстрые пти́чки. Они́ не могли́ далеко́ улете́ть — им меша́ла то́нкая золота́я се́тка,

протя́нутая над са́дом. Все доро́жки бы́ли усы́паны кру́глыми сверка́ющими ка́мешками.

Аладди́н бро́сился собира́ть ка́мешки. Он запи́хивал их за по́яс, за па́зуху, в ша́пку. Он о́чень люби́л игра́ть в ка́мешки с мальчи́шками.

Ка́мни так понра́вились Аладди́ну, что он чуть не забы́л про ла́мпу. Но когда́ ка́мни не́куда бы́ло бо́льше класть, он вспо́мнил про неё и пошёл в сокро́вищницу. Это была́ после́дняя ко́мната в подземе́лье, са́мая больша́я. Там лежа́ли ку́чи зо́лота, серебра́ и драгоце́нностей. Но Аладди́н да́же не посмотре́л на них: он не знал цены́ зо́лоту и дороги́м веща́м. Он взял то́лько ла́мпу и засу́нул её в карма́н. Зате́м он пошёл обра́тно к вы́ходу и с трудо́м взобра́лся вверх по ле́стнице. Дойдя́ до после́дней ступе́ньки, он кри́кнул:

— Дя́дя, протяни́ мне ру́ку и возьми́ мою́ ша́пку с ка́мешками, а пото́м вы́тащи меня́ наве́рх: мне самому́ не вы́браться!

— Дай мне снача́ла ла́мпу! — сказа́л магриби́нец.

— Я не могу́ её доста́ть, она́ под камня́ми, — отве́тил Аладди́н. — Помоги́ мне вы́йти, и я дам тебе́ её.

Но магриби́нец не хоте́л помо́чь Аладди́ну. Он хоте́л получи́ть ла́мпу, а пото́м бро́сить Аладди́на в подземе́лье, что́бы никто́ не узна́л хо́да в сокро́вищницу. Он на́чал упра́шивать Аладди́на, но Аладди́н ни за что не соглаша́лся отда́ть ему́ ла́мпу. Он боя́лся растеря́ть ка́мешки в темноте́ и хоте́л скоре́е вы́браться на зе́млю.

Когда́ магриби́нец уви́дел, что Аладди́н не хо́чет отда́ть ему́ ла́мпу, он стра́шно рассерди́лся и закрича́л:

— Ах, так ты не отда́шь мне ла́мпу? Остава́йся в подземе́лье и умри́ с го́лоду!

Он бро́сил в ого́нь оста́ток порошка́ из коро́бочки, произнёс каки́е-то слова́ — и вдруг ка́мень сам закры́л отве́рстие, и земля́ сомкну́лась над Аладди́ном.

Этот магриби́нец был во́все не дя́дя Аладди́на: он был злой волше́бник и хи́трый колду́н. Он узна́л, что

в Пéрсии лежи́т под землёй клад и откры́ть э́тот клад мо́жет то́лько ма́льчик Аладди́н, сын портно́го Хаса́на. Са́мое лу́чшее из всех сокро́вищ кла́да — э́то волше́бная ла́мпа. Она́ даёт тому́, кто возьмёт её в ру́ки, тако́е могу́щество и бога́тство, како́го нет ни у одного́ царя́.

До́лго колдова́л магриби́нец, пока́ не узна́л, где живёт Аладди́н, и не нашёл его́.

И вот тепе́рь, когда́ ла́мпа так бли́зко, э́тот скве́рный мальчи́шка не хо́чет отда́ть её! А ведь е́сли он вы́йдет на зе́млю, он мо́жет привести́ сюда́ други́х люде́й, кото́рые то́же захотя́т завладе́ть кла́дом.

Пусть же клад не доста́нется никому́! Пусть поги́бнет Аладди́н в подземе́лье! И магриби́нец ушёл обра́тно в свою́ волше́бную страну́ Ифри́кию.

Когда́ земля́ сомкну́лась над Аладди́ном, он гро́мко запла́кал и закрича́л:

— Дя́дя, помоги́ мне! Дя́дя, вы́веди меня́ отсю́да, я здесь умру́!

Но никто́ его́ не слы́шал и не отве́тил ему́. Аладди́н по́нял, что э́тот челове́к, кото́рый называ́л себя́ его́ дя́дей, — обма́нщик и лгун. Он побежа́л вниз по ле́стнице, что́бы посмотре́ть, нет ли друго́го вы́хода из подземе́лья, но все две́ри сра́зу исче́зли, и вы́ход в сад то́же был закры́т.

Аладди́н сел на ступе́ньки ле́стницы, опусти́л го́лову на́ руки и запла́кал.

Но как то́лько он случа́йно косну́лся лбом кольца́, кото́рое магриби́нец наде́л ему́ на па́лец, когда́ спуска́л его́ в подземе́лье, земля́ задрожа́ла, и перед Аладди́ном появи́лся стра́шный джинн огро́много ро́ста. Голова́ его́ была́ как ку́пол, ру́ки — как ви́лы, но́ги — как столбы́, а рот — как пеще́ра. Глаза́ его́ мета́ли и́скры, а посреди́ лба торча́л грома́дный рог.

— Чего́ ты хо́чешь? — спроси́л джинн громовы́м го́лосом. — Тре́буй — полу́чишь!

— Кто ты? Кто ты? — закрича́л Аладди́н, за-

крыва́я себе́ лицо́ рука́ми, что́бы не ви́деть стра́шного джи́нна. — Пощади́ меня́, не убива́й меня́!

— Я Дахна́ш, глава́ всех джи́ннов, — отве́тил джинн. — Я раб кольца́ и раб того́, кто владе́ет кольцо́м. Я испо́лню всё, что прика́жет мой господи́н.

Аладди́н вспо́мнил о кольце́, кото́рое должно́ бы́ло его́ защити́ть, и сказа́л:

— Подними́ меня́ на пове́рхность земли́.

Не успе́л он договори́ть э́ти слова́, как очути́лся наверху́, о́коло вхо́да в подземе́лье.

Уже́ наста́л день, и со́лнце я́рко свети́ло. Со всех ног побежа́л Аладди́н в свой го́род. Когда́ он вошёл в дом, его́ мать сиде́ла посреди́ ко́мнаты и го́рько пла́кала. Она́ ду́мала, что её сы́на уже́ нет в живы́х. Едва́ Аладди́н захло́пнул за собо́й дверь, как упа́л без чувств от го́лода и уста́лости. Мать побры́згала ему́ в лицо́ водо́й, а когда́ он очну́лся, спроси́ла:

— Где ты пропада́л и что с тобо́й случи́лось? Где твой дя́дя и почему́ ты верну́лся без него́?

— Это во́все не мой дя́дя, э́то злой колду́н, — сказа́л Аладди́н сла́бым го́лосом. — Я всё расскажу́ тебе́, ма́тушка, но то́лько сперва́ дай мне пое́сть.

Мать накорми́ла Аладди́на варёными боба́ми — да́же хле́ба у неё не́ было! — и пото́м сказа́ла:

— А тепе́рь расскажи́ мне, что с тобо́й случи́лось.

— Я был в подземе́лье и нашёл там чуде́сные ка́мни, — сказа́л Аладди́н и рассказа́л ма́тери всё, что с ним бы́ло.

Пото́м он загляну́л в ми́ску, где бы́ли бобы́, и спроси́л:

— Нет ли у тебя́ ещё чего́-нибудь пое́сть, ма́тушка?

— Нет у меня́ ничего́, дитя́ моё. Ты съел всё, что я свари́ла и на сего́дня и на за́втра. Я так беспоко́илась о тебе́, что совсе́м не могла́ рабо́тать, и у меня́ нет пря́жи, что́бы прода́ть её на ры́нке.

— Не горю́й, ма́тушка, — сказа́л Аладди́н. — У меня́ есть ла́мпа, кото́рую я взял в подземе́лье. Пра́вда, она́ ста́рая, но её всё-таки мо́жно прода́ть.

Он вы́нул ла́мпу и по́дал её ма́тери. Мать взяла́ её, осмотре́ла и сказа́ла:

— Пойду́ почи́щу её и снесу́ на ры́нок. Мо́жет быть, за неё даду́т сто́лько, что нам хва́тит на у́жин.

Она́ взяла́ тря́пку и кусо́к ме́ла и вы́шла во двор. Но как то́лько она́ начала́ тере́ть ла́мпу тря́пкой, земля́ вдруг задрожа́ла и появи́лся ужа́сный джинн.

Мать Алади́на закрича́ла и упа́ла без па́мяти. Аладди́н услы́шал крик. Он вы́бежал во двор и уви́дел, что мать лежи́т на земле́, ла́мпа валя́ется с ней ря́дом, а посреди́ двора́ стои́т джинн тако́го огро́много ро́ста, что головы́ его́ не ви́дно, а ту́ловище заслоня́ет собо́й со́лнце.

Как то́лько Аладди́н по́днял ла́мпу, разда́лся громово́й го́лос джи́нна:

— О влады́ка ла́мпы, я к твои́м услу́гам! Прика́зывай — полу́чишь!

Аладди́н уже́ на́чал привыка́ть к джи́ннам и не сли́шком испуга́лся. Он по́днял го́лову и кри́кнул как мо́жно гро́мче, что́бы джинн его́ услы́шал:

— Кто ты, о джинн, и что ты мо́жешь де́лать?

— Я Майму́н Шахмураша́! Я раб ла́мпы и раб того́, кто владе́ет ла́мпой, — отве́тил джинн. — Тре́буй от меня́ чего́ хо́чешь. Если тебе́ уго́дно, что́бы я разру́шил го́род и́ли постро́ил дворе́ц,— прика́зывай!

Когда́ он заговори́л, мать Аладди́на пришла́ в себя́. Уви́дя джи́нна, она́ сно́ва закрича́ла от у́жаса. Но Аладди́н приста́вил ру́ку ко рту и кри́кнул:

— Принеси́ мне две жа́реные ку́рицы да ещё что́-нибудь хоро́шее и пото́м убира́йся, а то моя́ мать тебя́ бои́тся!

Джинн исче́з и ско́ро принёс стол, покры́тый прекра́сной ска́тертью. На нём стоя́ло двена́дцать золоты́х блюд со всевозмо́жными вку́сными ку́шаньями и два кувши́на с водо́й.

Аладди́н с ма́терью на́чали есть и е́ли, пока́ не насы́тились.

— О ма́тушка, — сказа́л Аладди́н, когда́ они́ по-

е́ли, — э́ту ла́мпу на́до бере́чь и никому́ не пока́зывать. Она́ принесёт нам сча́стье и бога́тство.

— Де́лай как зна́ешь, — сказа́ла мать, — но то́лько я не хочу́ бо́льше ви́деть э́того стра́шного джи́нна.

Че́рез не́сколько дней Аладди́ну с ма́терью опя́ть ста́ло не́чего есть. Тогда́ Аладди́н взял золото́е блю́до, пошёл на ры́нок и про́дал его́ за сто золоты́х. С э́тих пор Аладди́н ка́ждый ме́сяц ходи́л на ры́нок и продава́л по одному́ блю́ду. Он узна́л це́ну дороги́м веща́м и по́нял, что ка́ждый ка́мешек, кото́рый он подобра́л в подзе́мном саду́, сто́ит доро́же, чем любо́й драгоце́нный ка́мень, како́й мо́жно найти́ на земле́.

Одна́жды у́тром, когда́ Аладди́н был на ры́нке, вы́шел на пло́щадь глаша́тай[1] и закрича́л:

— Запри́те ла́вки и войди́те в дома́! Пусть никто́ не смо́трит из о́кон! Сейча́с царе́вна Буду́р, дочь султа́на, пойдёт в ба́ню, и никто́ не до́лжен ви́деть её!

Купцы́ бро́сились запира́ть ла́вки, а наро́д, толка́ясь, побежа́л с пло́щади.

Аладди́ну о́чень захоте́лось погляде́ть на царе́вну. Все в го́роде говори́ли, что краси́вее её нет де́вушки на све́те. Аладди́н бы́стро прошёл в ба́ню и спря́тался за две́рью так, что никто́ не мог его́ уви́деть.

Вся пло́щадь вдруг опусте́ла. Ско́ро вдали́ показа́лась толпа́ де́вушек на се́рых му́лах под золоты́ми сёдлами. А посреди́ них ме́дленно е́хала де́вушка, оде́тая пышне́е и наря́днее всех други́х и са́мая краси́вая. Это и была́ царе́вна Буду́р.

Она́ слéзла с му́ла и, пройдя́ в двух шага́х от Аладди́на, вошла́ в ба́ню. А Аладди́н побрёл домо́й, тя́жко вздыха́я. Он не мог забы́ть о красоте́ царе́вны Буду́р.

«Пра́вду говоря́т, что она́ краси́вее всех де́вушек, — ду́мал он. — Если я не женю́сь на ней, я умру́».

[1] Глаша́тай — в старину́ челове́к, объявля́ющий наро́ду официа́льные изве́стия, прика́зы.

Придя́ домо́й, он бро́сился в посте́ль и пролежа́л до ве́чера. Когда́ мать спра́шивала его́, что с ним, он то́лько маха́л на неё руко́й. Наконе́ц она́ так приста́ла к нему́, что он не вы́держал и сказа́л:

— О ма́тушка, я хочу́ жени́ться на царе́вне Буду́р! Пойди́ к султа́ну и попроси́ его́ вы́дать Буду́р за меня́ за́муж.

— Что ты говори́шь! — воскли́кнула стару́ха. — Тебе́, наве́рное, напекло́ со́лнцем го́лову! Ра́зве слы́хано, что́бы сыновья́ портны́х жени́лись на дочеря́х султа́нов? Поу́жинай лу́чше и усни́. За́втра ты и ду́мать не ста́нешь о таки́х веща́х.

— Не хочу́ у́жинать! Хочу́ жени́ться на царе́вне Буду́р! — закрича́л Аладди́н. — Пожа́луйста, ма́тушка, пойди́ к султа́ну и посва́тай меня́!

— Я ещё не сошла́ с ума́, что́бы идти́ к султа́ну с тако́й про́сьбой, — сказа́ла мать Аладди́на.

Но Аладди́н упра́шивал её до тех пор, пока́ она́ не согласи́лась.

— Ну хорошо́, сыно́к, я пойду́, — сказа́ла она́. — Но ты ведь зна́ешь, что к султа́ну не прихо́дят с пусты́ми рука́ми. А что я могу́ ему́ принести́ хоро́шего?

Аладди́н вскочи́л с посте́ли и ве́село кри́кнул:

— Не беспоко́йся об э́том, ма́тушка! Возьми́ одно́ из золоты́х блюд и напо́лни его́ драгоце́нными камня́ми, кото́рые я принёс из подзе́много са́да. Это бу́дет хоро́ший пода́рок султа́ну. У него́, наве́рно, нет таки́х камне́й, как мои́.

Аладди́н схвати́л са́мое большо́е блю́до и до́верху напо́лнил его́ драгоце́нными камня́ми. Его́ мать взгляну́ла на них и закры́ла глаза́ руко́й: так я́рко сверка́ли э́ти ка́мни.

— С таки́м пода́рком, пожа́луй, не сты́дно идти́ к султа́ну, — сказа́ла она́. — Не зна́ю то́лько, повернётся ли у меня́ язы́к сказа́ть то, о чём ты про́сишь. Но я наберу́сь сме́лости и попро́бую.

— Попро́буй, ма́тушка, — сказа́л Аладди́н. — Иди́ поскоре́е!

Мать Аладди́на покры́ла блю́до то́нким шёлковым платко́м и пошла́ ко дворцу́ султа́на.

«Как я бу́ду говори́ть с султа́ном о тако́м де́ле? — ду́мала она́. — Кто мы таки́е, что́бы сва́таться к до́чери султа́на? Я проста́я же́нщина, а мой муж был бедняко́м, и вдруг Аладди́н хо́чет стать зя́тем вели́кого султа́на! Нет, не хва́тит у меня́ сме́лости проси́ть об э́том. Коне́чно, султа́ну, мо́жет быть, и понра́вятся на́ши драгоце́нные ка́мни, но у него́ их, наве́рно, и так мно́го. Хорошо́, е́сли меня́ то́лько поколо́тят и вы́гонят из дива́на [1]. Лишь бы не засади́ли в подземе́лье».

Так она́ говори́ла про себя́, направля́ясь в дива́н султа́на по у́лицам го́рода. Прохо́жие с удивле́нием смотре́ли на нару́ху в дыря́вом пла́тье, кото́рую никто́ до сих пор не ви́дел о́коло дворца́ султа́на. Мальчи́шки пры́гали вокру́г и дразни́ли её, но нару́ха ни на кого́ не обраща́ла внима́ния.

Она́ была́ так бе́дно оде́та, что привра́тники у воро́т дворца́ попро́бовали да́же не пусти́ть её в дива́н. Но нару́ха су́нула им моне́ту и проскользну́ла во двор.

Ско́ро она́ пришла́ в дива́н и ста́ла в са́мом да́льнем углу́. Бы́ло ещё ра́но, и в дива́не никого́ не́ было. Но понемно́гу он напо́лнился вельмо́жами и зна́тными людьми́ в пёстрых хала́тах. Султа́н пришёл по́зже всех, окружённый не́грами с меча́ми в рука́х. Он сел на трон и на́чал разбира́ть дела́ и принима́ть жа́лобы. Са́мый высо́кий раб стоя́л с ним ря́дом и отгоня́л от него́ мух больши́м павли́ньим перо́м.

Когда́ все дела́ бы́ли ко́нчены, султа́н махну́л платко́м — э́то означа́ло: «Коне́ц!» — и ушёл, опира́ясь на пле́чи не́гров.

А мать Аладди́на верну́лась домо́й, так и не сказа́в султа́ну ни сло́ва.

На друго́й день она́ опя́ть пошла́ в дива́н и сно́-

[1] Дива́н — собра́ние сове́тников султа́на. Так же называ́ется ко́мната, в кото́рой происхо́дят э́ти собра́ния.

ва ушла́, ничего́ не сказа́в султа́ну. Она́ пошла́ и на сле́дующий день — и ско́ро привы́кла ка́ждый день ходи́ть в дива́н.

Наконе́ц султа́н заме́тил её и спроси́л своего́ визи́ря:

— Кто э́та ста́рая же́нщина и заче́м она́ прихо́дит сюда́? Спроси́, что ей ну́жно, и я испо́лню её про́сьбу.

Визи́рь подошёл к ма́тери Аладди́на и кри́кнул:

— Эй, стару́ха, подойди́ сюда́! Если у тебя́ есть кака́я-нибудь про́сьба, султа́н её испо́лнит.

Мать Аладди́на задрожа́ла от стра́ха и чуть не вы́ронила из рук блю́до. Визи́рь подвёл её к султа́ну, и она́ ни́зко поклони́лась ему́, а султа́н спроси́л её:

— Почему́ ты ка́ждый день прихо́дишь сюда́ и ничего́ не говори́шь? Скажи́, что тебе́ ну́жно?

Мать Аладди́на ещё раз поклони́лась и сказа́ла:

— О влады́ка султа́н! Мой сын Аладди́н шлёт тебе́ в пода́рок э́ти ка́мни и про́сит тебя́ отда́ть ему́ в жёны твою́ дочь, царе́вну Буду́р.

Она́ сдёрнула с блю́да плато́к, и весь дива́н освети́лся — так засверка́ли ка́мни.

— О визи́рь! — сказа́л султа́н. — Ви́дел ли ты когда́-нибудь таки́е ка́мни?

— Нет, о влады́ка султа́н, не вида́л, — отвеча́л визи́рь.

Султа́н о́чень люби́л драгоце́нности, но у него́ не́ было ни одного́ ка́мня, подо́бного тем, кото́рые присла́л ему́ Аладди́н.

Султа́н сказа́л:

— Я ду́маю, что челове́к, у кото́рого есть таки́е ка́мни, мо́жет быть му́жем моей до́чери. Как ты ду́маешь, визи́рь?

Когда́ визи́рь услы́шал э́ти слова́, он позави́довал Аладди́ну вели́кой за́вистью: у него́ был сын, кото́рого он хоте́л жени́ть на царе́вне Буду́р, и султа́н уже́ обеща́л ему́ вы́дать Буду́р за́муж за его́ сы́на.

— О влады́ка султа́н, — сказа́л визи́рь, — не

следует отдавать царевну за человека, которого ты даже не знаешь. Может быть, у него ничего нет, кроме этих камней. Пусть он подарит тебе ещё сорок таких же блюд, наполненных драгоценными камнями, и сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять. Тогда мы узнаем, богат он или нет.

А про себя визирь подумал: «Невозможно, чтобы кто-нибудь мог всё это добыть! Аладдин будет бессилен это сделать, и султан не отдаст за него свою дочь».

— Ты хорошо придумал, визирь! — закричал султан и сказал матери Аладдина: — Ты слышала, что говорит визирь? Иди и передай твоему сыну: если он хочет жениться на моей дочери, пусть присылает сорок золотых блюд с такими же камнями, сорок невольниц и сорок рабов.

Мать Аладдина поклонилась и вернулась домой.

Увидя, что у матери нет в руках блюда, Аладдин сказал:

— О матушка, я вижу, ты сегодня говорила с султаном. Что же он ответил тебе?

— Ах, дитя моё, лучше бы мне не ходить к султану и не говорить с ним! — ответила старуха. — Послушай только, что он мне сказал...

И она передала Аладдину слова султана. Но Аладдин засмеялся от радости и воскликнул:

— Успокойся, матушка, это самое лёгкое дело!

Он взял лампу и потёр её. Когда мать увидела это, она бегом бросилась в кухню, чтобы не видеть джинна. А джинн тотчас появился и сказал:

— О господин, я к твоим услугам. Чего ты хочешь? Требуй — получишь!

— Мне нужно сорок золотых блюд, полных драгоценных камней, сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять, — сказал Аладдин.

— Будет исполнено, о господин, — ответил Май-

му́н, раб ла́мпы. — Мо́жет быть, ты хо́чешь, что́бы я разру́шил го́род и́ли постро́ил дворе́ц? Прика́зывай!

— Нет, сде́лай то, что я тебе́ сказа́л, — отве́тил Аладди́н.

И раб ла́мпы скры́лся.

Ско́ро он появи́лся сно́ва. За ним шли со́рок прекра́сных нево́льниц. Ка́ждая держа́ла на голове́ золото́е блю́до с драгоце́нными камня́ми, а за нево́льницами шли ро́слые, краси́вые рабы́ с обнажёнными меча́ми в рука́х.

— Вот то, что ты тре́бовал, — сказа́л джинн и скры́лся.

Тогда́ мать Аладди́на вы́шла из ку́хни и осмотре́ла рабо́в и нево́льниц. Пото́м, ра́достная и го́рдая, она́ повела́ их ко дворцу́ султа́на.

Весь наро́д сбежа́лся посмотре́ть на э́то ше́ствие. Стра́жа во дворце́ засты́ла от изумле́ния, когда́ уви́дела э́тих рабо́в и нево́льниц.

Мать Аладди́на привела́ их пря́мо к султа́ну. Все они́ поцелова́ли зе́млю перед султа́ном и, сняв блю́да с головы́, поста́вили их в ряд.

— О визи́рь, — сказа́л султа́н, — каково́ твоё мне́ние? Ра́зве не досто́ин тот, кто име́ет тако́е бога́тство, стать му́жем мое́й до́чери, царе́вны Буду́р?

— Досто́ин, о влады́ка! — отвеча́л визи́рь, тяжело́ вздыха́я.

— Пойди́ и переда́й твоему́ сы́ну, — сказа́л султа́н ма́тери Аладди́на, — что я при́нял его́ пода́рок и согла́сен вы́дать за него́ за́муж царе́вну Буду́р. Пусть он придёт ко мне: я хочу́ с ним познако́миться.

Мать Аладди́на торопли́во поклони́лась султа́ну и побежа́ла домо́й так бы́стро, что ве́тер не мог бы за ней угна́ться. Она́ прибежа́ла к Аладди́ну и закрича́ла:

— Ра́дуйся, сыно́к! Султа́н при́нял твой пода́рок и согла́сен, что́бы ты стал му́жем царе́вны! Он сказа́л э́то при всех! Иди́ сейча́с же во дворе́ц: султа́н хо́чет с тобо́й познако́миться.

— Сейча́с я пойду́ к султа́ну, — сказа́л Аладди́н. — А тепе́рь уходи́: я бу́ду разгова́ривать с джи́нном.

Аладди́н взял ла́мпу, потёр её, и то́тчас же яви́лся Маймýн, раб ла́мпы. Аладди́н сказа́л ему́:

— Приведи́ мне со́рок во́семь бе́лых нево́льников: э́то бу́дет моя́ сви́та. И пусть два́дцать четы́ре нево́льника иду́т впереди́ меня́, а два́дцать четы́ре — сза́ди. И ещё доста́вь мне ты́сячу золоты́х и са́мого лу́чшего коня́.

— Бу́дет испо́лнено, — сказа́л джинн и скры́лся.

Он доста́л всё, что веле́л ему́ Аладди́н, и спроси́л:

— Чего́ ты хо́чешь ещё? Не хо́чешь ли ты, что́бы я разру́шил го́род и́ли постро́ил дворе́ц? Я всё могу́.

— Нет, пока́ не на́до, — сказа́л Аладди́н.

Он вскочи́л на коня́ и пое́хал к султа́ну. На ры́ночной пло́щади, где бы́ло мно́го наро́ду, Аладди́н доста́л из мешка́ горсть зо́лота и бро́сил его́ в толпу́. Все ки́нулись лови́ть и подбира́ть моне́ты, а Аладди́н броса́л и броса́л зо́лото, пока́ его́ мешо́к не опусте́л. Он подъе́хал ко дворцу́, и все вельмо́жи и приближённые султа́на встре́тили его́ у воро́т и проводи́ли в дива́н. Султа́н подня́лся ему́ навстре́чу и сказа́л:

— Добро́ пожа́ловать, Аладди́н! Я слы́шал, что ты хо́чешь жени́ться на мое́й до́чери? Я согла́сен. Всё ли ты пригото́вил к сва́дьбе?

— Нет ещё, о влады́ка султа́н, — отве́тил Аладди́н. — Я не вы́строил для царе́вны Буду́р дворца́.

— А когда́ же бу́дет сва́дьба? — спроси́л султа́н. — Ведь дворе́ц ско́ро не вы́строишь.

— Не беспоко́йся, султа́н, — сказа́л Аладди́н. — Подожди́ немно́го.

— А где ты собира́ешься постро́ить дворе́ц? — спроси́л султа́н. — Не хо́чешь ли ты вы́строить его́ перед мои́ми о́кнами, вот на э́том пустыре́?

— Как тебе́ бу́дет уго́дно, султа́н, — отве́тил Аладди́н.

Он прости́лся с султа́ном и уе́хал домо́й вме́сте со всей свое́й сви́той.

До́ма он взял ла́мпу, потёр её и, когда́ появи́лся джинн Маймý́н, сказа́л ему́:

— Постро́й мне дворе́ц, да тако́й, како́го ещё не́ было на земле́! Мо́жешь ты э́то сде́лать?

— Могу́! — воскли́кнул джинн го́лосом, подо́бным гро́му. — К за́втрашнему утру́ бу́дет гото́во.

И в са́мом де́ле: на сле́дующее у́тро среди́ пустыря́ возвыша́лся великоле́пный дворе́ц. Сте́ны его́ бы́ли сло́жены из золоты́х и серебряных кирпиче́й, а кры́ша была́ алма́зная. Аладди́н обошёл все ко́мнаты и сказа́л Маймý́ну:

— Зна́ешь, Маймý́н, я приду́мал одну́ шту́ку. Слома́й вот э́ту коло́нну, и пусть султа́н ду́мает, что мы забы́ли её поста́вить. Он захо́чет постро́ить её сам и не смо́жет э́того сде́лать. Тогда́ он уви́дит, что я сильне́е и бога́че его́.

— Хорошо́, — сказа́л джинн и махну́л руко́й.

Коло́нна то́тчас исче́зла, как бу́дто её и не́ было.

— Тепе́рь, — сказа́л Аладди́н, — я пойду́ и приведу́ сюда́ султа́на.

А султа́н у́тром подошёл к окну́ и уви́дел дворе́ц, кото́рый так блесте́л и сверка́л, что на него́ бы́ло бо́льно смотре́ть. Султа́н приказа́л позва́ть визи́ря и показа́л ему́ дворе́ц.

— Ну, визи́рь, что ска́жешь? — спроси́л он. — Досто́ин ли быть му́жем мое́й до́чери тот, кто в одну́ ночь постро́ил тако́й дворе́ц?

— О влады́ка султа́н! — закрича́л визи́рь. — Ра́зве ты не ви́дишь, что э́тот Аладди́н — колду́н? Береги́сь, как бы он не отобра́л у тебя́ твоё ца́рство!

— Ты говори́шь всё э́то из за́висти, — сказа́л ему́ султа́н.

В э́то вре́мя вошёл Аладди́н и, поклони́вшись султа́ну, попроси́л его́ осмотре́ть дворе́ц.

Султа́н с визи́рем обошли́ дворе́ц, и султа́н о́чень восхища́лся его́ красото́й. Наконе́ц Аладди́н привёл

гостей к тому месту, где Маймун сломал колонну. Визирь сейчас же заметил, что не хватает одной колонны, и закричал:

— Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает!

— Не беда, — сказал султан. — Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

— Лучше не пробуй, султан, — тихо сказал ему визирь, — тебе это не под силу. Посмотри: эти колонны такие высокие, что не видно, где они кончаются. И они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

— Замолчи, визирь! — гордо сказал султан. — Неужели я не могу поставить одну такую колонну?

Он велел созвать всех каменотёсов, какие были в городе, и отдал им свои драгоценные камни. Но их не хватило. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

— Откройте главную казну, отберите у моих подданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители пришли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им головы, но колонну всё-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

— Не печалься, султан! Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник по случаю свадьбы Аладдина с царевной Будур. Аладдин с женой стали жить в новом дворце.

А магрибинец вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и печалился. Только одно утешение осталось у него. «Раз Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там же. Может быть, мне удастся завладеть ею без Аладдина», — думал он.

И вот однáжды он захотéл убеди́ться, что лáмпа целá и нахóдится в подземéлье. Он погадáл на пескé и уви́дел, что лáмпы в подземéлье бóльше нет. Магриби́нец испугáлся и стал гадáть дáльше. Он уви́дел, что Аладди́н спáсся из подземéлья и живёт в своём роднóм гóроде.

Бы́стро собрáлся магриби́нец в путь и поéхал чéрез моря́, гóры и пусты́ни в далёкую Пéрсию. Дóлго éхал он и наконéц при́был в тот гóрод, где жил Аладди́н.

Магриби́нец пошёл на ры́нок и стал слу́шать, что говоря́т лю́ди. На ры́нке тóлько и бы́ло разговóров, что об Аладди́не и егó дворцé.

Магриби́нец походи́л, послу́шал, а потóм подошёл к продавцу́ холóдной воды́ и спроси́л егó:

— Кто такóй э́тот Аладди́н, о котóром здесь все говоря́т?

— Срáзу ви́дно, что ты нездéшний, — отвéтил продавéц, — инáче ты знал бы, кто такóй Аладди́н: э́то сáмый богáтый человéк во всём ми́ре, а егó дворéц — настоя́щее чу́до!

Магриби́нец протяну́л продавцу́ золотóй и сказáл ему́:

— Возьми́ э́тот золотóй и окажи́ мне услу́гу. Я и впрáвду чужóй в гóроде, и мне хотéлось бы посмотрéть на дворéц Аладди́на. Проводи́ меня́ к э́тому дворцу́.

Продавéц воды́ привёл магриби́нца ко дворцу́ и ушёл, а магриби́нец обошёл вокру́г дворцá и осмотрéл егó со всех сторóн.

«Такóй дворéц мог пострóить тóлько джинн, раб лáмпы. Навéрно, лáмпа нахóдится в э́том дворцé», — поду́мал он.

Дóлго разду́мывал магриби́нец, как завладéть лáмпой, и наконéц приду́мал.

Он пошёл к мéднику и сказáл ему́:

— Сдéлай мне дéсять мéдных ламп, тóлько поскорéе. Вот тебé пять золоты́х в задáток.

— Слу́шаю и повину́юсь, — отве́тил ме́дник. — Приходи́ к ве́черу, ла́мпы бу́дут гото́вы.

Ве́чером магриби́нец получи́л де́сять но́веньких ме́дных ламп, блесте́вших как золоты́е. Как то́лько рассвело́, он стал ходи́ть по го́роду, гро́мко крича́:

— Кто хо́чет обменя́ть ста́рые ла́мпы на но́вые? У кого́ есть ста́рые ме́дные ла́мпы? Меня́ю на но́вые!

Наро́д толпо́й ходи́л за магриби́нцем, а де́ти пры́гали вокру́г него́ и крича́ли:

— Сумасше́дший, сумасше́дший!

Но магриби́нец не обраща́л на них внима́ния.

Наконе́ц он пришёл ко дворцу́. Аладди́на в э́то вре́мя не́ было до́ма. Он уе́хал на охо́ту, и во дворце́ была́ то́лько его́ жена́, царе́вна Буду́р.

Услы́шав крик магриби́нца, Буду́р посла́ла слугу́ узна́ть, в чём де́ло. Слуга́ верну́лся и сказа́л ей:

— Это како́й-то сумасше́дший: он меня́ет но́вые ла́мпы на ста́рые.

Царе́вна Буду́р рассмея́лась и сказа́ла:

— Хорошо́ бы узна́ть, пра́вду он говори́т и́ли обма́нывает. Нет ли у нас во дворце́ како́й-нибудь ста́рой ла́мпы?

— Есть, госпожа́, — сказа́ла одна́ служа́нка. — Я ви́дела в ко́мнате господи́на на́шего Аладди́на ме́дную ла́мпу. Она́ вся позелене́ла и никуда́ не годи́тся.

— Принеси́ э́ту ла́мпу! — приказа́ла Буду́р. — Отда́й её э́тому сумасше́дшему, и пусть он даст нам но́вую.

Служа́нка вы́шла на у́лицу и отдала́ магриби́нцу волше́бную ла́мпу, а взаме́н получи́ла но́венький ме́дный свети́льник. Магриби́нец о́чень обра́довался, что его́ хи́трость удала́сь, и спря́тал ла́мпу за па́зуху. Пото́м он купи́л на ры́нке осла́ и уе́хал. Вы́ехав за́ город, магриби́нец потёр ла́мпу и, когда́ джинн Маймýн яви́лся, кри́кнул ему́:

— Хочу́, что́бы ты перенёс дворе́ц Аладди́на и всех, кто в нём нахо́дится, в Ифри́кию! И меня́ то́же перенеси́ туда́!

— Бу́дет испо́лнено! — сказа́л джинн. — Закро́й глаза́ и откро́й глаза́ — дворе́ц бу́дет в Ифри́кии.

— Потороп́ись, джинн! — сказа́л магриби́нец.

И не успе́л он договори́ть, как уви́дел себя́ в своём саду́ в Ифри́кии, у дворца́. Вот пока́ всё, что с ним бы́ло.

А султа́н просну́лся у́тром, вы́глянул в окно́ и вдруг ви́дит — дворе́ц исче́з. Султа́н протёр глаза́ и да́же ущипну́л себя́ за́ руку, что́бы просну́ться, но дворца́ нет как нет.

Султа́н не знал, что и поду́мать. Он на́чал гро́мко пла́кать и стона́ть. Он по́нял, что с царе́вной Буду́р случи́лась кака́я-то беда́. На кри́ки султа́на прибежа́л визи́рь и спроси́л:

— Что с тобо́й случи́лось, султа́н? Чего́ ты пла́чешь?

— Ра́зве ты ничего́ не зна́ешь? — закрича́л султа́н. — Ну так взгляни́ в окно́. Где дворе́ц? Где моя́ дочь?

— Не зна́ю, о влады́ка султа́н! — отве́тил испу́ганный визи́рь.

— Привести́ сюда́ Аладди́на! — закрича́л султа́н. — Я отрублю́ ему́ го́лову!

В э́то вре́мя Аладди́н как раз возвраща́лся с охо́ты. Слу́ги султа́на вы́шли на у́лицу и побежа́ли к нему́ навстре́чу.

— Прости́ нас, Аладди́н, — сказа́л оди́н из них.— Султа́н приказа́л связа́ть тебе́ ру́ки, закова́ть тебя́ в це́пи и привести́ к нему́. Мы не мо́жем ослу́шаться султа́на.

— За что султа́н рассерди́лся на меня́? — спроси́л Аладди́н. — Я не сде́лал ему́ ничего́ дурно́го.

Позва́ли кузнеца́, и он закова́л но́ги Аладди́на в це́пи. Вокру́г Аладди́на собрала́сь це́лая толпа́. Жи́тели го́рода люби́ли Аладди́на за его́ доброту́, и, когда́ узна́ли, что султа́н хо́чет отруби́ть ему́ го́лову, все сбежа́лись ко дворцу́. А султа́н веле́л привести́ Аладди́на к себе́ и сказа́л ему́:

— Пра́вду говори́т мой визи́рь, что ты колду́н и обма́нщик? Где твой дворе́ц и где моя́ дочь Буду́р?

— Не зна́ю, о влады́ка султа́н! — отве́тил Алади́н. — Я ни в чём перед тобо́й не винова́т.

— Отруби́ть ему́ го́лову! — кри́кнул султа́н.

И Аладди́на сно́ва вы́вели на у́лицу, а за ним вы́шел пала́ч.

Когда́ жи́тели го́рода уви́дели палача́, они́ обступи́ли Аладди́на и посла́ли сказа́ть султа́ну: «Если ты не поми́луешь Аладди́на, мы разру́шим твой дворе́ц и перебьём всех, кто в нём нахо́дится. Освободи́ Аладди́на, а не то тебе́ придётся пло́хо!»

Султа́н испуга́лся, позва́л Аладди́на и сказа́л ему́:

— Я пощади́л тебя́, потому́ что тебя́ лю́бит наро́д. Но е́сли ты не оты́щешь мою́ дочь, я всё-таки отрублю́ тебе́ го́лову! Даю́ тебе́ сро́ку со́рок дней.

— Хорошо́, — сказа́л Аладди́н и ушёл из го́рода.

Он не знал, куда́ ему́ идти́ и где иска́ть царе́вну Буду́р, и с го́ря реши́л утопи́ться; дошёл до большо́й реки́ и сел на берегу́, гру́стный и печа́льный.

Заду́мавшись, он опусти́л в во́ду пра́вую ру́ку и вдруг почу́вствовал, что с его́ мизи́нца па́дает кольцо́. Аладди́н бы́стро подхвати́л кольцо́ и вспо́мнил, что э́то то са́мое коле́чко, кото́рое наде́л ему́ на па́лец магриби́нец.

Аладди́н совсе́м забы́л про э́то кольцо́. Он потёр его́, и перед ним яви́лся джинн Дахна́ш и сказа́л:

— О влады́ка кольца́, я перед тобо́й! Чего́ ты хо́чешь? Прика́зывай!

— Хочу́, что́бы ты перенёс мой дворе́ц на пре́жнее ме́сто! — сказа́л Аладди́н.

Но джинн, слуга́ кольца́, опусти́л го́лову и отве́тил:

— О господи́н, я не могу́ э́того сде́лать! Дворе́ц постро́ил раб ла́мпы, и то́лько он оди́н мо́жет его́ перенести́. Потре́буй от меня́ чего́-нибудь друго́го.

— Если так, — сказа́л Аладди́н, — снеси́ меня́ туда́, где стои́т сейча́с мой дворе́ц.

— Закро́й глаза́ и откро́й глаза́, — сказа́л джинн.

Аладди́н закры́л и сно́ва откры́л глаза́. И очути́лся в саду́ перед свои́м дворцо́м.

Он взбежа́л по ле́стнице и уви́дел Буду́р, кото́рая го́рько пла́кала. Уви́дев Аладди́на, она́ вскри́кнула и запла́кала ещё гро́мче — тепе́рь уже́ от ра́дости. Она́ рассказа́ла Аладди́ну обо всём, что с ней случи́лось, а зате́м сказа́ла:

— Этот магриби́нец мно́го раз приходи́л ко мне и угова́ривал меня́ вы́йти за него́ за́муж. Но я не слу́шаю зло́го магриби́нца, а всё вре́мя пла́чу о тебе́.

— А где он спря́тал волше́бную ла́мпу? — спроси́л Аладди́н.

— Он никогда́ с ней не расстаётся и всегда́ де́ржит при себе́, — отве́тила Буду́р.

— Слу́шай, Буду́р, — сказа́л Аладди́н, — когда́ магриби́нец опя́ть придёт к тебе́, будь с ним ла́сковее. Попроси́ его́ поу́жинать с тобо́й и, когда́ он начнёт есть и пить, всыпь ему́ в вино́ вот э́тот со́нный порошо́к. Как то́лько он заснёт, я войду́ в ко́мнату и убью́ его́.

— Он уже́ ско́ро до́лжен прийти́, — сказа́ла Буду́р. — Иди́ за мной, я тебя́ спря́чу в тёмной ко́мнате; а когда́ он уснёт, я хло́пну в ладо́ши — и ты войдёшь.

Едва́ Аладди́н успе́л спря́таться, как в ко́мнату Буду́р вошёл магриби́нец. Она́ ве́село встре́тила его́ и приве́тливо сказа́ла:

— О господи́н мой, подожди́ немно́го. Я принаряжу́сь, а пото́м мы с тобо́й вме́сте поу́жинаем.

Магриби́нец вы́шел, а Буду́р наде́ла своё лу́чшее пла́тье и пригото́вила ку́шанья и вино́. Когда́ колду́н верну́лся, Буду́р сказа́ла ему́:

— О господи́н мой, обеща́й мне испо́лнить сего́дня всё, что я у тебя́ попрошу́!

— Хорошо́, — сказа́л магриби́нец.

Буду́р начала́ его́ угоща́ть и пои́ть вино́м. Когда́ он немно́го опьяне́л, она́ сказа́ла ему́:

— Дай мне твой ку́бок, я отопью́ из него́ глото́к, а ты вы́пей из моего́.

И Буду́р подала́ магриби́нцу ку́бок вина́, в кото́рое она́ подсы́пала со́нного порошка́. Магриби́нец вы́пил его́ и сейча́с же упа́л, сражённый сном, а Буду́р хло́пнула в ладо́ши. Аладди́н то́лько э́того и ждал. Он вбежа́л в ко́мнату и, размахну́вшись, отруби́л мечо́м го́лову магриби́нцу. А зате́м он вы́нул у него́ из-за па́зухи ла́мпу, потёр её, и сейча́с же появи́лся Маймý́н, раб ла́мпы.

— Отнеси́ дворе́ц на пре́жнее ме́сто! — приказа́л ему́ Аладди́н.

Че́рез мгнове́ние дворе́ц уже́ стоя́л напро́тив дворца́ султа́на. Султа́н в э́то вре́мя сиде́л у окна́ и го́рько пла́кал о свое́й до́чери. Он сейча́с же побежа́л во дворе́ц своего́ зя́тя, где Аладди́н с жено́й встре́тили его́ на ле́стнице, пла́ча от ра́дости.

Султа́н попроси́л у Аладди́на проще́ния за то, что хоте́л отруби́ть ему́ го́лову...

Аладди́н до́лго и сча́стливо жил в своём дворце́ вме́сте с жено́й и ма́терью, пока́ не пришла́ к ним всем смерть.

Али-Баба и сорок разбойников

Когда́-то, о́чень давно́, в одно́м перси́дском го́роде жи́ли два бра́та — Каси́м и Али́-Баба́. Когда́ у́мер их оте́ц, они́ подели́ли де́ньги, кото́рые по́сле него́ оста́лись.

Каси́м стал торгова́ть на ры́нке дороги́ми тка́нями и шёлковыми хала́тами. Он уме́л расхва́ливать свой това́р и зазыва́ть покупа́телей, и в его́ ла́вке всегда́ толпи́лось мно́го наро́ду. Каси́м всё бо́льше и бо́льше богате́л и, когда́ накопи́л мно́го де́нег, жени́лся на до́чери гла́вного судьи́, кото́рую зва́ли Фати́ма.

А Али́-Баба́ не уме́л торгова́ть и нажива́ть де́ньги, и жена́т он был на бе́дной де́вушке по и́мени Зейна́б. Они́ бы́стро истра́тили почти́ всё, что у них бы́ло, и одна́жды Зейна́б сказа́ла:

— Слу́шай, Али́-Баба́, нам ско́ро бу́дет не́чего есть. На́до тебе́ что́-нибудь приду́мать, а то мы умрём с го́лоду.

— Хорошо́, — отве́тил Али́-Баба́, — я поду́маю, что нам де́лать.

Он вы́шел в сад, сел под де́рево и стал ду́мать. До́лго ду́мал Али́-Баба́ и наконе́ц приду́мал. Он взял оста́вшиеся де́ньги, пошёл на ры́нок и купи́л двух осло́в, топо́р и верёвку.

А на сле́дующее у́тро он отпра́вился за́ город, на высо́кую го́ру, поро́сшую густы́м ле́сом, и це́лый день руби́л дрова́. Ве́чером Али́-Баба́ связа́л дрова́ в вяза́нки, нагрузи́л и́ми свои́х осло́в и верну́лся в го́род. Он про́дал дрова́ на ры́нке и купи́л хле́ба, мя́са и зе́лени.

С тех пор Али́-Баба́ ка́ждое у́тро уезжа́л на́ гору и до са́мого ве́чера руби́л дрова́, а пото́м продава́л их на ры́нке и покупа́л хлеб и мя́со для себя́ и для Зейна́б.

И вот одна́жды он стоя́л под высо́ким де́ревом, собира́ясь его́ сруби́ть, и вдруг заме́тил, что на доро́ге подняла́сь пыль до са́мого не́ба. А когда́ пыль рассе́ялась, Али́-Баба́ увида́л, что пря́мо на него́ мчи́тся отря́д вса́дников, оде́тых в па́нцири[1] и кольчу́ги[2]; к сёдлам бы́ли привя́заны ко́пья, а на пояса́х

---

[1] Па́нцирь — металли́ческая одёжда для защи́ты от уда́ров ору́жием.

[2] Кольчу́га — снаряже́ние во́ина в ви́де руба́шки из металли́ческихколе́ц.

сверка́ли дли́нные о́стрые мечи́. Впереди́ скака́л на высо́кой бе́лой ло́шади одногла́зый челове́к с чёрной бородо́й.

Али́-Баба́ о́чень испуга́лся. Он бы́стро влез на верши́ну де́рева и спря́тался в его́ ветвя́х. А вса́дники подъе́хали к тому́ ме́сту, где он то́лько что стоя́л, и сошли́ на зе́млю. Ка́ждый из них снял с седла́ тяжёлый мешо́к и взвали́л его́ себе́ на пле́чи; пото́м они́ ста́ли в ряд, ожида́я, что прика́жет Одногла́зый — их атама́н.

«Что э́то за лю́ди и что у них в мешка́х? — поду́мал Али́-Баба́. — Наве́рное, э́то во́ры и разбо́йники».

Он пересчита́л люде́й, и оказа́лось, что их ро́вно со́рок челове́к, не счита́я атама́на. Атама́н встал впереди́ свои́х люде́й и повёл их к высо́кой скале́, в кото́рой была́ ма́ленькая дверь из ста́ли; она́ так заросла́ траво́й и колю́чками, что её почти́ не́ было ви́дно.

Атама́н останови́лся перед две́рью и гро́мко кри́кнул:

— Симси́м, откро́й дверь!

И вдруг дверь в скале́ распахну́лась, атама́н вошёл, а за ним вошли́ его́ лю́ди, и дверь опя́ть захло́пнулась за ни́ми.

«Вот чу́до! — поду́мал Али́-Баба́. — Ведь симси́м-то — э́то просто́е расте́ние. Я зна́ю, что из его́ семя́н выжима́ют ма́сло, но я не знал, что оно́ мо́жет открыва́ть две́ри!»

Али́-Бабе́ о́чень хоте́лось посмотре́ть побли́же на волше́бную дверь, но он так боя́лся разбо́йников, что не осме́лился слезть с де́рева.

Прошло́ немно́го вре́мени, и вдруг дверь сно́ва распахну́лась и со́рок разбо́йников вы́шли с пусты́ми мешка́ми. Как и пре́жде, одногла́зый атама́н шёл впереди́. Разбо́йники привяза́ли к сёдлам пусты́е мешки́, вскочи́ли на коне́й и ускака́ли. Тогда́ Али́-Баба́, кото́рый уже́ уста́л сиде́ть, ско́рчившись, на де́реве, бы́стро спусти́лся на зе́млю и подбежа́л к скале́.

«А что бу́дет, е́сли я то́же скажу́: «Симси́м, от-

кро́й дверь»? — поду́мал он. — Откро́ется дверь и́ли нет? Попро́бую!»

Он набра́лся хра́брости, вдохну́л побо́льше во́здуху и во весь го́лос кри́кнул:

— Симси́м, откро́й дверь!

И то́тчас же дверь распахну́лась перед ним и откры́лся вход в большу́ю пеще́ру.

Али́-Баба́ вошёл в пеще́ру, и, как то́лько он переступи́л поро́г, дверь сно́ва захло́пнулась за ним. Али́-Бабе́ ста́ло немно́го стра́шно: а вдруг дверь бо́льше не откро́ется и ему́ нельзя́ бу́дет вы́йти? Но он всё же пошёл вперёд, с удивле́нием осма́триваясь по сторона́м.

Он уви́дел, что нахо́дится в большо́й ко́мнате и у стен стои́т мно́жество сто́ликов, уста́вленных золоты́ми блю́дами под серебряными кры́шками. Али́-Баба́ почу́вствовал вкусный за́пах ку́шаний и вспо́мнил, что с утра́ ничего́ не ел. Он подошёл к одному́ сто́лику, снял кры́шки с блюд, и у него́ потекли́ слю́нки: на блю́дах лежа́ли все ку́шанья, каки́х то́лько мо́жно пожела́ть: жа́реные ку́ры, ри́совый пила́в, бли́нчики с варе́ньем, халва́, я́блоки и ещё мно́го други́х вку́сных веще́й.

Али́-Баба́ схвати́л ку́рицу и ми́гом обглода́л её. Пото́м принялся́ за пила́в, а поко́нчив с ним, отломи́л халвы́, но уже́ не мог съесть ни кусо́чка — до того́ он был сыт. Отдохну́в немно́го, он осмотре́лся и увида́л вход в другу́ю ко́мнату. Али́-Баба́ вошёл туда́ и зажму́рил глаза́. Ко́мната вся сверка́ла и блесте́ла — так мно́го бы́ло в ней зо́лота и драгоце́нностей. Золоты́е дина́ры и серебряные дирхе́мы [1] гру́дами лежа́ли пря́мо на земле́, сло́вно ка́мни на морско́м берегу́. Драгоце́нная посу́да — ку́бки, подно́сы, блю́да, укра́шенные дороги́ми каме́ньями, — стоя́ла по всем угла́м. Ки́пы шёлка и тка́ней — кита́йских, инди́йских, сири́йских, еги́петских — лежа́ли посреди́ ко́мнаты;

[1] Дирхе́м и дина́р — моне́ты.

по стена́м висе́ли о́стрые мечи́ и дли́нные ко́пья, кото́рых хвати́ло бы на це́лое во́йско.

У Али́-Бабы́ разбежа́лись глаза́, и он не знал, за что ему́ взя́ться: то приме́рит кра́сный шёлковый хала́т, то схва́тит золото́й подно́с и смо́трится в него́, как в зе́ркало, то наберёт в при́горшню золоты́х моне́т и пересыпа́ет их.

Наконе́ц он немно́го успоко́ился и сказа́л себе́: «Эти де́ньги и драгоце́нности, наве́рное, награ́блены, и сложи́ли их сюда́ разбо́йники, кото́рые то́лько что здесь бы́ли. Эти бога́тства не принадлежа́т им, и е́сли я возьму́ себе́ немно́жко зо́лота, в э́том не бу́дет ничего́ дурно́го. Ведь его́ здесь сто́лько, что не счесть».

Али́-Баба́ подоткну́л по́лы хала́та и, встав на коле́ни, стал подбира́ть зо́лото. Он нашёл в пеще́ре два пусты́х мешка́, напо́лнил их дина́рами, притащи́л к две́ри и кри́кнул:

— Симси́м, откро́й дверь!

Дверь то́тчас же распахну́лась. Али́-Баба́ вы́шел из пеще́ры, и дверь захло́пнулась за ним. Колю́чие кусты́ и ве́тви переплели́сь и скры́ли её от глаз. Ослы́ Али́-Бабы́ пасли́сь на лужа́йке. Али́-Баба́ взвали́л на них мешки́ с зо́лотом, прикры́л их све́рху дрова́ми и поéхал домо́й. Когда́ он верну́лся, уже́ была́ ночь и встрево́женная Зейна́б ждала́ его́ у воро́т.

— Что ты де́лал в лесу́ так до́лго? — спроси́ла она́. — Я ду́мала, что тебя́ растерза́ли во́лки и́ли гие́ны. Отчего́ ты привёз дрова́ домо́й, а не про́дал их?

— Сейча́с всё узна́ешь, Зейна́б, — сказа́л Али́-Баба́. — Помоги́-ка мне внести́ в дом э́ти мешки́ и не шуми́, что́бы нас не услы́шали сосе́ди.

Зейна́б мо́лча взвали́ла оди́н из мешко́в себе́ на́ спину, и они́ с Али́-Бабо́й вошли́ в дом. Зейна́б пло́тно прикры́ла за собо́й дверь, зажгла́ свети́льник и развяза́ла мешо́к.

Уви́дя зо́лото, она́ побледне́ла от стра́ха и кри́кнула:

— Что ты наде́лал, Али́-Баба́? Кого́ ты огра́бил?

— Не трево́жься, Зейна́б, — сказа́л Али́-Баба́. — Я никого́ не огра́бил и сейча́с расскажу́ тебе́, что со мно́ю сего́дня случи́лось.

Он рассказа́л ей про разбо́йников и пеще́ру и, око́нчив свой расска́з, сказа́л:

— Смотри́, Зейна́б, спрячь э́то зо́лото и не говори́ о нём никому́. Лю́ди поду́мают, что мы и впра́вду кого́-нибудь огра́били, и донесу́т на нас султа́ну[1], и тогда́ он отни́мет у нас всё зо́лото и поса́дит нас в подземе́лье. Дава́й вы́копаем я́му и спря́чем в ней зо́лото.

Они́ вы́шли в сад, вы́копали при све́те луны́ я́му, сложи́ли всё зо́лото, а пото́м опя́ть заброса́ли я́му землёй.

Поко́нчив с э́тим де́лом, Али́-Баба́ лёг спать. Зейна́б то́же легла́, но ещё до́лго воро́чалась с бо́ку на́ бок и ду́мала: «Ско́лько же зо́лота привёз Али́-Баба́? Как то́лько рассветёт, я пересчита́ю все моне́тки, до после́дней!»

На сле́дующее у́тро, когда́ Али́-Баба́, как всегда́, уе́хал на го́ру, Зейна́б побежа́ла к я́ме, раскопа́ла её и приняла́сь пересчи́тывать дина́ры.

Но их бы́ло так мно́го, что Зейна́б не могла́ сосчита́ть. Она́ не о́чень хорошо́ счита́ла и всё вре́мя сбива́лась. Наконе́ц э́то ей надое́ло, и она́ сказа́ла себе́: «Лу́чше я возьму́ ме́ру и переме́ряю зо́лото. Вот то́лько ме́ры у меня́ нет. Придётся попроси́ть у Фати́мы».

А Каси́м с Фати́мой жи́ли в сосе́днем до́ме. Зейна́б сейча́с же побежа́ла к ним. Вошла́ в се́ни и сказа́ла Фати́ме:

— Сде́лай ми́лость, одолжи́ мне ненадо́лго ме́ру. Я сего́дня же верну́ её тебе́.

— Хорошо́, — отве́тила Фати́ма, — но моя́ ме́ра у сосе́дки. Сейча́с я схожу́ за ней и дам её тебе́. Подожди́ здесь в сеня́х. У тебя́ но́ги гря́зные, а я то́лько что постла́ла чи́стые цино́вки.

---

[1] Султа́н — госуда́рь, прави́тель.

Всё э́то Фати́ма вы́думала. И ме́рка, кото́рой ме́ряли крупу́, висе́ла на своём ме́сте — в ку́хне, над очаго́м, — и цино́вок она́ не меня́ла уже́ дней де́сять. На са́мом де́ле ей про́сто о́чень хоте́лось узна́ть, для чего́ Зейна́б вдруг пона́добилась ме́рка, — ведь Фати́ма хорошо́ зна́ла, что в до́ме у Али́-Бабы́ давно́ уже́ нет никако́й крупы́. А спра́шивать Зейна́б она́ не жела́ла: пусть Зейна́б не воobража́ет, что Фати́ма интересу́ется её дела́ми. И она́ приду́мала спо́соб узна́ть не спра́шивая. Она́ вы́мазала дно ме́рки мёдом, а пото́м вы́несла её Зейна́б и сказа́ла:

— На, возьми́. То́лько смотри́ не забу́дь возврати́ть её в це́лости и не по́зже чем к зака́ту со́лнца. Мне само́й ну́жно ме́рять чечеви́цу.

— Спаси́бо тебе́, Фати́ма, — сказа́ла Зейна́б и побежа́ла домо́й.

Она́ вы́гребла из я́мы всё зо́лото и начала́ торопли́во его́ ме́рять, всё вре́мя огля́дываясь по сторона́м.

Зо́лота оказа́лось де́сять мер и ещё полме́ры.

Зейна́б верну́ла ме́рку Фати́ме и ушла́, поклони́вшись ей до земли́. Фати́ма сейча́с же схвати́ла ме́рку и загляну́ла в неё. И вдруг она́ уви́дела: ко дну ме́рки прили́п како́й-то ма́ленький све́тлый кружо́чек. Фати́ма запусти́ла ру́ку в ме́рку и вы́нула кружо́чек. Это был но́венький золото́й дина́р.

Фати́ма не ве́рила свои́м глаза́м. Она́ поверте́ла моне́ту ме́жду па́льцами и да́же попро́бовала её на зуб — не фальши́вая ли? Но дина́р был са́мый настоя́щий, из чи́стого зо́лота.

— Так вот кака́я э́то крупа́! — закрича́ла Фати́ма. — Они́ таки́е богачи́, что Зейна́б да́же ме́ряет зо́лото ме́рой. Наве́рное, они́ кого́-нибудь огра́били, а са́ми притворя́ются бедняка́ми. Скоре́е бы Каси́м верну́лся из ла́вки! Я непреме́нно всё расскажу́ ему́. Пусть пойдёт к Али́-Бабе́ и пригрози́т ему́ хороше́нько. Али́-Баба́, наве́рное, поде́лится с ним.

Фати́ма весь день просиде́ла у воро́т, ожида́я Каси́ма. Когда́ ста́ло смерка́ться, Каси́м верну́лся из

ла́вки, и Фати́ма, не дав ему́ да́же снять тюрба́н, закрича́ла:

— Слу́шай, Каси́м, кака́я у меня́ но́вость! Твой брат Али́-Баба́ прики́дывается бедняко́м, а он, ока́зывается, бога́че нас с тобо́й!

— Что ты вы́думала! — рассерди́лся Каси́м. — Бога́че меня́ нет никого́ на на́шей у́лице да и во всём кварта́ле. Неда́ром меня́ вы́брали старшино́й ры́нка.

— Ты мне не ве́ришь! — оби́делась Фати́ма. — Ну так скажи́: как ты счита́ешь де́ньги, когда́ подсчи́тываешь по вечера́м вы́ручку?

— Обыкнове́нно счита́ю, — отве́тил Каси́м. — Скла́дываю в ку́чи дина́ры и дирхе́мы и пересчи́тываю. А как насчита́ю со́тню, загиба́ю па́лец, что́бы не ошиби́ться. Да что ты таки́е глу́пости спра́шиваешь?

— Нет, не глу́пости! — закрича́ла Фати́ма. — Ты вот счита́ешь дина́ры на деся́тки и со́тни, а Зейна́б, жена́ твоего́ бра́та, счита́ет ме́рами. Вот что она́ оста́вила в мое́й ме́рке!

И Фати́ма показа́ла ему́ дина́р, кото́рый прили́п ко дну ме́рки.

Каси́м осмотре́л его́ со всех сторо́н и сказа́л:

— Пусть меня́ не зову́т Каси́мом, е́сли я не допыта́юсь, отку́да у Али́-Бабы́ взяли́сь де́ньги. Хи́тростью и́ли си́лой, но я отберу́ их у него́!

И он сейча́с же отпра́вился к своему́ бра́ту.

Али́-Баба́ то́лько что верну́лся с горы́ и отдыха́л на ка́менной скамье́ перед до́мом. Он о́чень обра́довался Каси́му и сказа́л:

— Добро́ пожа́ловать, Каси́м! Ты не ча́сто быва́ешь у меня́. Что привело́ тебя́ ко мне сего́дня, да ещё в тако́й по́здний час?

— До́брый ве́чер, брат мой, — ва́жно сказа́л Каси́м. — Меня́ привела́ к тебе́ больша́я оби́да.

— Оби́да? — удиви́лся Али́-Баба́. — Чем же мог я, бе́дный дровосе́к, оби́деть старшину́ ры́нка?

— Ты тепе́рь бога́че меня́, — сказа́л Каси́м. —

Ты ме́ряешь зо́лото ме́рами. Вот что моя́ жена́ нашла́ на дне ме́рки, кото́рую она́ дала́ твое́й жене́ Зейна́б. Не обма́нывай меня́: я всё зна́ю! Почему́ ты скрыл от меня́, что разбогате́л? Наве́рное, ты кого́-нибудь огра́бил?

Али́-Баба́ по́нял, что Каси́м прове́дал его́ та́йну, и реши́л во всём призна́ться.

— О брат мой, — сказа́л он, — я во́все не хоте́л тебя́ обма́нывать! Я то́лько потому́ ничего́ тебе́ не рассказа́л, что боя́лся воро́в и разбо́йников, кото́рые мо́гут тебя́ уби́ть.

И он рассказа́л Каси́му про пеще́ру и про разбо́йников. Пото́м протяну́л бра́ту ру́ку и сказа́л:

— О брат мой, мы с тобо́й о́ба сыновья́ одного́ отца́ и одно́й ма́тери. Дава́й же дели́ть попола́м всё, что я привезу́ из пеще́ры. Я зна́ю, как туда́ войти́ и как убере́чься от разбо́йников. Возьми́ себе́ полови́ну де́нег и сокро́вищ — э́того хва́тит тебе́ на всю жизнь.

— Не хочу́ полови́ну, хочу́ все де́ньги! — закрича́л Каси́м и оттолкну́л ру́ку Али́-Бабы́. — Говори́ скоре́е, как войти́ в пеще́ру, а е́сли не ска́жешь, я донесу́ на тебя́ султа́ну, и он вели́т отруби́ть тебе́ го́лову!

— Заче́м ты грози́шь мне султа́ном! — сказа́л Али́-Баба́. — Поезжа́й, е́сли хо́чешь, в пеще́ру, но то́лько тебе́ всё равно́ не увезти́ все де́ньги и сокро́вища. Да́же е́сли бы ты це́лый год вози́л из пеще́ры зо́лото и серебро́, не отдыха́я ни днём, ни но́чью, — и тогда́ ты не увёз бы и полови́ны того́, что там есть.

Он рассказа́л Каси́му, как найти́ пеще́ру, и веле́л ему́ хорошо́ запо́мнить слова́: «Симси́м, откро́й дверь!»

— Не забу́ду, — сказа́л Каси́м. — Симси́м... симси́м... Это, ка́жется, расте́ние вро́де конопли́. Бу́ду по́мнить.

На сле́дующее у́тро Каси́м оседла́л де́сять му́лов, взвали́л на ка́ждого му́ла по два больши́х сундука́ и отпра́вился в лес. Он пусти́л свои́х му́лов пасти́сь на

опу́шке ле́са, отыска́л дверь в скале́ и, встав перед не́ю, закрича́л изо всех сил:

— Эй, симси́м, откро́й дверь!

Дверь распахну́лась, Каси́м вошёл, и дверь сно́ва захло́пнулась за ним.

Каси́м уви́дел пеще́ру, по́лную сокро́вищ, и совсе́м потеря́л го́лову от ра́дости. Он заплясáл на ме́сте, пото́м бро́сился вперёд и стал хвата́ть всё, что попада́лось по́д руку: оха́пки дороги́х тка́ней, куски́ зо́лота, кувши́ны и блю́да, пото́м броса́л их и срыва́л со стен золоты́е мечи́ и щиты́, хвата́л при́горшнями де́ньги и сова́л их за па́зуху. Так он мета́лся по пеще́ре це́лый час, но ника́к не мог забра́ть всего́, что там бы́ло. Наконе́ц он поду́мал: «У меня́ вре́мени мно́го. Бу́ду выноси́ть отсю́да мешо́к за мешко́м, пока́ не нагружу́ всех му́лов, а пото́м прие́ду ещё раз. Я бу́ду е́здить сюда́ ка́ждый день, пока́ не заберу́ всё, до после́дней моне́тки!»

Он схвати́л мешо́к с деньга́ми и поволо́к его́ к две́ри.

Дверь была́ заперта́.

Каси́м хоте́л произнести́ волше́бные слова́, кото́рые открыва́ли дверь, но вдруг оказа́лось, что он позабы́л их. Он по́мнил то́лько, что на́до сказа́ть назва́ние како́го-то расте́ния. И он кри́кнул:

— Горо́х, откро́й дверь!

Но дверь не откры́лась. Каси́м испуга́лся. Он поду́мал и кри́кнул опя́ть:

— Пшени́ца, откро́й дверь!

Дверь и не шевельну́лась. Каси́м от стра́ха уже́ ничего́ не мог вспо́мнить и выкри́кивал назва́ния всех расте́ний, каки́е знал:

— Овёс, откро́й дверь!

— Конопля́, откро́й дверь!

— Ячме́нь откро́й дверь!

Но дверь не открыва́лась.

Каси́м по́нял, что ему́ никогда́ бо́льше не вы́браться из пеще́ры. Он сел на мешо́к с зо́лотом и запла́кал.

В э́то вре́мя разбо́йники огра́били бога́тых купцо́в, отобра́ли у них мно́го зо́лота и дороги́х това́ров. Они́ реши́ли всё э́то спря́тать в пеще́ре. Подъезжа́я к ле́су, атама́н заме́тил на опу́шке му́лов, кото́рые ми́рно щипа́ли траву́.

— Что э́то за му́лы? — сказа́л атама́н. — К их сёдлам привя́заны сундуки́. Наве́рно, кто́-нибудь разузна́л про на́шу пеще́ру и хо́чет нас огра́бить!

Он приказа́л разбо́йникам не шуме́ть и, подойдя́ к две́ри, ти́хо произнёс:

— Симси́м, откро́й дверь!

Дверь отвори́лась, и разбо́йники уви́дели Каси́ма, кото́рый стара́лся спря́таться за мешо́к с деньга́ми. Атама́н бро́сился вперёд, взмахну́л са́блей и отруби́л Каси́му го́лову.

Разбо́йники оста́вили те́ло Каси́ма в пеще́ре, а са́ми перелови́ли му́лов и, погна́в их перед собо́й, ускака́ли.

А Фати́ма весь день просиде́ла у окна́ — всё ждала́, когда́ пока́жутся му́лы с сундука́ми, по́лными зо́лота. Но вре́мя проходи́ло, а Каси́ма всё не́ было. Фати́ма прождала́ день, прождала́ ночь, а у́тром с пла́чем прибежа́ла к Али́-Бабе́.

Али́-Баба́ сказа́л:

— Не трево́жься, Фати́ма. Я сейча́с сам пое́ду на́ гору и узна́ю, что случи́лось с Каси́мом.

Он то́тчас же сел на осла́ и пое́хал в лес, пря́мо к пеще́ре.

И как то́лько вошёл в пеще́ру — уви́дел, что его́ брат лежи́т мёртвый на мешка́х с деньга́ми.

Али́-Баба́ вы́нес те́ло Каси́ма из пеще́ры, положи́л его́ в мешо́к и печа́льный пое́хал домо́й. «Вот до чего́ довела́ Каси́ма жа́дность! — ду́мал Али́-Баба́. — Если бы он согласи́лся раздели́ть со мной де́ньги и не захоте́л забра́ть себе́ всё, он и сейча́с был бы жив».

Али́-Баба́ устро́ил Каси́му пы́шные по́хороны, но никому́ не сказа́л, как поги́б его́ брат. Фати́ма гово-

ри́ла всем, кто провожа́л Каси́ма на кла́дбище, что её му́жа растерза́ли в лесу́ ди́кие зве́ри.

Когда́ Каси́ма похорони́ли, Али́-Баба́ сказа́л Фати́ме:

— Зна́ешь что, Фати́ма, прода́й мне твой дом, и бу́дем жить вме́сте. Тогда́ и мне не придётся стро́ить но́вый дом, и тебе́ не так стра́шно бу́дет жить одно́й. Хорошо́?

— О Али́-Баба́, — сказа́ла Фати́ма, — мой дом — твой дом, и всё, что у меня́ есть, принадлежи́т тебе́. Позво́ль то́лько мне жить с ва́ми — бо́льше мне ничего́ не ну́жно.

— Ну вот и хорошо́, — сказа́л Али́-Баба́, и они́ с Зейна́б и Фати́мой за́жили вме́сте.

Али́-Баба́ ещё не́сколько раз е́здил в пеще́ру и вы́вез отту́да мно́го зо́лота, драгоце́нных оде́жд, ковро́в и посу́ды.

Ка́ждый день у него́ на ку́хне гото́вилась пи́ща не то́лько для него́ самого́, Зейна́б и Фати́мы, но и для всех его́ бе́дных сосе́дей, кото́рым не́чего бы́ло есть. А когда́ сосе́ди благодари́ли его́, он говори́л:

— Приходи́те и за́втра и приводи́те с собо́й всех бедняко́в. А благодари́ть не́ за что. Я угоща́ю вас на де́ньги моего́ бра́та Каси́ма, кото́рого съе́ли на горе́ во́лки. Он ведь был челове́к бога́тый.

Ско́ро все бедняки́ и ни́щие ста́ли приходи́ть к до́му Али́-Бабы́ к обе́ду и у́жину, и жи́тели го́рода о́чень его́ полюби́ли.

Вот что бы́ло с Али́-Бабо́й, Зейна́б и Фати́мой.

Что же каса́ется разбо́йников, то они́ че́рез не́сколько дней опя́ть прие́хали к пеще́ре и уви́дели, что те́ло их врага́ исчє́зло, а мешки́ с деньга́ми разбро́саны по земле́.

— В на́шу пеще́ру опя́ть кто́-то заходи́л! — вскрича́л атама́н. — Неда́вно я уби́л одного́ врага́, но, ока́зывается, их не́сколько. Пусть не бу́ду я Хаса́н Одногла́зый, е́сли я не убью́ вся́кого, кто хо́чет поживи́ться на́шей добы́чей! Хра́брые разбо́йники,

найдётся ли среди вас смельчак, который не побоится отправиться в город и разыскать нашего обидчика? Пусть не берётся за это дело трус или слабый. Только хитрый и ловкий может исполнить его.

— О атаман, — сказал один из разбойников, — никто, кроме меня, не пойдёт в город и не выследит нашего врага. Недаром зовут меня Ахмед Сорвиголова. А если я не найду его, делай со мной что хочешь.

— Хорошо, Ахмед, — сказал атаман. — Даю тебе один день сроку. Если ты найдёшь нашего врага, я назначу тебя своим помощником, а если не найдёшь — лучше не возвращайся: я отрублю тебе голову.

— Будь спокоен, атаман, не пройдёт дня, как ты узнаешь, где найти своего врага, — сказал Ахмед. — Ждите меня сегодня к вечеру здесь в лесу.

Он сбросил с себя разбойничье платье, надел синий шёлковый халат, красные сафьяновые сапоги и тюбетейку и пошёл в город.

Было раннее утро. Рынок был ещё пуст, и все лавки были закрыты. Только старый башмачник сидел под своим навесом и, разложив инструменты, ждал заказчиков.

Ахмед Сорвиголова подошёл к нему и, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, дядюшка! Как ты рано вышел на работу! Если бы я не увидел тебя, мне пришлось бы ещё долго ждать, пока откроется рынок.

— А что тебе нужно? — спросил старый башмачник, которого звали Мустафа.

— Я чужой в вашем городе, — ответил Ахмед. — Только сегодня ночью я пришёл сюда и ждал до рассвета, пока открыли городские ворота. В этом городе жил мой брат, богатый купец. Я пришёл к нему из далёких стран, чтобы повидать его, и, подходя к городу, услышал, что его нашли в лесу мёртвым. Теперь я не знаю, как отыскать его родных, чтобы поплакать о нём вместе с ними.

— Ты говори́шь, твой брат был бога́тый купе́ц? — спроси́л башма́чник. — В на́шем го́роде неда́вно хорони́ли одного́ купца́, и я был на похорона́х. Жена́ купца́ говори́ла, что его́ растерза́ли во́лки, но я слы́шал от одного́ челове́ка, что э́то непра́вда и что э́того купца́ на са́мом де́ле мла́дший брат нашёл в лесу́ уби́тым, без головы́, и тайко́м привёз домо́й в мешке́.

Ахме́д Сорвиголова́ о́чень обра́довался. Он по́нял, что э́тот бога́тый купе́ц и есть тот челове́к, кото́рого уби́л атама́н в пеще́ре.

— Ты мо́жешь меня́ провести́ к его́ до́му? — спроси́л Ахме́д башма́чника.

— Могу́, — отве́тил башма́чник. — Но то́лько как же мне быть с рабо́той? Вдруг кто́-нибудь придёт на ры́нок и захо́чет заказа́ть мне ту́фли, а меня́ не бу́дет на ме́сте?

— Вот тебе́ дина́р, — сказа́л Ахме́д. — Возьми́ его́ за убы́тки, а когда́ ты пока́жешь мне дом моего́ бра́та, я дам тебе́ ещё дина́р.

— Спаси́бо тебе́ за твою́ ще́дрость! — воскли́кнул обра́дованный Мустафа́. — Что́бы зарабо́тать э́тот дина́р, мне ну́жно це́лый ме́сяц ста́вить на ту́флях запла́тки. Пойдём!

И башма́чник привёл Ахме́да к до́му, где жил Каси́м.

— Вот дом, где жил уби́тый купе́ц. Здесь посели́лся тепе́рь его́ брат, — сказа́л Мустафа́.

«Его́-то мне и на́до!» — поду́мал Ахме́д. Он дал Мустафе́ дина́р, и Мустафа́ ушёл, кла́няясь и благодаря́.

Все дома́ в э́том го́роде бы́ли обнесены́ высо́кими стена́ми, так что на у́лицу выходи́ли то́лько воро́та. Запо́мнить незнако́мый дом бы́ло нелегко́.

«Надо отме́тить э́тот дом, что́бы пото́м узна́ть его́», — реши́л Ахме́д.

Он вы́тащил из карма́на кусо́к ме́ла и поста́вил на воро́тах до́ма кре́стик. А пото́м пошёл обра́тно.

«Тепе́рь я запо́мню э́тот дом и приведу́ к нему́

за́втра мои́х това́рищей... Быть мне помо́щником атама́на!» — ра́довался он.

То́лько что Ахме́д успе́л уйти́, как из до́ма вы́шла служа́нка Али́-Бабы́ по и́мени Марджа́на, де́вушка у́мная и хра́брая. Она́ собрала́сь идти́ на ры́нок за хле́бом и мя́сом к обе́ду. Закрыва́я кали́тку, она́ оберну́лась и вдруг уви́дела на воро́тах кре́стик, нарисо́ванный ме́лом.

«Кто э́то взду́мал па́чкать на́ши воро́та? — поду́мала она́. — Наве́рное, у́личные мальчи́шки... Нет, крест сли́шком высоко́. Его́ нарисова́л взро́слый челове́к, и э́тот челове́к заду́мал про́тив нас зло́е де́ло. Он хо́чет запо́мнить наш дом, что́бы нас уби́ть и́ли огра́бить. На́до мне сбить его́ с то́лку».

Марджа́на верну́лась домо́й, вы́несла кусо́к ме́ла, поста́вила кресты́ на всех сосе́дних дома́х и ушла́ по свои́м дела́м.

А разбо́йник прибежа́л в пеще́ру и кри́кнул:

— Слу́шай, атама́н! Слу́шайте все! Я нашёл дом на́шего врага́ и отме́тил его́ кресто́м. За́втра я вам покажу́ его́.

— Молоде́ц, Ахме́д Сорвиголова́! — сказа́л атама́н. — За́втра к утру́ бу́дьте все гото́вы. Мы спря́чем под хала́ты о́стрые ножи́ и пойдём с Ахме́дом к до́му на́шего врага́.

— Слу́шаем и повину́емся тебе́, атама́н, — сказа́ли разбо́йники, и все ста́ли поздравля́ть Ахме́да с уда́чей.

А Ахме́д Сорвиголова́ ходи́л го́рдый и говори́л:

— Вот уви́дите, я бу́ду помо́щником атама́на!

Он всю ночь не спал, дожида́ясь у́тра, и, как то́лько рассвело́, вскочи́л и разбуди́л разбо́йников. Они́ наде́ли широ́кие буха́рские хала́ты, бе́лые чалмы́ и ту́фли с за́гнутыминоска́ми, спря́тали под хала́ты ножи́ и пошли́ в го́род. И все, кто их ви́дел, говори́ли:

— Это буха́рцы. Они́ пришли́ в наш го́род и осма́тривают его́.

Впереди́ всех шли Ахме́д с атама́ном. До́лго води́л Ахме́д свои́х това́рищей по го́роду и наконе́ц отыска́л ну́жную у́лицу.

— Смотри́те, — сказа́л он, — вот э́тот дом. Ви́дите, на воро́тах крест.

— А вот ещё крест, — сказа́л друго́й разбо́йник. — В како́м же до́ме живёт наш враг?

— Да вон и на том до́ме крест! И на э́том! И здесь крест! Да тут на всех дома́х кресты́! — закрича́ли вдруг остальны́е разбо́йники.

Атама́н рассерди́лся и сказа́л:

— Что э́то зна́чит? Кто́-то перехитри́л тебя́, Ахме́д! Ты не вы́полнил поруче́ние, и не придётся тебе́ бо́льше с на́ми разбо́йничать. Я сам отрублю́ тебе́ го́лову!

И когда́ они́ верну́лись в лес, жесто́кий атама́н отруби́л го́лову Ахме́ду. А пото́м сказа́л:

— Кто ещё возьмётся отыска́ть дом на́шего врага́? У кого́ хва́тит хра́брости? Пусть не про́бует э́то сде́лать лени́вый и́ли сла́бый!

— Позво́ль мне попыта́ться, о атама́н! — сказа́л оди́н из разбо́йников, Мухамме́д Плеши́вый. — Я челове́к ста́рый, и меня́ так легко́ не проведёшь. А е́сли я не вы́полню поруче́ние — казни́ меня́ так же, как ты казни́л Ахме́да.

— Иди́, Мухамме́д, — сказа́л атама́н. — Бу́ду тебя́ ждать до за́втрашнего ве́чера. Но смотри́: е́сли ты не найдёшь и не пока́жешь мне дом на́шего врага́, тебе́ не бу́дет поща́ды.

На сле́дующее у́тро Мухамме́д Плеши́вый отпра́вился в го́род. Ахме́д расска́зывал разбо́йникам про Мустафу́, и Мухамме́д пря́мо пошёл на ры́нок, к ста́рому башма́чнику. Он повёл с ним тако́й же разгово́р, как и Ахме́д, и пообеща́л ему́ два дина́ра, е́сли Мустафа́ пока́жет ему́ дом уби́того купца́. И Мустафа́, обра́дованный, довёл его́ до са́мых воро́т.

«Придётся и мне ка́к-нибудь отме́тить дом», — поду́мал Мухамме́д. Он взял кусо́к кирпича́, валя́в-

шийся на доро́ге, и нарисова́л на воро́тах ма́ленький кре́стик в пра́вом ве́рхнем углу́.

«Здесь его́ никто́ не уви́дит, кро́ме меня́, — поду́мал он. — Побегу́ скоре́е за атама́ном и приведу́ его́ сюда́».

И он бы́стро пошёл обра́тно к свои́м това́рищам.

А Марджа́на как раз возвраща́лась с ры́нка. Уви́дев, что от воро́т их до́ма кра́дучись отошёл како́й-то челове́к и побежа́л по доро́ге, она́ сообрази́ла, что тут что́-то нела́дно. Марджа́на подошла́ к воро́там, внима́тельно осмотре́ла их и уви́дела в пра́вом ве́рхнем углу́ ма́ленький кра́сный кре́стик.

«Так вот, зна́чит, кто ста́вит кресты́ на на́ших воро́тах! — поду́мала Марджа́на. — Подожди́ же, я тебя́ перехитрю́».

Она́ подняла́ с земли́ кусо́к кирпича́ и поста́вила таки́е же кресты́ на воро́тах всех домо́в их у́лицы.

— Ну́-ка попро́буй тепе́рь найди́ наш дом! — воскли́кнула она́. — Тебе́ э́то так же не уда́стся, как вчера́.

А Мухамме́д Плеши́вый всю доро́гу бежа́л не остана́вливаясь и наконе́ц вошёл в пеще́ру, е́ле переводя́ дух.

— Идёмте скоре́е! — кри́кнул он. — Я так отме́тил э́тот дом, что уж тепе́рь на́шему врагу́ не уйти́. Собира́йтесь же скоре́е, не ме́шкайте!

Разбо́йники заверну́лись в плащи́ и пошли́ вслед за Мухамме́дом. Они́ о́чень торопи́лись, что́бы дойти́ до го́рода за́светло, и пришли́ туда́ перед са́мым зака́том со́лнца. Найдя́ знако́мую у́лицу, Мухамме́д Плеши́вый подвёл атама́на к са́мым больши́м и краси́вым воро́там и указа́л ему́ па́льцем на ма́ленький кра́сный кре́стик в пра́вом ве́рхнем углу́ воро́т.

— Ви́дишь, — сказа́л он, — вот моя́ отме́тка.

— А э́то чья? — спроси́л оди́н из разбо́йников, кото́рый останови́лся у сосе́дних воро́т. — Тут то́же нарисо́ван кре́стик.

— Како́й кре́стик? — закрича́л Мухамме́д.

— Кра́сный, — отве́тил разбо́йник. — И на тех воро́тах то́чно тако́й же. И напро́тив — то́же. Пока́ ты пока́зывал атама́ну свой кре́стик, я осмотре́л все сосе́дние воро́та.

— Что же, Мухамме́д, — сказа́л атама́н, — и тебя́, зна́чит, перехитри́ли? Хоть ты и хоро́ший разбо́йник, а сло́ва не сдержа́л. Поща́ды тебе́ не бу́дет.

И Мухамме́д поги́б так же, как и Ахме́д. И ста́ло в ша́йке атама́на не со́рок, а три́дцать во́семь разбо́йников.

«На́до мне самому́ взя́ться за э́то тру́дное де́ло, — поду́мал атама́н. — Мои́ лю́ди хорошо́ сража́ются, ворую́т и гра́бят, но они́ не годя́тся для хи́тростей и обма́на».

И вот на сле́дующее у́тро Хаса́н Одногла́зый, атама́н разбо́йников, вошёл в го́род сам. Торго́вля на ры́нке была́ в по́лном разга́ре. Он нашёл Мустафу́-башма́чника и, присе́в ря́дом с ним, сказа́л:

— О дя́дюшка, почему́ ты тако́й печа́льный? Рабо́ты, что ли, ма́ло?

— Рабо́ты у меня́ уже́ давно́ нет, — отве́тил башма́чник. — Я бы, наве́рно, у́мер с го́лоду, е́сли бы судьба́ не посла́ла мне по́мощь. Позавчера́ ра́но у́тром пришёл ко мне оди́н ще́дрый челове́к и рассказа́л, что он и́щет родны́х своего́ бра́та. А я знал, где дом его́ бра́та, и показа́л ему́ доро́гу, и чужезе́мец подари́л мне це́лых два дина́ра. Вчера́ ко мне пришёл друго́й чужезе́мец и опя́ть спроси́л меня́, не зна́ю ли я его́ бра́та, кото́рый неда́вно у́мер. Я привёл его́ к тому́ же са́мому до́му и опя́ть получи́л два дина́ра. А сего́дня вот уже́ по́лдень, но никто́ ко мне не пришёл. Ви́дно, у поко́йника нет бо́льше бра́тьев.

Услы́шав слова́ Мустафы́, атама́н го́рько запла́кал и сказа́л:

— Како́е сча́стье, что я встре́тил тебя́! Я тре́тий брат э́того уби́того. Я пришёл из далёкой страны́ и то́лько вчера́ узна́л, что моего́ ста́ршего бра́та уби́ли. Нас бы́ло пя́теро бра́тьев, и мы все жи́ли в ра́зных

стра́нах, и вот тепе́рь мы сошли́сь в ва́шем го́роде, но то́лько для того́, что́бы найти́ на́шего бра́та мёртвым. Отведи́ же меня́ к его́ до́му, и я дам тебе́ сто́лько же, ско́лько да́ли мои́ бра́тья.

— Хорошо́! — ра́достно сказа́л стари́к. — А бо́льше у него́ нет бра́тьев?

— Нет, — отве́тил атама́н, тяжело́ вздыха́я. — Нас бы́ло пя́теро, а тепе́рь ста́ло то́лько че́тверо.

— Жа́лко, что вас так ма́ло! — сказа́л ста́рый Мустафа́ и то́же вздохну́л. — Идём.

Он привёл атама́на к до́му Каси́ма, получи́л свою́ пла́ту и ушёл. А атама́н сосчита́л и хорошо́ запо́мнил, ско́лько воро́т от угла́ у́лицы до э́того до́ма, так что ему́ не ну́жно бы́ло отмеча́ть воро́та. Пото́м он верну́лся к свои́м това́рищам и сказа́л:

— О разбо́йники, я приду́мал одну́ хи́трость! Если она́ уда́стся, мы убьём на́шего врага́ и отберём все бога́тства, кото́рые он увёз из пеще́ры. Слу́шайте же меня́ и исполня́йте всё, что я прикажу́.

И он веле́л одному́ из разбо́йников пойти́ в го́род и купи́ть два́дцать си́льных му́лов и со́рок кувши́нов для ма́сла.

А когда́ разбо́йник привёл му́лов, нагру́женных кувши́нами, атама́н приказа́л разбо́йникам влезть в кувши́ны. Он сам прикры́л кувши́ны па́льмовыми ли́стьями и обвяза́л траво́й, а све́рху проткну́л ды́рочки для во́здуха, что́бы лю́ди не задохну́лись. А в оста́вшиеся два кувши́на на́лил оли́вкового ма́сла и вы́мазал им остальны́е кувши́ны, что́бы лю́ди ду́мали, что во всех кувши́нах на́лито ма́сло.

Сам атама́н наде́л пла́тье бога́того купца́ и погна́л му́лов в го́род.

Наступа́л ве́чер, уже́ темне́ло. Атама́н напра́вился к до́му Каси́ма и уви́дел, что у воро́т сиди́т весёлый и приве́тливый челове́к. Это был Али́-Баба́. Атама́н подошёл к нему́ и ни́зко поклони́лся, косну́вшись руко́й земли́.

— До́брый ве́чер, почте́нный купе́ц! — сказа́л

он. — Я чужезе́мец, из далёкой страны́. Я привёз запа́с дорого́го ма́сла и наде́ялся прода́ть его́ в ва́шем го́роде. Но мои́ му́лы уста́ли от до́лгого пути́ и шли ме́дленно. Когда́ я вошёл в го́род, уже́ наступи́л ве́чер и все ла́вки закры́лись. Я обошёл весь го́род, что́бы найти́ ночле́г, но никто́ не хоте́л пусти́ть к себе́ чужезе́мца. И вот я прошёл ми́мо тебя́ и уви́дел, что ты челове́к приве́тливый и раду́шный. Не позво́лишь ли ты мне провести́ у тебя́ одну́ ночь? Я сложу́ свои́ кувши́ны на дворе́, а за́втра ра́но у́тром увезу́ их на ры́нок и прода́м. А пото́м я уе́ду обра́тно в мою́ страну́ и бу́ду всем расска́зывать о твое́й доброте́.

— Входи́, чужезе́мец, — сказа́л Али́-Баба́. — У меня́ ме́ста мно́го. Расседла́й му́лов и зада́й им ко́рму, а пото́м мы бу́дем у́жинать... Эй, Марджа́на, посади́ соба́к на цепь, что́бы они́ не искуса́ли на́шего го́стя!

— Благодарю́ тебя́, о почте́нный купе́ц! — сказа́л атама́н разбо́йников. — Пусть испо́лнятся твои́ жела́ния, как ты испо́лнил мою́ про́сьбу.

Он ввёл свои́х му́лов во двор и разгрузи́л их у стены́ до́ма, осторо́жно снима́я кувши́ны, чтобы не ушиби́ть разбо́йников. А пото́м нагну́лся к кувши́нам и прошепта́л:

— Сиди́те ти́хо и не дви́гайтесь. Но́чью я вы́йду к вам и сам поведу́ вас в дом.

И разбо́йники шёпотом отве́тили из кувши́нов:

— Слу́шаем и повину́емся, атама́н!

Атама́н вошёл в дом и подня́лся в ко́мнату, где уже́ был пригото́влен сто́лик для у́жина. Али́-Баба́ ждал его́, си́дя на ни́зенькой скаме́йке, покры́той ковро́м. Уви́дев го́стя, он кри́кнул Марджа́не:

— Эй, Марджа́на, прикажи́ зажа́рить ку́рицу и пригото́вить побо́льше бли́нчиков с мёдом! Я хочу́, что́бы мой гость был дово́лен на́шим угоще́нием.

— Слу́шаю и повину́юсь, — сказа́ла Марджа́на. — Я пригото́влю всё э́то сама́, свои́ми рука́ми.

Она́ побежа́ла на ку́хню, жи́во замеси́ла те́сто и

то́лько что собрала́сь печь бли́нчики, как вдруг уви́дела, что ма́сло всё вы́шло и жа́рить не́ на чем.

— Вот беда́! — закрича́ла Марджа́на. — Как же тепе́рь быть? Уже́ ночь, ма́сла нигде́ не ку́пишь. И у сосе́дей не доста́нешь, все давно́ спят. Вот беда́!

Вдруг она́ хло́пнула себя́ по́ лбу и сказа́ла:

— Глу́пая я! Говорю́, что нет ма́сла, а здесь, под окно́м, стоя́т со́рок кувши́нов с ма́слом. Я возьму́ немно́го у на́шего го́стя, а за́втра чуть свет куплю́ ма́сла на ры́нке и долью́ кувши́н.

Она́ зажгла́ свети́льник и вы́шла во двор. Ночь была́ тёмная, па́смурная. Всё бы́ло ти́хо, то́лько му́лы у коло́дца фы́ркали и звене́ли узде́чками.

Марджа́на высоко́ подняла́ свети́льник над голово́й и подошла́ к кувши́нам. И как раз случи́лось так, что ближа́йший кувши́н был с ма́слом. Марджа́на откры́ла его́ и ста́ла перелива́ть ма́сло в котёл.

А разбо́йникам уже́ о́чень надое́ло сиде́ть в кувши́нах скрю́чившись. У них так боле́ли ко́сти, что они́ не могли́ бо́льше терпе́ть. Услы́шав шаги́ Марджа́ны, они́ поду́мали, что э́то атама́н пришёл за ни́ми, и оди́н из них ти́хо сказа́л:

— Наконе́ц-то ты пришёл, атама́н! Скоре́е позво́ль нам вы́йти из э́тих прокля́тых кувши́нов и дай распра́виться с хозя́ином э́того до́ма, на́шим враго́м.

Марджа́на, услы́шав го́лос из кувши́на, чуть не упа́ла от стра́ха и вы́ронила свети́льник. Но она́ была́ у́мная и хра́брая де́вушка и сра́зу поняла́, что торго́вец ма́слом — злоде́й и разбо́йник, а в кувши́нах сидя́т его́ лю́ди и что Али́-Бабе́ грози́т стра́шная смерть.

Она́ подошла́ к тому́ кувши́ну, из кото́рого послы́шался го́лос, и шепну́ла:

— Ско́ро придёт пора́. Молчи́, а то тебя́ услы́шат соба́ки. Их на́ ночь спусти́ли с цепи́.

Пото́м она́ подошла́ к друго́му кувши́ну и спроси́ла:

— Кто тут?

— Я, Хаса́н, — отве́тил го́лос из кувши́на.

— Будь гото́в, Хаса́н, ско́ро я освобожу́ тебя́.

Так она́ обошла́ все кувши́ны и узна́ла, что в тридцати́ восьми́ кувши́нах сидя́т разбо́йники и то́лько в два кувши́на на́лито ма́сло.

Марджа́на схвати́ла котёл с ма́слом, побежа́ла на ку́хню и нагре́ла ма́сло на огне́ так, что оно́ закипе́ло. Пото́м вы́шла во двор и плесну́ла кипя́щим ма́слом в кувши́н, где сиде́л разбо́йник. Тот не успе́л и кри́кнуть — сра́зу у́мер. Поко́нчив с одни́м враго́м, Марджа́на приняла́сь за други́х. Она́ кипяти́ла ма́сло на огне́ и облива́ла им разбо́йников, пока́ не уби́ла всех. А зате́м она́ взяла́ сковоро́дку и нажа́рила мно́го румя́ных бли́нчиков, краси́во уложи́ла их на сере́бряное блю́до, облила́ ма́слом и понесла́ наве́рх, в ко́мнату, где сиде́ли Али́-Баба́ и его́ гость.

Али́-Баба́ не перестава́л угоща́ть атама́на разбо́йников, и ско́ро тот так нае́лся, что е́ле мог дви́гаться. Он лежа́л на поду́шках, сложи́в ру́ки на животе́, и тяжело́ дыша́л. Али́-Баба́ уви́дел, что гость сыт, и захоте́л повесели́ть его́. Он кри́кнул Марджа́не:

— Эй, Марджа́на, спляши́ для на́шего го́стя са́мую лу́чшую из твои́х пля́сок!

— Слу́шаю и повину́юсь, господи́н, — отве́тила Марджа́на с покло́ном. — Позво́ль мне то́лько пойти́ и взять покрыва́ло, потому́ что я бу́ду пляса́ть с покрыва́лом.

— Иди́ и возвраща́йся, — сказа́л Али́-Баба́.

Марджа́на убежа́ла к себе́ в ко́мнату, заверну́лась в вы́шитое покрыва́ло и спря́тала под ним о́стрый кинжа́л. А пото́м она́ возврати́лась и ста́ла пляса́ть.

Али́-Баба́ и атама́н разбо́йников смотре́ли на неё и кача́ли голова́ми от удово́льствия.

И вот Марджа́на посреди́ та́нца ста́ла всё бли́же и бли́же подходи́ть к атама́ну. И вдруг она́, как ко́шка, пры́гнула на него́ и, взмахну́в кинжа́лом, вонзи́ла его́ в се́рдце разбо́йника. Разбо́йник гро́мко вскри́кнул и у́мер.

Али́-Баба́ остолбене́л от у́жаса. Он поду́мал, что Марджа́на сошла́ с ума́.

— Го́ре мне! — закрича́л он. — Что ты наде́лала, безу́мная? В моём до́ме уби́т чужезе́мец! Стыд и позо́р на мою́ го́лову!

Марджа́на опусти́лась на коле́ни и сказа́ла:

— Вы́слушай меня́, господи́н, а пото́м де́лай со мной что хо́чешь. Если я винова́та, убе́й меня́, как я уби́ла его́.

И она́ рассказа́ла Али́-Бабе́, как она́ узна́ла о разбо́йниках и как погуби́ла их всех.

Али́-Баба́ сра́зу по́нял, что э́то те са́мые разбо́йники, кото́рые приезжа́ли к пеще́ре и уби́ли Каси́ма.

Он по́днял Марджа́ну с коле́н и гро́мко закрича́л:

— Встава́й, Зейна́б, и разбуди́ Фати́му! Нам грози́ла стра́шная смерть, а э́та сме́лая и у́мная де́вушка спасла́ всех нас!

Зейна́б и Фати́ма сейча́с же прибежа́ли и кре́пко о́бняли Марджа́ну, а Али́-Баба́ сказа́л:

— Ты не бу́дешь бо́льше служа́нкой, Марджа́на. С э́того дня ты бу́дешь жить вме́сте с на́ми, как на́ша родна́я сестра́.

И с э́тих пор они́ жи́ли споко́йно и сча́стливо, пока́ не пришла́ к ним смерть.

Сказка о рыбаке

Жил-был когда́-то давно́ оди́н рыба́к. У него́ бы́ли жена́ и тро́е дете́й. Це́лый день он лови́л ры́бу, а ве́чером продава́л её на ры́нке и покупа́л хлеб и мя́со для

своéй семьи́. И ка́ждый день он заки́дывал сеть три ра́за — не бо́льше.

И вот одна́жды у́тром он положи́л на плечо́ свою́ сеть, взял корзи́ну и пошёл лови́ть ры́бу. Он поста́вил корзи́ну на бе́рег, засучи́л рукава́ и заки́нул сеть как мо́жно да́льше в мо́ре. Когда́ сеть погрузи́лась в во́ду, рыба́к осторо́жно потяну́л её наза́д и почу́вствовал, что сеть тяжёлая.

«В неё, наве́рно, попа́ло мно́го ры́бы», — поду́мал рыба́к. Когда́ он вы́тянул сеть на бе́рег и разверну́л её, то уви́дел, что в се́ти запу́тался мёртвый осёл и сеть вся по́рвана.

«Вот чу́до! — поду́мал рыба́к. — Я уже́ мно́го лет ловлю́ здесь ры́бу, но ни ра́зу мне в сеть не попада́лся осёл».

Рыба́к кое-ка́к почини́л сеть и ещё раз заки́нул её в мо́ре. Когда́ сеть погрузи́лась в во́ду, он попро́бовал её вы́тянуть, но опя́ть сеть была́ тяжёлая, тяжеле́й, чем в пе́рвый раз.

Наконе́ц он втащи́л сеть на бе́рег и разверну́л её и нашёл в ней черепки́, оско́лки стекла́ и ко́сти.

— Го́ре мне! — закрича́л рыба́к и уда́рил руко́й о́б руку. — Ка́жется, в мо́ре подо́хла вся ры́ба. Заки́ну сеть ещё, в после́дний раз, и е́сли ничего́ не пойма́ю, придётся мне верну́ться домо́й без ры́бы.

И сно́ва заки́нул рыба́к свою́ сеть в мо́ре и дожда́лся, пока́ она́ погрузи́лась в во́ду. Он на́чал её вытя́гивать, но сеть ника́к не поддава́лась.

«Она́, ве́рно, зацепи́лась за что́-нибудь», — поду́мал рыба́к. Он бы́стро разде́лся, вошёл в во́ду и нырну́л. До́лго пришло́сь ему́ би́ться над се́тью, пока́ он не отцепи́л её. А когда́ он вы́тащил сеть на бе́рег, в ней оказа́лся большо́й ме́дный кувши́н, запеча́танный свинцо́вой печа́тью.

Рыба́к обра́довался и сказа́л сам себе́: «Посмотрю́, что тако́е в э́том кувши́не, и прода́м его́. На ры́нке ме́дников мне за него́ мо́гут дать, пожа́луй, золото́й».

Он вы́нул из-за па́зухи нож и попро́бовал сорва́ть печа́ть, но она́ пло́тно приста́ла к го́рлышку кувши́на и не поддава́лась. Наконе́ц рыбаку́ удало́сь откры́ть кувши́н, и он наклони́л его́. Но из кувши́на ничего́ не вы́лилось.

— Он пусто́й! А я́-то ду́мал, в нём зо́лото! — воскли́кнул рыба́к и поста́вил кувши́н пря́мо.

И вдруг из кувши́на пошёл густо́й дым. Он поднима́лся всё вы́ше и вы́ше и наконе́ц дошёл до са́мых облако́в. И когда́ дым весь вы́шел из кувши́на, дым э́тот преврати́лся в огро́мное чудо́вище, у кото́рого но́ги бы́ли на земле́, а голова́ — в не́бе.

Ру́ки у него́ бы́ли дли́нные, до са́мых пя́ток, па́льцы — крючкова́тые, с когтя́ми, как у льва. Но́ги его́, то́чно столбы́, вросли́ в зе́млю, во рту, широ́ком, как городски́е воро́та, торча́ли дли́нные о́стрые зу́бы, из ноздре́й вали́л дым, а из глаз лете́ли и́скры. И голова́ — огро́мная, то́чно ку́пол, — кача́лась из стороны́ в сто́рону. И вдруг э́тот велика́н закрича́л стра́шным го́лосом, от кото́рого загуде́ло всё вокру́г:

— Слу́шай, рыба́к! Сейча́с я тебя́ обра́дую.

Рыба́к со стра́ху упа́л на зе́млю. У него́ во рту пересо́хло и зу́бы гро́мко застуча́ли. Полежа́в немно́го, он по́днял го́лову и спроси́л:

— Чем же ты меня́ обра́дуешь, о джинн?

— Тем, что убью́ тебя́ сию́ же мину́ту.

— О нача́льник джи́ннов, не убива́й меня́! — закрича́л рыба́к. — Я ведь то́лько что вы́тащил тебя́ со дна мо́ря.

— За то, что ты меня́ вы́тащил, я окажу́ тебе́ ми́лость: выбира́й, како́й сме́ртью хо́чешь умере́ть. Что тебе́ прия́тнее: что́бы я тебя́ разорва́л, пове́сил и́ли утопи́л в мо́ре?

— За что ты меня́ убива́ешь? — спроси́л рыба́к.

— Послу́шай мою́ исто́рию, о рыба́к, — сказа́л джинн.

— Расска́зывай, да поскоре́й, а то мне стра́шно на тебя́ смотре́ть, — отве́тил рыба́к.

— Знай, рыба́к, — сказа́л джинн, — что я был стра́жником у царя́ ифри́тов. Одна́жды я ослу́шался царя́, и царь веле́л посади́ть меня́ в э́тот кувши́н и бро́сить в мо́ре. Я пролежа́л в мо́ре сто лет и сказа́л: «Тому́, кто освободи́т меня́, я дам мно́го де́нег». Но никто́ не освободи́л меня́. Когда́ прошло́ ещё сто лет, я сказа́л: «Тому́, кто освободи́т меня́, я испо́лню все жела́ния». Но опя́ть никто́ не освободи́л меня́. Прошло́ ещё пятьсо́т лет, и я сказа́л: «Тому́, кто освободи́т меня́, я откро́ю сокро́вища земли́». Но я пролежа́л в кувши́не ещё ты́сячу лет, и никто́ не освободи́л меня́. Тогда́ я о́чень рассерди́лся и сказа́л сам себе́: «Вся́кого, кто меня́ освободи́т, я убью́ и дам ему́ вы́брать, како́й сме́ртью умере́ть». И вот ты освободи́л меня́ — выбира́й же, как тебе́ умере́ть.

Когда́ рыба́к услы́шал слова́ ифри́та, он гро́мко запла́кал и сказа́л:

— Поми́луй меня́ за то, что я освободи́л тебя́ из кувши́на.

— Я потому́ и хочу́ уби́ть тебя́, что ты меня́ освободи́л, — сказа́л ифри́т.

И тогда́ рыба́к поду́мал: «Это — ифри́т, а я — челове́к, и у меня́ есть ра́зум, кото́рый помо́жет мне перехитри́ть ифри́та».

— О ифри́т, — сказа́л он, — е́сли уж ты непреме́нно хо́чешь меня́ уби́ть, отве́ть мне снача́ла на оди́н вопро́с.

— Спра́шивай скоре́й, мне не́когда, — отвеча́л ифри́т.

— Ты говори́шь, — сказа́л рыба́к, — что твой царь веле́л посади́ть тебя́ в э́тот кувши́н. Но кувши́н ма́ленький, а ты большо́й. Как же ты у590.мести́лся в э́том кувши́не?

— Так ты не ве́ришь, что я был в кувши́не и пролежа́л на дне мо́ря сто́лько лет? — закрича́л ифри́т.

— Никогда́ тебе́ не пове́рю, пока́ не уви́жу тебя́ в кувши́не свои́ми глаза́ми, — отвеча́л рыба́к.

— Кляну́сь тебе́, что я был в э́том кувши́не!

— Не клянись, — сказал рыбак, — всё равно я тебе не поверю.

— Хочешь, я тебе докажу, что я был в кувшине? — сказал ифрит.

— Хочу, — ответил рыбак.

Ифрит поднял одну ногу и опустил её в кувшин.

— Смотри, рыбак: вот моя нога в кувшине, — сказал он.

— А вторая? — закричал рыбак.

Ифрит поднял другую ногу и сунул её в кувшин.

— Теперь обе ноги вместе в кувшине. Ты поверил? — спросил он рыбака.

— А колени куда ты денешь? — крикнул рыбак.

— Я покажу тебе, — ответил ифрит и опустился в кувшин по пояс. — Теперь ты веришь?

— А живот и грудь, в которых двадцать четвертей высоты, куда ты их денешь? — продолжал рыбак.

— О несчастный! — крикнул ифрит. — Ты всё ещё не веришь?

И он опустился в кувшин по шею, а рыбак сказал:

— Я ещё вижу эту голову, большую, как купол. Для неё-то и не хватило места.

— Если я скроюсь в кувшине с головой, ты поверишь? — спросил ифрит.

— Поверю, — сказал рыбак.

И ифрит сунул голову в кувшин, и, как только он это сделал, рыбак быстро схватил печать, плотно закрыл горлышко кувшина и покатил его по песку к морю.

— Что ты хочешь сделать, рыбак? — закричал джинн.

— Я хочу бросить тебя в море, где ты уже пролежал столько лет, — сказал рыбак.

— Не надо! — крикнул ифрит.

Но рыбак продолжал толкать кувшин к морю и говорил:

— Я сброшу тебя на дно моря и сяду на берегу. А когда кто-нибудь придёт сюда с сетями, я скажу:

не ловите рыбу в этом месте. Здесь — ифрит. Всякому, кто его вытащит, он предлагает выбрать, какой смертью умереть.

— Выпусти меня, я окажу тебе милость, — сказал ифрит.

— Ты лжёшь, проклятый! — закричал рыбак. — Если я тебя выпущу, ты сделаешь со мной то же, что сделал царь Юнан с врачом Дубаном.

— А кто такие царь Юнан и врач Дубан? — спросил ифрит.

— Слушай, я тебе расскажу, — ответил рыбак.

Был в одном персидском городе царь, которого звали царь Юнан. У него было много денег, войск и телохранителей, но всё тело было у него в пятнах, и ни один врач не мог его вылечить. Царь Юнан целые дни пил лекарства, глотал порошки и мазался мазями, но болезнь всё не проходила, и приближённые царя решили, что он уже не поправится.

И вот однажды пришёл в город царя Юнана старый, седой врач по имени Дубан. Он прочитал все врачебные книги — арабские, персидские и греческие, и не было такой болезни, которую он не мог бы вылечить. Врач Дубан скоро услышал, что царь Юнан очень болен. Тогда он раскрыл свои книги и читал их целый день и целую ночь, а потом он вынул из своей сумки разные мази и травы и приготовил из них лекарство. Когда лекарство было готово, врач Дубан взял палку и выдолбил её и положил лекарство в эту палку, а к палке он приделал сверху круглую ручку.

И когда наступило утро, врач Дубан пошёл во дворец и сказал царю Юнану:

— О царь, вот уже много лет, как ты лечишься от своей болезни, а она всё не проходит. Хочешь, я тебя вылечу?

— Хочу, — сказал царь. — А когда это будет? Поторопись, врач, мне уже очень надоело лечиться.

— Это бу́дет за́втра, — отве́тил врач Дуба́н. — То́лько смотри́ слу́шайся меня́ и де́лай всё, что я тебе́ скажу́. Иди́ и ложи́сь спать. Спи весь день и всю ночь, а у́тром выезжа́й на́ поле, где игра́ют в мяч, и жди меня́.

Царь проспа́л день, проспа́л ночь, а у́тром сел на коня́ и вы́ехал в по́ле.

Врач Дуба́н то́же ско́ро пришёл. Он по́дал царю́ па́лку с кру́глой ру́чкой и сказа́л:

— Возьми́ э́ту па́лку и бей по мячу́ изо всей си́лы. Гоня́йся за мячо́м на своём коне́, пока́ не вспоте́ешь, и всё вре́мя сжима́й ру́чку па́лки как мо́жно сильне́й. Когда́ ты вспоте́ешь, лека́рство разойдётся по твоему́ те́лу — и ты попра́вишься.

Царь послу́шался врача́ Дуба́на и стал гоня́ться по́ полю за мячо́м. Когда́ его́ конь вы́бился из сил и царь сам чуть не упа́л с седла́ от уста́лости, врач Дуба́н сказа́л:

— Тепе́рь дово́льно. Слеза́й с коня́, сходи́ в ба́ню и ложи́сь спать. А когда́ проснёшься — бу́дешь здоро́в.

И пра́вда, когда́ царь просну́лся на сле́дующее у́тро и вы́шел из свое́й спа́льни, те́ло у него́ бы́ло чи́стое и блестя́щее, как серебро́, — без еди́ного пя́тнышка. Все приближённые царя́ удиви́лись иску́сству врача́ Дуба́на, а царь Юна́н призва́л его́ к себе́ и сказа́л:

— Тепе́рь ты мой са́мый лу́чший друг. Проси́ чего́ хо́чешь.

— Мне ничего́ не на́до, — сказа́л врач. — Позво́ль мне то́лько ви́деть тебя́ и с тобо́й разгова́ривать.

— Приходи́ ко мне ка́ждый день обе́дать, — сказа́л царь.

Он дал врачу́ мно́го де́нег и подари́л ему́ чистокро́вного коня́ и шёлковый хала́т, весь расши́тый зо́лотом. И врач сел на коня́ и уе́хал.

С тех пор он ка́ждый день приезжа́л во дворе́ц к царю́ Юна́ну, и царь сажа́л его́ ря́дом с собо́й на трон. Врач Дуба́н стал для него́ доро́же всех приближённых, и он сове́товался с ним обо всех свои́х дела́х.

А у царя́ был визи́рь — Махму́д Плеши́вый, злой и зави́стливый челове́к. Он позави́довал врачу́ Дуба́ну и реши́л его́ погуби́ть. И вот ка́к-то раз по́сле обе́да, когда́ врач Дуба́н то́лько что уе́хал, э́тот Махму́д Плеши́вый пришёл к царю́ и сказа́л:

— О царь, ты оказа́л мне мно́го ми́лостей, и я до́лжен дать тебе́ сове́т.

— Говори́ скоре́й, — сказа́л царь.

— О царь, — продолжа́л визи́рь, — ты ка́ждый день зовёшь к себе́ врача́ Дуба́на и обе́даешь с ним. А э́тот врач — злоде́й, и он хо́чет тебя́ уби́ть.

— Это ты напра́сно говори́шь, визи́рь, — сказа́л царь. — Ра́зве ты не ви́дел, как врач Дуба́н меня́ вы́лечил? У меня́ нет дру́га доро́же э́того врача́. За́втра я дам ему́ ещё хала́т и де́сять кошелько́в зо́лота.

— Опо́мнись, о царь! — сказа́л визи́рь. — Этот Дуба́н вы́лечил тебя́ па́лкой, кото́рую ты подержа́л в руке́, а за́втра он, мо́жет быть, убьёт тебя́ че́м-нибудь, что ты поню́хаешь. Вот тебе́ мой сове́т: когда́ врач к тебе́ придёт, вели́ палачу́ отруби́ть ему́ го́лову. Тогда́ ты изба́вишься от э́того врача́ и спасёшься от сме́рти.

— Ты э́то всё говори́шь из за́висти, — сказа́л царь. — Врач Дуба́н — мой лу́чший друг, и е́сли я его́ убью́, то бу́ду раска́иваться, как раска́ивался царь, когда́ уби́л со́кола.

— А как э́то бы́ло? — спроси́л визи́рь.

— Слу́шай, я тебе́ расскажу́, — сказа́л царь Юна́н. — Оди́н царь о́чень люби́л охо́титься. Он приручи́л со́кола, что́бы пуска́ть его́ вдого́нку за ди́чью, и э́тот со́кол всегда́ сиде́л у него́ на руке́. А на ше́е у царя́ висе́ла ча́шка, и он пои́л из неё своего́ со́кола, когда́ со́колу хоте́лось пить.

И вот одна́жды ра́но у́тром пришёл к царю́ гла́вный соко́льничий и говори́т:

«О царь, пора́ е́хать на охо́ту».

Царь веле́л свои́м приближённым выезжа́ть и сам сел на коня́ и пое́хал впереди́ всех. Охо́тники е́ха-

ли до са́мого по́лдня и наконе́ц прие́хали в одно́ ме́сто, где води́лось мно́го газе́лей [1]. Царь веле́л свои́м лю́дям встать в круг и растяну́ть сеть, и вдруг в сеть попа́лась газе́ль.

«Вся́кого, кто упу́стит э́ту газе́ль, я убью́ свои́ми рука́ми!» — закрича́л царь.

И вдруг газе́ль подошла́ к царю́ и вста́ла перед ним на за́дние но́ги, а пере́дние сложи́ла на груди́ и ни́зко поклони́лась царю́. Царь так удиви́лся, что нагну́л го́лову и то́же поклони́лся газе́ли, и вдруг газе́ль перескочи́ла че́рез го́лову царя́ и убежа́ла.

«Лови́ её, лови́!» — закрича́л царь и по́днял го́лову и уви́дел, что все охо́тники перегля́дываются и смею́тся.

«Чего́ вы смеётесь?» — спроси́л царь.

И оди́н из охо́тников вы́ступил вперёд и сказа́л:

«О царь, ты говори́л, что убьёшь вся́кого, кто упу́стит газе́ль, но ты сам упусти́л её».

«Пусть я не бу́ду царём, — закрича́л царь, — е́сли я не пойма́ю э́ту газе́ль! Жди́те меня́ здесь и не дви́гайтесь».

Он вскочи́л на коня́ и погна́лся за газе́лью и скака́л до тех пор, пока́ не насти́г её. Он спусти́л с руки́ своего́ со́кола, и со́кол уда́рил газе́ль кры́льями по голове́ и ослепи́л её. Тогда́ царь сошёл с коня́ и заре́зал э́ту газе́ль.

А день был жа́ркий, и царю́ о́чень хоте́лось пить, и коню́ его́ то́же. Он осмотре́лся и уви́дел, что нахо́дится на высо́кой горе́, где нет ни одного́ ручейка́. Пря́мо перед ним росло́ де́рево, а с де́рева ка́пала вода́, похо́жая на ма́сло.

Царь снял с ше́и ча́шку и сошёл с коня́ и, набра́в в ча́шку э́той воды́, поста́вил её перед конём. И вдруг со́кол уда́рил по ча́шке крыло́м и расплеска́л во́ду.

Царь поду́мал, что пти́ца то́же хо́чет пить, и ещё раз набра́л по́лную ча́шку воды́. Он поста́вил её пе-

---

[1] Газе́ль — живо́тное из семе́йства антило́п, отлича́ющееся быстрото́й бе́га и стро́йностью.

ред со́колом, но со́кол опя́ть опроки́нул ча́шку уда́ром крыла́.

«Скве́рная пти́ца! — закрича́л царь. — Ты лиши́ла воды́ и себя́ и моего́ коня́».

Сно́ва напо́лнил он водо́й ча́шку и хоте́л вы́пить сам, но со́кол вдруг закрича́л, захло́пал кры́льями и вы́бил ча́шку из рук царя́. Царь о́чень рассерди́лся, взмахну́л мечо́м и отруби́л со́колу кры́лья. А со́кол стал маха́ть голово́й и пока́зывать клю́вом на де́рево. Царь по́днял го́лову и уви́дел, что на верху́шке де́рева сиди́т змея́ и с де́рева ка́пает не вода́, а змеи́ный яд. И вдруг со́кол гро́мко закрича́л, раскры́л клюв и у́мер. И царь пожале́л, что уби́л со́кола, кото́рый спас ему́ жизнь, и го́рько запла́кал, но помо́чь го́рю бы́ло уже́ нельзя́...

Так и я бу́ду раска́иваться, е́сли послу́шаюсь тебя́ и убью́ врача́ Дуба́на, кото́рый вы́лечил меня́ от боле́зни. Уходи́ же с мои́х глаз, о визи́рь, и не дава́й мне бо́льше таки́х сове́тов.

— О царь, — сказа́л визи́рь, — врач не сде́лал мне ничего́ дурно́го, и я сове́тую тебе́ его́ уби́ть то́лько из жа́лости к тебе́. Если ты дове́ришься э́тому врачу́, он убьёт тебя́ и ся́дет вме́сто тебя́ на трон. Ведь он вы́лечил тебя́ че́м-то, что ты взял в ру́ки, и, мо́жет быть, он тебя́ убьёт че́м-нибудь, что ты пони́хаешь.

Царь испуга́лся — а вдруг э́то и пра́вда так бу́дет? — и сказа́л:

— Ты прав, о визи́рь! Если врач вы́лечил меня́ па́лкой, кото́рую я взял в ру́ки, то он мо́жет меня́ уби́ть че́м-нибудь, что я пони́хаю. Но как же мне с ним поступи́ть?

— Пошли́ за ним сейча́с же, — сказа́л визи́рь, — и, когда́ он придёт, отруби́ ему́ го́лову. Обмани́ его́ ра́ньше, чем он тебя́ обма́нет.

— Ты пра́вильно говори́шь, — сказа́л царь и посла́л за врачо́м.

Врач сейча́с же пришёл, ра́достный и дово́льный, не зна́я, кака́я его́ ждёт беда́.

— Зна́ешь, заче́м я тебя́ позва́л? — спроси́л его́ царь Юна́н.

— Нет, не зна́ю. Никто́ не зна́ет неизве́стного, — отве́тил Дуба́н.

— Я позва́л тебя́, что́бы уби́ть, — сказа́л царь.

Врач Дуба́н го́рько запла́кал и сказа́л царю́ Юна́ну:

— Что же я тебе́ сде́лал и за что ты хо́чешь меня́ уби́ть?

— Мне говори́ли, — сказа́л царь Юна́н, — что ты пришёл в моё ца́рство для того́, что́бы погуби́ть меня́. И вот я убью́ тебя́ ра́ньше, чем ты меня́ убьёшь. Ты вы́лечил меня́ па́лкой, кото́рую я взял в ру́ку, и убьёшь меня́ че́м-нибудь, что я понюхаю, и́ли че́м-нибудь други́м.

— Пощади́ меня́, не убива́й! — сказа́л врач Дуба́н.

Но царь воскли́кнул:

— Тебя́ непреме́нно ну́жно уби́ть!

— О царь, — сказа́л оди́н из приближённых, — подари́ мне жизнь э́того врача́ и не убива́й его́. Он не сде́лал тебе́ ничего́ дурно́го и вы́лечил тебя́ от боле́зни, когда́ никто́ не мог тебя́ вы́лечить.

— Этот врач пришёл, что́бы меня́ погуби́ть. Так сказа́л мой визи́рь Махму́д Плеши́вый! — закрича́л царь. — Эй, пала́ч, отруби́ ему́ го́лову!

— Если уж ты реши́л меня́ уби́ть, — сказа́л врач Дуба́н царю́ Юна́ну, — дай мне отсро́чку до утра́. Отпусти́ меня́ домо́й, и я подарю́ тебе́ все свои́ кни́ги. А среди́ них есть така́я кни́га, како́й нет ни у одного́ царя́.

— Хорошо́, — сказа́л царь. — Ступа́й домо́й, а за́втра у́тром принеси́ мне кни́гу.

Царь Юна́н це́лую ночь воро́чался с бо́ку на́ бок и не мог засну́ть, до того́ ему́ не терпе́лось уви́деть кни́гу, кото́рую обеща́л ему́ подари́ть врач. Едва́ рассвело́, царь вскочи́л с посте́ли и закрича́л:

— Привести́ сюда́ врача́ Дуба́на!

И врача́ привели́ под охра́ной двух стра́жников. В рука́х у него́ была́ кни́га и горшо́чек с порошко́м.

— Дава́й сюда́ твою́ кни́гу! — закрича́л царь.

— Подожди́, о царь, — сказа́л врач, — потерпи́ ещё немно́го. Вели́ принести́ большо́е блю́до.

— Эй, блю́до поскоре́й! — кри́кнул царь, и дво́е слуг бего́м бро́сились из ко́мнаты и принесли́ блю́до.

Тогда́ врач Дуба́н вы́сыпал на блю́до порошо́к из горшо́чка, разровня́л его́ и сказа́л:

— О царь, возьми́ э́ту кни́гу, но не раскрыва́й её, пока́ мне не отре́жут го́лову. А когда́ меня́ казня́т, поста́вь мою́ го́лову на блю́до и прикажи́ её натере́ть э́тим порошко́м. Пото́м раскро́й кни́гу и спра́шивай что хо́чешь. Моя́ голова́ отве́тит на все вопро́сы.

Царь о́чень удиви́лся и весь затря́сся от любопы́тства. Он махну́л руко́й, и пала́ч отруби́л го́лову врачу́ Дуба́ну. И когда́ го́лову поста́вили на блю́до, она́ вдруг откры́ла глаза́ и сказа́ла:

— О царь, раскро́й кни́гу и переверни́ от нача́ла де́сять листко́в.

Царь раскры́л кни́гу и хоте́л переверну́ть листо́к, но листки́ сли́плись и приста́ли друг к дру́гу. Царь послюни́л па́лец и переверну́л оди́н листо́к, и друго́й, и тре́тий, и когда́ царь Юна́н дошёл до деся́того листка́, он вдруг зашата́лся и побледне́л.

— В э́той кни́ге — яд! — закрича́л царь. — Меня́ отрави́ли!

А голова́ врача́ Дуба́на пошевели́ла губа́ми и сказа́ла:

— Я тебя́ вы́лечил, а ты меня́ уби́л. Я проси́л поща́ды, а ты не пощади́л. Вот наказа́ние за твою́ жесто́кость.

И как то́лько голова́ Дуба́на произнесла́ э́ти слова́, царь сейча́с же упа́л мёртвый...

— Так и ты, о ифри́т, хоте́л меня́ уби́ть, хотя́ я оказа́л тебе́ услу́гу и вы́тащил тебя́ со дна мо́ря. А тепе́рь я опя́ть сбро́шу тебя́ туда́.

— О рыба́к, — закрича́л ифри́т, — не де́лай э́того! Если я был злоде́ем, то будь ты благоде́телем.

Обеща́ю тебе́, что я тебе́ не сде́лаю зла и научу́ тебя́, как разбогате́ть.

До́лго упра́шивал ифри́т рыбака́, и наконе́ц рыба́к согласи́лся. Он откры́л кувши́н, дым пошёл вверх и опя́ть преврати́лся в ифри́та, и как то́лько ифри́т вы́шел из кувши́на, он сейча́с же пихну́л кувши́н ного́й и сбро́сил в мо́ре. Тут рыба́к до того́ испуга́лся, что весь задрожа́л, но ифри́т рассмея́лся и сказа́л:

— Иди́ за мной.

И рыба́к пошёл сза́ди ифри́та, не ве́ря, что спа́сся, и шёл до тех пор, пока́ они́ не вы́шли за́ город. Они́ подняли́сь на́ гору и спусти́лись в широ́кую доли́ну, и вдруг рыба́к уви́дел перед собо́й пруд, кото́рого никогда́ не ви́дел ра́ньше.

— Посмотри́ на э́тот пруд, — сказа́л ифри́т, и рыба́к посмотре́л и уви́дел, что в пруду́ мно́го рыб ра́зного цве́та — бе́лых, кра́сных, голубы́х и жёлтых.

— Что э́то за пруд и почему́ ры́бы в нём разноцве́тные? — спроси́л рыба́к.

— О рыба́к, заки́нь твою́ сеть, — сказа́л ифри́т.

И рыба́к заки́нул сеть в пруд и вы́тащил её и вдруг ви́дит — в се́ти четы́ре ры́бы: бе́лая, кра́сная, голуба́я и жёлтая.

— О рыба́к, — сказа́л ифри́т, — снеси́ э́ту ры́бу во дворе́ц к царю́, и царь даст тебе́ за неё сто́лько де́нег, что тебе́ хва́тит на всю жизнь. Приходи́ сюда́ ка́ждый день и лови́ ры́бу, но заки́дывай сеть не бо́льше чем три ра́за. А тепе́рь — проща́й и извини́ меня́, е́сли я тебя́ че́м-нибудь оби́дел.

Ифри́т уда́рил ного́й о зе́млю, и земля́ под ним расступи́лась и поглоти́ла его́. А рыба́к верну́лся домо́й, положи́л ры́бу в лоха́нку и понёс её к царю́, как веле́л ему́ ифри́т.

Он пришёл во дворе́ц и показа́л ры́бу. Царь о́чень удиви́лся: он никогда́ ра́ньше не ви́дел таки́х рыб.

— О визи́рь, — сказа́л он, — отда́й э́тих рыб но́вой стряпу́хе, кото́рую мне неда́вно подари́л царь ру-

мов. Пусть она́ их изжа́рит, и мы уви́дим, хорошо́ ли она́ стря́пает.

— Слу́шаю и повину́юсь, — сказа́л визи́рь и повёл рыбака́ на ку́хню. Он о́тдал ры́бу стряпу́хе, и стряпу́ха, уви́дев э́тих рыб, то́же о́чень удиви́лась.

— О де́вушка, — сказа́л визи́рь, — царь хо́чет испыта́ть твоё иску́сство. Изжа́рь же э́тих рыб как сле́дует.

И пото́м визи́рь верну́лся к царю́, а царь веле́л ему́ заплати́ть рыбаку́ четы́реста золоты́х дина́ров — по сто дина́ров за ка́ждую ры́бу. И рыба́к положи́л де́ньги за па́зуху и верну́лся домо́й ра́достный и счастли́вый.

А стряпу́ха вы́чистила ры́бу, поста́вила сковороду́ на ого́нь и положи́ла ры́бу жа́риться. Когда́ ры́ба поджа́рилась с одно́й стороны́, стряпу́ха хоте́ла её переверну́ть, но едва́ она́ дотро́нулась до ры́бы, как стена́ ку́хни вдруг раздви́нулась, и из неё вы́шла молода́я же́нщина с зелёной ве́ткой в руке́. Она́ дотро́нулась ве́ткой до ры́бы, и ры́ба преврати́лась в у́голь, а пото́м э́та же́нщина ушла́, и стена́ сно́ва сдви́нулась.

Стряпу́ха до того́ испуга́лась, что упа́ла на́ пол без па́мяти. А очну́вшись, она́ уви́дела, что вся ры́ба сгоре́ла.

— Что тепе́рь бу́дет! — закрича́ла стряпу́ха. — Царь хоте́л меня́ испыта́ть, а я сожгла́ ры́бу. — И она́ опя́ть упа́ла на́ пол без чувств.

А тут как раз вошёл в ку́хню визи́рь.

Он уви́дел, что стряпу́ха лежи́т на полу́, и толкну́л её ного́й, и тогда́ она́ пришла́ в себя́ и рассказа́ла ему́ всё, как бы́ло.

— Это удиви́тельное де́ло, — сказа́л визи́рь.

Он сейча́с же посла́л за рыбако́м и, когда́ рыбака́ привели́, закрича́л:

— О рыба́к, принеси́ мне ещё четы́ре таки́е же ры́бы — бе́лую, кра́сную, голубу́ю и жёлтую!

Рыба́к пошёл к пруду́, заки́нул сеть и вы́тянул её и вдруг ви́дит: в сеть опя́ть попа́лись четы́ре ры́бы —

бéлая, крáсная, голубáя и жёлтая. Он принёс э́тих рыб визи́рю и получи́л за них четы́реста динáров, а визи́рь пошёл на ку́хню и сказáл стряпу́хе:

— Возьми́ э́тих рыб и изжáрь их при мне, чтóбы я уви́дел, что бу́дет.

И дéвушка приготóвила ры́бу и брóсила её на сковорóдку. И когдá ры́ба поджáрилась с однóй сторóны́, стенá ку́хни раздви́нулась, и из неё вы́шла та же сáмая жéнщина с вéткой в рукé. Онá дотрóнулась вéткой до рыб, и все ры́бы сгорéли, а жéнщина перевернýла сковорóдку и ушлá, а стенá снóва сдви́нулась.

— Такóе дéло нельзя́ скрывáть от царя́! — закричáл визи́рь. — Царь дóлжен ви́деть э́то свои́ми глазáми.

И визи́рь бегóм побежáл к царю́, пу́таясь в пóлах халáта, и рассказáл ему́ обо всём, что он ви́дел.

— Ко мне рыбакá, сию́ же мину́ту! — закричáл царь, и, когдá рыбакá привели́, царь велéл ему́ принести́ ещё четы́ре разноцвéтные ры́бы и пристáвил к нему́ трёх стрáжников, чтóбы рыбáк не убежáл.

Рыбáк в трéтий раз пошёл к пруду́ и принёс ещё четы́ре таки́е же ры́бы. Тогдá царь сказáл своему́ визи́рю:

— Я сам изжáрю их и посмотрю́, что бу́дет.

Он засучи́л рукавá, повязáл себé вокру́г пóяса полотéнце, взял в ру́ки нож и вы́чистил ры́бу. Потóм он нагрéл мáсло на сковородé и положи́л ры́бу в мáсло, и вдруг мáсло подняло́сь и вспéнилось и от негó пошёл густóй дым. Царь так испугáлся, что вы́ронил нож и присéл на зéмлю, и вдруг стенá раздви́нулась, и из неё опя́ть вы́шла жéнщина. В прáвой рукé у неё был меч, а в лéвой — две змеи́. Змéи бы́ли покры́ты таки́ми и́глами, как у ежá; изо рта у них шёл си́ний дым.

Жéнщина закричáла в лицó царю́, и царь упáл нá спину от стрáха, а жéнщина сказáла ему́:

— Посмотри́ на меня́ хорошéнько и запóмни моё лицó. Если ты ещё раз бу́дешь лови́ть мою́ ры́бу, я

превращу́ твой го́род в мо́ре и всех твои́х во́инов в рыб.

Пото́м она́ опя́ть закрича́ла на царя́, и царь лиши́лся чувств, а когда́ он очну́лся, то не уви́дел ни ры́бы, ни сковороды́, ни же́нщины, и стена́ ку́хни сдви́нулась, как ра́ньше.

Царь вы́бежал из ку́хни и закрича́л своему́ визи́рю:

— Приведи́ сюда́ рыбака́, да поскоре́е!

Стра́жники побежа́ли за рыбако́м и привели́ его́, а рыба́к дрожа́л от стра́ха и не рад был, что принёс царю́ разноцве́тных рыб.

— Эй, рыба́к, отку́да э́ти ры́бы? — спроси́л его́ царь.

— Из пруда́ в доли́не ме́жду четырёх гор, — отвеча́л рыба́к.

— А ско́лько дней пути́ до э́того пруда́?

— Пути́ полчаса́, о влады́ка, наш царь.

И царь удиви́лся: он не знал, что так бли́зко от его́ го́рода есть пруд с разноцве́тными ры́бами. Он веле́л свои́м приближённым сади́ться на коне́й и сам сел на коня́, и они́ пое́хали. А рыба́к шёл впереди́ и пока́зывал доро́гу, ожида́я для себя́ како́й-нибудь беды́.

Они́ подняли́сь на́ гору и спусти́лись в широ́кую доли́ну. Посреди́не доли́ны был большо́й пруд, а в пруду́ пла́вали разноцве́тные ры́бы: бе́лые, кра́сные, голубы́е и жёлтые.

— Знал ли кто́-нибудь из вас ра́ньше про э́тот пруд? — спроси́л царь свои́х приближённых.

И все, кто был с царём, отве́тили:

— Нет.

— Я не войду́ в мой го́род и не ся́ду на трон, пока́ не узна́ю пра́вду про э́тот пруд и про разноцве́тных рыб! — воскли́кнул царь.

Он подозва́л своего́ визи́ря и сказа́л ему́:

— О визи́рь, я заду́мал одно́ де́ло. Я уйду́ сего́дня но́чью один и узна́ю, что э́то за пруд и почему́ ры-

бы в нём разноцве́тные. А ты сади́сь у вхо́да в мою́ пала́тку и говори́ вся́кому, кто бу́дет меня́ спра́шивать: «Царь нездоро́в и приказа́л мне никого́ не впуска́ть к нему́».

Пото́м царь перемени́л оде́жду, опоя́сался мечо́м и пошёл. Он шёл всю ночь и весь день и втору́ю ночь до утра́ и вдруг он уви́дел вдали́ что́-то чёрное.

Царь обра́довался и воскли́кнул:

— Мо́жет быть, я встре́чу кого́-нибудь, кто расска́жет мне об э́том пруде́ и о ры́бах!

Он подошёл бли́же и уви́дел дворе́ц, вы́строенный из чёрного ка́мня и блестя́щего желе́за. Царь тихо́нько постуча́лся в воро́та, но никто́ не откры́л ему́. Он постуча́лся второ́й раз и тре́тий, но не услы́шал отве́та, и тогда́ царь что бы́ло си́лы уда́рил руко́й в воро́та, но никто́ не отве́тил ему́.

«Во дворце́, ве́рно, никого́ нет», — поду́мал царь. Он толкну́л воро́та, и вдруг они́ откры́лись. Царь прошёл че́рез двор и вошёл во дворе́ц, но не уви́дел ни одного́ челове́ка.

— О жи́тели дворца́, — кри́кнул тогда́ царь, — я чужестра́нец и путеше́ственник! Нет ли у вас чего́-нибудь пое́сть?

Никто́ не откли́кнулся на слова́ царя́, и царь удиви́лся и опеча́лился. Он сел на скамью́ о́коло две́ри и вдруг услы́шал чьи́-то сто́ны и рыда́ния. Царь прислу́шался и пошёл в ту сто́рону, отку́да доноси́лись сто́ны. Ско́ро он пришёл в большу́ю ко́мнату; посреди́не э́той ко́мнаты стоя́л высо́кий трон, а на тро́не сиде́л краси́вый ю́ноша в шёлковом хала́те и го́рько пла́кал. Царь обра́довался и сказа́л:

— Мир тебе́, о ю́ноша! Как хорошо́, что я тебя́ уви́дел! Скажи́ мне, почему́ ты пла́чешь и что э́то за дворе́ц? Отчего́ ты сиди́шь оди́н и у тебя́ нет приближённых?

Ю́ноша ничего́ не отвеча́л царю́ и продолжа́л пла́кать и стона́ть.

Царь рассерди́лся и сказа́л:

— О ю́ноша, почему́ ты не встаёшь передо мной и не отвеча́ешь на моё приве́тствие? Ра́зве ты не зна́ешь, что я царь э́той страны́?

Тут ю́ноша запла́кал ещё сильне́е и сказа́л:

— О влады́ка, наш царь, е́сли бы ты знал, что со мной случи́лось, ты бы не гне́вался на меня́.

Он припо́днял полу́ своего́ хала́та, и царь уви́дел, что сни́зу до по́яса он ка́менный, а от по́яса до воло́с на голове́ он челове́к. Царь гро́мко вскри́кнул от у́жаса и сказа́л:

— Я хоте́л узна́ть пра́вду об э́том дворце́ и о ры́бах, а тепе́рь прихо́дится спра́шивать и о них и о тебе́. Расскажи́ мне скоре́й, кто соверши́л тако́е злодея́ние?

— Слу́шай меня́ внима́тельно, — сказа́л ю́ноша. — Со мной случи́лась удиви́тельная исто́рия.

Знай, что мой оте́ц был царём э́той страны́ и зва́ли его́ Махму́д, царь Чёрных острово́в. Он проца́рствовал се́мьдесят лет и у́мер, и я стал царём по́сле него́. А у меня́ была́ жена́, и я о́чень её люби́л. И вот одна́жды ве́чером она́ веле́ла затопи́ть ба́ню и пошла́ мы́ться, а я лежа́л на поду́шках и ждал её. Вдруг я услы́шал из сосе́дней ко́мнаты голоса́ двух её нево́льниц, кото́рые разгова́ривали ме́жду собо́й.

«Бе́дный наш господи́н! — сказа́ла одна́ из них.— Он ду́мает, что на́ша госпожа́ его́ лю́бит. А она́ ка́ждый ве́чер подсыпа́ет ему́ в вино́ со́нный порошо́к и, когда́ он заснёт, ухо́дит. Утром она́ даёт ему́ что́-то поню́хать, и он просыпа́ется. Ско́ро она́ совсе́м убьёт его́ и ста́нет вме́сто него́ цари́цей. Смотри́ то́лько никому́ не говори́ то, что я тебе́ сказа́ла. Вот идёт на́ша госпожа́».

И пра́вда, моя́ жена́ вошла́ в ко́мнату и веле́ла нево́льницам подава́ть у́жин. Я так испуга́лся, когда́ услы́шал слова́ нево́льницы, что ничего́ не сказа́л жене́. По́сле у́жина она́ веле́ла пода́ть питьё, кото́рое я пил на́ ночь, и налила́ его́ в мой ку́бок, но я то́лько притвори́лся, что пью, а сам вы́лил питьё за па́зуху

и сейчас же захрапе́л, как храпи́т спя́щий. И моя́ жена́ наде́ла своё лу́чшее пла́тье, повяза́ла вокру́г по́яса мой меч и сказа́ла:

«Спи всю ночь и не просыпа́йся. Недо́лго тебе́ оста́лось жить. Ско́ро я убью́ тебя́ и сама́ ста́ну цари́цей».

Пото́м она́ вы́шла из ко́мнаты, и я подня́лся и пошёл за ней сле́дом. Она́ дошла́ до городски́х воро́т и произнесла́ каки́е-то слова́, кото́рых я не по́нял, и вдруг замки́ упа́ли с воро́т и воро́та раскры́лись. Моя́ жена́ вы́шла за воро́та (а я всё шёл за ней) и подошла́ к како́й-то хи́жине, постро́енной из гли́ны. Она́ вошла́ в э́ту хи́жину, а я забра́лся на кры́шу и посмотре́л све́рху вниз, и вдруг я уви́дел, что посреди́ хи́жины лежи́т негр, у кото́рого одна́ губа́ как одея́ло, а друга́я — как башма́к, и он подбира́ет е́ю песо́к с земли́. Я посмотре́л на него́ хороше́нько и узна́л его́. Это был стра́шный колду́н по и́мени Абу́ль-Асва́д. Он затаи́л зло́бу на моего́ отца́ за то, что тот вы́гнал его́ из го́рода, и покля́лся, что погу́бит меня́. Этот колду́н был бо́лен прока́зой и не выходи́л из свое́й хи́жины.

Когда́ моя́ жена́ подошла́ к нему́, он закрича́л на неё:

«О него́дная, почему́ ты опозда́ла? Я уже́ давно́ жду тебя́, что́бы сговори́ться, когда́ мы убьём твоего́ му́жа и завладе́ем его́ ца́рством, а ты всё не идёшь!»

«О господи́н мой, — сказа́ла моя́ жена́, — я, пра́во, не винова́та. Будь на то моя́ во́ля, не взошло́ бы ещё со́лнце, как его́ го́род лежа́л бы в разва́линах. Но ты ведь зна́ешь, что вре́мя ещё не наста́ло».

«О проклятая! — закрича́л колду́н. — Если ты за́втра же не убьёшь своего́ му́жа, я переста́ну учи́ть тебя́ колдовству́. Ты игра́ешь со мной вся́кие шу́тки и обма́нываешь меня́».

Когда́ я услы́шал э́ти слова́, о царь, у меня́ потемне́ло в глаза́х от гне́ва и я переста́л сознава́ть, что де́лаю. Я спусти́лся с кры́ши, вошёл в хи́жину, схва-

ти́л меч, кото́рый моя́ жена́ принесла́ с собо́й, и уда́рил не́гра по ше́е. Негр стра́шно захрипе́л, и я реши́л, что уби́л его́. Я бро́сил меч, верну́лся во дворе́ц и лёг в посте́ль, а у́тром пришла́ моя́ жена́ и ничего́ не сказа́ла мне. И я то́же ничего́ не сказа́л ей, так как боя́лся её.

А че́рез не́сколько дней она́ обре́зала во́лосы и наде́ла оде́жды печа́ли.

«Что с тобо́й случи́лось?» — спроси́л я её.

«О господи́н мой, — отвеча́ла мне жена́, — я узна́ла, что моя́ ма́тушка сконча́лась, что оте́ц мой уби́т на войне́, а из двух мои́х бра́тьев одного́ ужа́лила змея́, а друго́й свали́лся в про́пасть. Позво́ль мне постро́ить в на́шем дворце́ гробни́цу и перенести́ в неё их тела́. Я бу́ду пла́кать над ни́ми и печа́литься о них».

«Де́лай, как тебе́ взду́мается», — сказа́л я.

И моя́ жена́ постро́ила посреди́не дворца́ гробни́цу с ку́полом и сиде́ла там днём и но́чью.

А я боя́лся её и не говори́л ей ни сло́ва про колдуна́, про то, что я слы́шал в ту ночь.

Но одна́жды я не вы́терпел и вошёл в гробни́цу, где сиде́ла моя́ жена́, и услы́шал, как она́ пла́чет и говори́т:

«О господи́н мой, скажи́ мне хоть слове́чко! Ско́ро ли ты попра́вишься и мы с тобо́й убьём моего́ му́жа и бу́дем ца́рствовать в его́ го́роде?»

Тут я подбежа́л к гробни́це и загляну́л в неё и уви́дел не́гра, кото́рый лежа́л весь обвя́занный и ти́хо стона́л. Я замахну́лся на него́ мечо́м и хоте́л его́ прико́нчить, но моя́ жена́ схвати́ла меня́ за́ руку и кри́кнула:

«Ты уже́ оди́н раз чуть не уби́л моего́ дру́га и разруби́л ему́ го́рло так, что он тепе́рь лежи́т, как мёртвый, и не мо́жет говори́ть, но тебе́ ма́ло э́того. Я хоте́ла тебя́ пощади́ть, но тепе́рь нет тебе́ поща́ды. Ты бу́дешь ни живо́й ни мёртвый, пока́ не ко́нчится срок твое́й жи́зни».

«Да, него́дная, э́то я уда́рил колдуна́ мечо́м, и

сейча́с я убью́ его́ и тебя́ с ним вме́сте!» — закрича́л я и замахну́лся на мою́ жену́ мечо́м.

И вдруг она́ произнесла́ каки́е-то слова́, кото́рых я не по́нял, и сказа́ла:

«Стань по моему́ колдовству́ наполови́ну ка́мнем и наполови́ну челове́ком».

И я то́тчас же стал таки́м, как ты ви́дишь, о царь, и не могу́ подня́ться с ме́ста, и я ни мёртвый ни живо́й. И когда́ я сде́лался таки́м, она́ заколдова́ла мой го́род и все его́ ры́нки и сады́ и преврати́ла го́род в пруд, острова́ — в го́ры. А жи́телей го́рода она́ преврати́ла в разноцве́тных рыб.

И, кро́ме того́, она́ ка́ждый день меня́ бьёт, сто раз ударя́ет меня́ бичо́м, а по́сле э́того она́ надева́ет на меня́ оде́жду из ко́нского во́лоса и пове́рх неё шёлковый хала́т.

— О ю́ноша, — сказа́л царь, — ты объясни́л мне та́йну э́того пруда́ и разноцве́тных рыб и рассе́ял мою́ забо́ту. Но мне жа́лко тебя́, и я хочу́ тебе́ помо́чь. Где лежи́т негр и где э́та же́нщина?

— Негр лежи́т больно́й в свое́й гробни́це, и же́нщина ско́ро придёт к нему́, — отве́тил ю́ноша.

Царь то́тчас же пошёл к гробни́це, в кото́рой лежа́л негр. Он подкра́лся к нему́, взмахну́л мечо́м и уби́л его́, а пото́м взвали́л его́ те́ло на пле́чи и бро́сил в коло́дец. Зате́м царь верну́лся к гробни́це и лёг туда́ вме́сто не́гра. Он закры́лся его́ покрыва́лами и стал ждать, когда́ придёт же́нщина — жена́ ю́ноши. Ско́ро она́ пришла́, и в рука́х у неё была́ ча́шка с лека́рством. Она́ наклони́лась над посте́лью не́гра и сказа́ла:

— О господи́н мой, протяни́ мне ру́ку и скажи́ хоть слове́чко, что́бы я зна́ла, что ты поправля́ешься.

Тут царь зашевели́лся и сказа́л сла́бым го́лосом на языке́ не́гров:

— Ах, ах, мне, ка́жется, ста́ло лу́чше.

Услы́шав его́ слова́, же́нщина вскри́кнула от ра́дости и сказа́ла:

— О господи́н мой, э́то пра́вда? Поговори́ со мной!

И царь сказа́л заплета́ющимся языко́м:

— О прокля́тая, ра́зве ты заслу́живаешь, что́бы с тобо́й говори́ли? Ты ка́ждый день бьёшь своего́ му́жа, и он кричи́т и не даёт мне спать. Если бы не э́то, я бы давно́ попра́вился.

— Если ты хо́чешь, я расколду́ю его́, — сказа́ла же́нщина.

— Освободи́ его́ и дай мне о́тдых, — отве́тил ей царь.

И же́нщина пришла́ к ю́ноше, взяла́ в ру́ки ча́шку с водо́й и проговори́ла над ней что́-то, и вода́ в ча́шке забу́лькала и ста́ла кипе́ть, как кипи́т вода́ в котле́ на огне́.

Пото́м же́нщина обры́згала ю́ношу э́той водо́й и сказа́ла:

— Если ты стал таки́м по моему́ колдовству́, преврати́сь опя́ть в челове́ка.

И вдруг ю́ноша встряхну́лся и встал на́ ноги и опя́ть стал челове́ком, как пре́жде, а же́нщина верну́лась к гробни́це и сказа́ла:

— О господи́н, я испо́лнила то, что ты мне приказа́л.

— О несча́стная, — сказа́л царь, — ты сде́лала то́лько полови́ну де́ла. Ка́ждый раз, когда́ наступа́ет по́лночь, ры́бы поднима́ют го́ловы из пруда́ и проклина́ют нас с тобо́й. Вот почему́ я не могу́ попра́виться. Иди́ скоре́й, сними́ с них колдовство́, а пото́м приходи́ ко мне.

— Слу́шаю и повину́юсь, о господи́н мой, — сказа́ла же́нщина. Она́ взяла́ из пруда́ немно́го воды́ и поколдова́ла над не́ю, а пото́м опя́ть вы́лила её в пруд, и сейча́с же ры́бы запры́гали и по́дняли го́ловы и преврати́лись в люде́й, а го́ры преврати́лись в острова́, как пре́жде. И торго́вцы опя́ть на́чали торгова́ть, и все лю́ди приняли́сь за свои́ дела́, и го́род стал таки́м же, как был ра́ньше.

А колду́нья верну́лась к царю́ и сказа́ла:

— О господи́н, я испо́лнила твою́ во́лю. Встань же тепе́рь, е́сли ты здоро́в, и вы́йди из э́той моги́лы.

— Подойди́ ко мне бли́же и дай мне ру́ку, — сказа́л царь сла́бым го́лосом.

И как то́лько же́нщина подала́ ему́ ру́ку, он уда́рил её мечо́м и уби́л. А пото́м он вы́шел из моги́лы и уви́дел заколдо́ванного ю́ношу, кото́рый стоя́л и ждал его́.

— О ю́ноша, — сказа́л царь, — ты оста́нешься жить в своём го́роде и́ли пойдёшь со мной, в мой го́род?

— А зна́ешь ли ты, ско́лько дней пути́ отсю́да до твоего́ го́рода? — спроси́л ю́ноша.

— Два с полови́ной дня, — отве́тил царь.

— О царь, — воскли́кнул ю́ноша, — е́сли ты ся́дешь на хоро́шего коня́ и поска́чешь как мо́жно быстре́й, то дое́дешь до твоего́ го́рода че́рез год! Ты пришёл сюда́ в два с полови́ной дня потому́, что го́род был заколдо́ван. Но я не поки́ну тебя́ и пое́ду с тобо́й.

— Ты бу́дешь мои́м сы́ном и насле́дником моего́ ца́рства, — сказа́л царь. — Собира́йся же скоре́е в путь.

И они́ пое́хали, и е́хали це́лый год, днём и но́чью. И когда́ они́ верну́лись в го́род царя́, царь сел на свой трон и сказа́л:

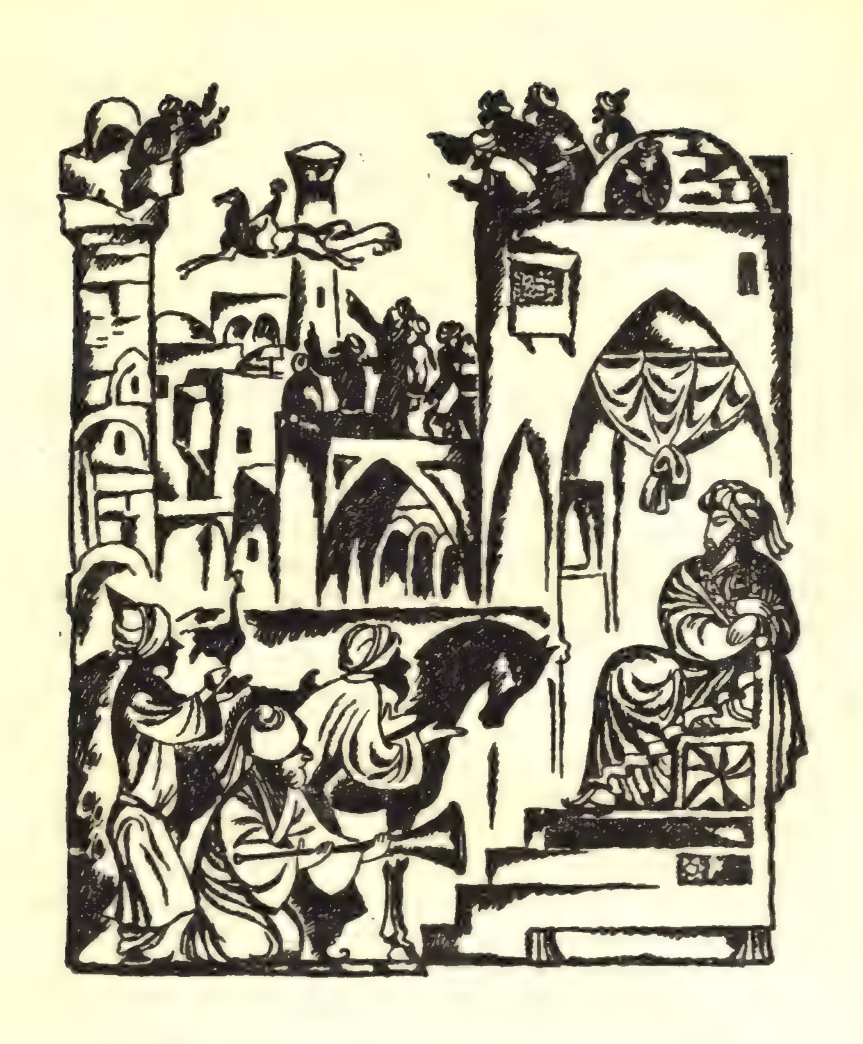
— Позва́ть ко мне рыбака́, кото́рый принёс разноцве́тных рыб!

Посла́ли за рыбако́м, и ско́ро он пришёл, и царь рассказа́л ему́ обо всём, что с ним случи́лось. Рыба́к о́чень опеча́лился, услы́шав его́ расска́з, и сказа́л:

— Зна́чит, мне уже́ не придётся носи́ть тебе́ ры́бу?

— Нет, не придётся, — сказа́л царь. — Но не горю́й. Я дам тебе́ сто́лько зо́лота, что тебе́ хва́тит до конца́ жи́зни.

И он приказа́л своему́ визи́рю ще́дро награди́ть рыбака́, и рыба́к ушёл домо́й счастли́вый и дово́льный.

Сказка о волшебном коне

Жил в дре́вние времена́ вели́кий царь. Был у него́ еди́нственный сын, краси́вый, сло́вно ме́сяц на не́бе. И одна́жды, когда́ царь сиде́л на престо́ле, вошли́

к нему́ три мудреца́. У одного́ был золото́й павли́н, у друго́го — ме́дная труба́, а у тре́тьего — конь из слоно́вой ко́сти и чёрного де́рева.

Мудрецы́ поклони́лись царю́ и сказа́ли:

— О царь, вот мы приду́мали и сде́лали э́ти игру́шки. В ка́ждой из них есть не́что удиви́тельное и поле́зное. Прими́ их в дар от нас, твои́х слуг.

— А что же в них поле́зного? — спроси́л царь.

И пе́рвый мудре́ц промо́лвил:

— Взгляни́, о повели́тель, на э́того павли́на. Весь он сде́лан из чи́стого зо́лота, а глаза́ его́ — два больши́х изумру́да. Ка́ждое перо́ его́ хвоста́ укра́шено драгоце́нным ка́мнем. Но не э́то в нём удиви́тельно и поле́зно. По́льза его́ в том, что че́рез ка́ждый час он хло́пает кры́льями и кричи́т. Возьми́ его́ — и бу́дешь знать, ско́лько часо́в тебе́ сле́дует удели́ть для де́ла, а ско́лько — для весе́лья и заба́в.

А второ́й мудре́ц сказа́л:

— О царь, моя́ труба́ поле́знее э́того павли́на. Пове́сь её на воро́та твоего́ го́рода, и она́ бу́дет сторожи́ть его́, и, когда́ войдёт в э́тот го́род вор, труба́ затруби́т го́лосом, подо́бным гро́му. Во́ра узна́ют и схва́тят.

А тре́тий мудре́ц сказа́л:

— О влады́ка! Эти пода́рки ничего́ не сто́ят в сравне́нии с мои́м конём. Ви́дел ли ты когда́-нибудь коне́й, лета́ющих по во́здуху?

— Нет, — отве́тил царь. — Этого не быва́ет.

— Прими́ же от меня́ в дар э́того коня́, и ты смо́жешь полете́ть на нём в каку́ю хо́чешь страну́.

По́сле э́того все три мудреца́ поклони́лись царю́ и сказа́ли:

— О царь, награди́ нас за э́ти удиви́тельные и поле́зные ве́щи!

— Я не награжу́ вас, пока́ не испыта́ю поле́зности э́тих веще́й, — отве́тил царь.

И царь веле́л поста́вить павли́на перед собо́й, и, когда́ прошёл час, павли́н захло́пал кры́льями и закрича́л.

И царь велéл поместúть трубý на ворóтах гóрода и ввестú чéрез э́ти ворóта одногó из ворóв, заключённых в тюрьмý. Когдá вор прошёл под ворóтами, трубá затрубúла гóлосом, подóбным грóму, вор испугáлся и ничкóм упáл на зéмлю. Царь щéдро наградúл обóих мудрецóв зóлотом.

Тогдá вы́ступил трéтий мудрéц, владéлец коня́, и сказáл:

— О царь, наградú и меня́ так же, как наградúл моúх товáрищей.

— Сначáла я испытáю твоегó коня́, — сказáл царь.

В э́то врéмя подошёл сын царя́ — а звáли егó Хасáн — и сказáл:

— Позвóль мне сесть на э́того коня́ и испытáть егó.

— Испы́тывай егó как хóчешь, — отвéтил царь.

Царéвич сел на коня́ и удáрил егó пя́ткой, но конь не двúнулся с мéста. Хасáн закричáл:

— Что же ты говорúл нам об э́том конé, мудрéц? Он не двúгается с мéста!

Тогдá мудрéц подошёл к царéвичу и показáл емý винт на прáвом плечé коня́.

— Повернú э́тот винт, — сказáл он.

Хасáн повернýл винт, и вдруг конь задвúгался, подня́лся к облакáм и полетéл быстрéе вéтра.

А Хасáн, когдá перестáл вúдеть под собóй зéмлю, испугáлся и закричáл:

— Зачéм я сел на э́того коня́? Мудрéц нарóчно так сдéлал, чтóбы погубúть меня́!

Царéвич снóва схватúлся за винт на прáвом плечé, и вдруг конь подня́лся вы́ше и полетéл ещё быстрéе. Тогдá Хасáн стал осмáтривать коня́ и увúдел такóй же винт на егó лéвом плечé. Он повернýл э́тот винт, и конь полетéл мéдленнее и стал опускáться...

«Теперь я нашёл винт подъёма и винт спýска и вúжу, в чём тáйна э́того коня́», — сказáл себé царéвич. Он обрáдовался и стал летáть то вы́ше, то нúже, то быстрéе, то мéдленнее, как емý хотéлось.

А пото́м он реши́л опусти́ться на зе́млю и опуска́лся весь день, так как залете́л о́чень высоко́. Он лете́л над землёй и смотре́л на стра́ны и города́, кото́рых он никогда́ не ви́дел ра́ньше.

А когда́ со́лнце склони́лось к зака́ту, Хаса́н оказа́лся над прекра́сным больши́м го́родом с дворца́ми, сада́ми и кана́лами.

Хаса́н принялся́ кружи́ть над го́родом и рассма́тривать его́ со всех сторо́н, а пото́м стал выбира́ть ме́сто, удо́бное для спу́ска.

И вот он уви́дел дворе́ц, окружённый кре́пкой стено́й с бойни́цами. Это ме́сто показа́лось ему́ удо́бным, он поверну́л винт спу́ска, и конь опусти́лся пря́мо на кры́шу дворца́.

Хаса́н сошёл с коня́, осмотре́л его́ со всех сторо́н и сказа́л самому́ себе́:

— Тот, кто сде́лал э́того коня́, действи́тельно вели́кий мудре́ц!

Хаса́н просиде́л на кры́ше дворца́, пока́ не наста́ла ночь. Его́ му́чили го́лод и жа́жда, потому́ что уже́ мно́го часо́в он не ел и не пил. И он поду́мал: «Не мо́жет быть, что́бы в тако́м большо́м дворце́ нельзя́ бы́ло раздобы́ть пи́щу».

Он обошёл всю кры́шу, уви́дел ле́стницу и спусти́лся по ней во двор, вы́мощенный мра́мором. Нигде́ не слы́шно бы́ло никако́го шу́ма и никого́ не́ было ви́дно. Вдруг Хаса́н уви́дел свет и услы́шал голоса́. Он спря́тался за вы́ступ стены́, и ми́мо него́ прошла́ толпа́ нево́льниц со свети́льниками в рука́х, а среди́ них была́ прекра́сная де́вушка, по и́мени Зумурру́д, дочь царя́ э́того го́рода. Царь постро́ил для неё э́тот дворе́ц, что́бы она́ могла́ там игра́ть и весели́ться. И случи́лось, что она́ пришла́ туда́ как раз в э́тот ве́чер и вошла́ в ко́мнату со свои́ми нево́льницами. Хаса́н после́довал за ни́ми и спря́тался за коло́нну. Нево́льницы разостла́ли ковры́ и уста́вили ко́мнату свети́льниками, а пото́м ста́ли игра́ть и весели́ться. И был с ни́ми страж, огро́мный негр, опоя́санный мечо́м.

И негр этот встал у той же колонны, где был Хасан, задел его плечом и увидел царевича. Тогда Хасан бросился на негра и ударил его по лицу, а потом повалил и вырвал у него меч из рук. Невольницы в ужасе разбежались. Но царевна Зумурруд не испугалась, подошла к Хасану и спросила его:

— Кто ты — человек или джинн? По поступкам ты джинн, но я слышала, что они безобразны, а ты красавец.

— Я сын царя, — ответил ей Хасан, — и я не хочу тебе зла.

Они сели на ковёр и стали беседовать.

А негр побежал к царю и вошёл к нему, крича:

— О царь, дочь твою захватил джинн в образе человека! Иди же и накажи его!

Царь взволновался и поспешил во дворец. Увидев Хасана, он бросился на него с обнажённым мечом. Но Хасан вскочил на ноги и так закричал на царя, что тот со страху едва не упал на землю. Тогда царь понял, что царевич сильнее его, стал ласковее и спросил:

— О юноша, ты человек или джинн?

— Я сын царя Персии, а вовсе не джинн, — ответил Хасан. — И если бы не твоя дочь, я убил бы тебя! Как ты осмелился назвать меня джинном?

— Если ты не джинн, — сказал царь, — то как ты вошёл во дворец? Вот я кликну своих рабов и слуг, и они тотчас же убьют тебя.

— О царь, — ответил царевич, — я удивляюсь твоей глупости. Если твои рабы и слуги убьют меня, люди узнают об этом, будут говорить, что ты убил царского сына, твоего гостя, и ты опозоришь сам себя. Лучше слушай, что я скажу тебе: давай сразимся с тобой один на один, а ещё лучше будет, если ты выведешь ко мне свои войска и вооружённых слуг и скажешь им: «Вот этот человек пришёл ко мне и хочет жениться на моей дочери». А потом дай мне сразиться с ними, и если они меня убьют, то тебе не будет

позо́ра, а е́сли я их одоле́ю, ты отда́шь мне в жёны дочь твою́ Зумурру́д и для тебя́ бу́дет че́стью име́ть тако́го зя́тя.

Царь удиви́лся, услы́шав э́ти слова́, и сказа́л:

— А зна́ешь ли ты, что у меня́ со́рок ты́сяч вса́дников, кро́ме рабо́в и приближённых?

— Приведи́ их на пло́щадь, — отве́тил царе́вич,— и ты уви́дишь, что бу́дет.

— Хорошо́, — сказа́л царь, — я так и сде́лаю.

А у́тром царь собра́л на пло́щади всех свои́х во́инов в по́лном вооруже́нии и веле́л им сади́ться на коне́й. Он приказа́л привести́ царе́вичу са́мого лу́чшего коня́ в прекра́сной сбру́е, но Хаса́н сказа́л:

— Я не ся́ду на твоего́ коня́.

Тогда́ царь кри́кнул свои́м войска́м:

— Во́ины! Этот ю́ноша хо́чет жени́ться на мое́й до́чери и заявля́ет, что одоле́л бы вас, да́же е́сли бы вас бы́ло сто ты́сяч. Подними́те его́ на остри́я ко́пий и мече́й: он взя́лся за непоси́льное де́ло!

Но Хаса́н сказа́л:

— О царь, где твоя́ справедли́вость? Как я бу́ду с ни́ми сража́ться, когда́ я пе́ший, а они́ ко́нные?

— Я дава́л тебе́ моего́ лу́чшего коня́, а ты отказа́лся, — сказа́л царь. — Вот тебе́ ко́ни, выбира́й како́го хо́чешь.

— Мне не нра́вятся э́ти ко́ни, — сказа́л Хаса́н.— Я ся́ду на того́, кото́рый привёз меня́ сюда́.

— А где же твой конь? — спроси́л царь.

— Он на кры́ше твоего́ дворца́, — отве́тил царе́вич.

— Го́ре тебе́! Ты сошёл с ума́! — закрича́л царь.— Как мо́жет быть конь на кры́ше? Я сейча́с докажу́ тебе́, что ты солга́л.

И царь веле́л двум свои́м приближённым пойти́ на кры́шу и посмотре́ть, есть ли там конь.

А лю́ди вокру́г удивля́лись и говори́ли друг дру́гу:

— Как э́то конь мог попа́сть на кры́шу? Мы никогда́ не слы́шали ничего́ подо́бного.

Приближённые подняли́сь на кры́шу и уви́дели, что там стои́т конь, прекра́снее кото́рого нет на све́те. Он был сде́лан из чёрного де́рева и слоно́вой ко́сти. Они́ ста́ли смея́ться и говори́ть оди́н друго́му:

— И на э́том коне́ он бу́дет сража́ться с войска́ми царя́? Это, наве́рно, сумасше́дший!

Они́ по́дняли коня́ и принесли́ его́ к царю́, и все удиви́лись его́ красоте́, прекра́сному седлу́ и узде́чке. А царь спроси́л Хаса́на:

— О ю́ноша, вот э́то и есть твой конь?

— Да, — отве́тил Хаса́н.

— Возьми́ же своего́ коня́ и сади́сь на него́, — сказа́л, усмеха́ясь, царь.

Но Хаса́н отве́тил:

— Я ся́ду на него́ тогда́, когда́ твои́ во́ины от него́ удаля́тся.

И царь веле́л во́инам отойти́ от коня́ на полёт стрелы́. Тогда́ Хаса́н сел на коня́, а во́ины вы́строились напро́тив Хаса́на и говори́ли друг дру́гу:

— Когда́ он бу́дет ме́жду ряда́ми, мы возьмём его́ на остриё ко́пий и мече́й.

Хаса́н поверну́л винт подъёма, и вдруг конь заволнова́лся, заби́лся и стал де́лать все движе́ния, каки́е де́лают ко́ни. Вну́тренность его́ напо́лнилась во́здухом, он подня́лся и полете́л.

Царь уви́дел, что конь поднима́ется, и закрича́л свои́м во́инам:

— Го́ре вам, хвата́йте его́, пока́ он не улете́л!

Но его́ приближённые и визи́ри сказа́ли ему́:

— Кто мо́жет насти́гнуть летя́щую пти́цу? О царь, наве́рно, э́то вели́кий колду́н. Ра́дуйся, что ты изба́вился от него́.

Хаса́н взлете́л к облака́м, поверну́л коня́ и напра́вил его́ ко дворцу́ царе́вны. А царе́вна Зумурру́д в э́то вре́мя вы́шла на кры́шу дворца́, что́бы посмот-

ре́ть, что случи́тся с Хаса́ном. Вокру́г неё стоя́ли нево́льницы и ня́ньки. Уви́дев её, Хаса́н поверну́л винт спу́ска, конь заме́длил ход и стал опуска́ться. Ня́ньки и нево́льницы испуга́лись и с кри́ком бро́сились бежа́ть. А царе́вич опусти́лся на кры́шу и сказа́л:

— О Зумурру́д, вот я обману́л твоего́ отца́ и его́ во́инов. Хо́чешь, пое́дем со мной в мою́ страну́ и моё ца́рство?

— Да, — сказа́ла Зумурру́д, — я пое́ду с тобо́й всю́ду, куда́ ты захо́чешь.

— Тогда́ поспеши́ сесть со мной на моего́ коня́, пока́ не прибежа́ли сюда́ слу́ги и стра́жа, — сказа́л Хаса́н.

Он посади́л царе́вну на коня́ позади́ себя́ и кре́пко привяза́л её верёвками, а зате́м поверну́л винт подъёма, и они́ взвили́сь на во́здух и полете́ли. Они́ лете́ли до тех пор, пока́ не дости́гли столи́цы перси́дского царя́. Тогда́ Хаса́н опусти́лся в одно́м из садо́в, отвёл Зумурру́д в бесе́дку, а деревя́нного коня́ поста́вил у двере́й и веле́л де́вушке стере́чь его́. А сам пошёл к отцу́ и заста́л его́ в го́ре и печа́ли из-за разлу́ки с сы́ном. Когда́ царь уви́дел царе́вича, он обра́довался и прижа́л его́ к свое́й груди́, а Хаса́н спроси́л царя́:

— Что ста́лось с мудреца́м, кото́рый сде́лал коня́?

— Го́ре ему́! — отве́тил царь. — Это из-за него́ ты поки́нул нас, и я посади́л его́ в тюрьму́.

— Освободи́ его́ и приведи́ сюда́, — сказа́л Хаса́н, — потому́ что э́то вели́кий мудре́ц.

И когда́ мудреца́ привели́, царе́вич награди́л его́ почётной оде́ждой и деньга́ми. Но мудре́ц затаи́л гнев на царе́вича за то, что тот узна́л та́йну коня́ и научи́лся лета́ть на нём.

А Хаса́н рассказа́л отцу́ обо всём, что с ним случи́лось, и сказа́л:

— Знай, что я привёз с собо́й прекра́сную царе́вну и хочу́ на ней жени́ться. Я оста́вил её в саду́

эми́ра[1] Махму́да и пришёл сообщи́ть тебе́ об э́том. Прошу́ тебя́, собери́ свои́х приближённых и визи́ря и выезжа́й ей навстре́чу.

— Хорошо́, — отве́тил царь и то́тчас же приказа́л жи́телям укра́сить го́род и встреча́ть царе́вну.

А Хаса́н сел на коня́, поскака́л в сад эми́ра Махму́да и уви́дел, что бесе́дка пуста́ и Зумурру́д исчéзла. Он на́чал бить себя́ по лицу́ и закрича́л:

— Где она́ и отку́да узна́ла та́йну деревя́нного коня́?

Он позва́л сторoже́й са́да и спроси́л их, не приходи́л ли кто́-нибудь в сад.

— Никого́ не́ было, кро́ме мудреца́, — отве́тили сторожа́.

Тогда́ царе́вич по́нял, что де́вушку и коня́ укра́л мудре́ц.

И э́то действи́тельно бы́ло так. Когда́ Хаса́н расска́зывал царю́ о том, где он оста́вил царе́вну, мудре́ц стоя́л за две́рью и слу́шал. А пото́м побежа́л в сад эми́ра Махму́да. Придя́ туда́, он уви́дел своего́ коня́ и о́чень обра́довался. Оказа́лось, что все винты́ в поря́дке и у коня́ ничего́ не сло́мано. Тогда́ мудре́ц вошёл в бесе́дку и поклони́лся царе́вне.

— Кто ты? — спроси́ла Зумурру́д.

И мудре́ц отве́тил:

— О госпожа́, я по́сланный от царе́вича. Он веле́л мне перевезти́ тебя́ в друго́й сад. Пое́дем со мной, и я покажу́ тебе́, что я для тебя́ пригото́вил.

Зумурру́д пове́рила его́ слова́м и сказа́ла:

— А на чём же я пое́ду, оте́ц мой?

— На коне́, на кото́ром ты сюда́ прибыла́, — сказа́л мудре́ц.

— Но я не уме́ю е́здить на нём одна́, — сказа́ла Зумурру́д.

Мудре́ц по́нял, что она́ не уме́ет управля́ть конём.

— Я сам ся́ду с тобо́й, — сказа́л он.

[1] Эми́р — кня́жеский ти́тул в мусульма́нских стра́нах Восто́ка.

И он посади́л Зумурру́д позади́ себя́, привяза́л её верёвками и поверну́л винт подъёма. Конь напо́лнился во́здухом и полете́л. Они́ лете́ли, пока́ го́род не скры́лся у них из глаз.

Тогда́ царе́вна спроси́ла:

— Куда́ мы лети́м и где царе́вич?

А мудре́ц засмея́лся и отве́тил:

— Го́ре твоему́ царе́вичу! Я всю жизнь стро́ил э́того коня́, а когда́ я его́ наконе́ц постро́ил, царе́вич о́тнял его́ у меня́ и дал мне ничто́жную награ́ду. Но тепе́рь я опя́ть завладе́л конём, а тебя́ я захвати́л в свои́ ру́ки, и царе́вич бу́дет горева́ть так же, как горева́л я.

Зумурру́д поняла́, что ей нет спасе́ния, и запла́кала. Они́ лете́ли весь день и ве́чером опусти́лись на зелёный луг, недалеко́ от го́рода. А в го́роде жил царь э́той страны́. И случи́лось, что царь как раз в э́то вре́мя охо́тился. Он заме́тил мудреца́ с де́вушкой и конём, и не успе́ли те дви́нуться, как рабы́ царя́ бро́сились на них, схвати́ли обо́их и привели́ к царю́.

— О де́вушка, кто ты и кто э́тот стари́к? — спроси́л царь.

И мудре́ц поспеши́л отве́тить:

— Это моя́ жена́.

Тогда́ Зумурру́д закрича́ла:

— О царь, он лжёт! Он укра́л меня́ и увёз хи́тростью!

И царь веле́л отвести́ мудреца́ в го́род и посади́ть в тюрьму́, а де́вушку и коня́ доста́вить к себе́ во дворе́ц.

Вот что произошло́ с мудреца́м и де́вушкой.

Что же каса́ется царе́вича Хаса́на, то, когда́ он убеди́лся, что мудре́ц увёз его́ неве́сту Зумурру́д, он наде́л доро́жное пла́тье и отпра́вился иска́ть её. Он ходи́л из го́рода в го́род и везде́ спра́шивал про лета́ющего коня́ из чёрного де́рева. Но все смея́лись и говори́ли, что таки́х коне́й не быва́ет и что он, наве́рно, сошёл с ума́.

Однáжды он пришёл в большóй гóрод и останови́лся переночевáть на постоя́лом дворé. Вдруг он услы́шал, как оди́н пýтник говори́л други́м, собрáвшимся вокрýг негó:

— О друзья́ мои́, я ви́дел чýдо.

— Расскажи́ нам о нём, — попроси́ли егó.

И он сказáл:

— Я был в гóроде Кайсáрии, и царь э́того гóрода пригласи́л меня́ на охóту. И когдá мы проезжáли по лýгу, мы уви́дели там безобрáзного старикá и прекрáсную дéвушку, а вóзле них — коня́ из чёрного дéрева. Этот конь — чýдо из чудéс, никогдá нé было коня́ прекрáснее и лýчше егó.

— Что же стáлось со старикóм, конём и дéвушкой? — спроси́ли пýтника.

И он отвéтил:

— Старикá царь посади́л в тюрьмý, а коня́ и дéвушку взял к себé во дворéц.

Услы́шав э́то, Хасáн тóтчас же расспроси́л пýтника, как дойти́ до гóрода Кайсáрии. На слéдующее ýтро он отпрáвился в э́тот гóрод и чéрез нéсколько дней дошёл до егó ворóт. Но стрáжи, стоя́вшие у ворóт, сказáли Хасáну:

— У нас в гóроде такóй обы́чай: когдá к нам прихóдит чужезéмец, царь вели́т привести́ егó к себé и расспрáшивает, кто он такóй и какóе знáет ремеслó. Сейчáс ужé пóздно идти́ к царю́. Пойдём с нáми, ты переночýешь у нас. А зáвтра мы отведём тебя́ во дворéц.

Они́ привели́ Хасáна к себé, накорми́ли егó, а потóм оди́н из них спроси́л царéвича, из какóй он страны́.

— Из Пéрсии, — отвéтил Хасáн.

Тогдá другóй стóрож сказáл:

— У нас в тюрьмé есть оди́н стари́к персия́нин. Мнóго я ви́дел людéй, но не встречáл человéка бóлее лжи́вого, чем он.

— А в чём егó ложь? — спроси́л Хасáн.

— Он говори́т, что он мудре́ц. Царь нашёл его́ на лугу́ вме́сте с де́вушкой и конём из чёрного де́рева. Он посади́л старика́ в тюрьму́, а коня́ и де́вушку взял во дворе́ц. Но то́лько э́та де́вушка бесновáтая, и е́сли бы персия́нин был на са́мом де́ле мудре́ц, он бы её вы́лечил. А он э́того не мо́жет, и царь не нашёл ещё никого́, кто бы мог вы́лечить де́вушку.

— Отведи́те меня́ к царю́, и я её вы́лечу, — сказа́л Хаса́н.

Когда́ наста́ло у́тро, его́ привели́ к царю́, и он сказа́л:

— О царь, я зна́ю мно́го нау́к и осо́бенно хорошо́ зна́ю нау́ку врачева́ния. Я лечу́ всех больны́х и беснова́тых, и сто́ит мне посмотре́ть на больно́го, как он стано́вится здоро́вым.

— О вели́кий мудре́ц, тебя́-то нам и ну́жно! — закрича́л царь. — Вы́лечи де́вушку, кото́рая нахо́дится у меня́, и я дам тебе́ всё, что ты потре́буешь!

— Расскажи́ мне, чем больна́ де́вушка, — сказа́л Хаса́н.

И царь рассказа́л ему́ всё, что бы́ло с де́вушкой, конём и мудрецо́м.

— А что ты сде́лал с конём? — спроси́л царе́вич.

И царь отве́тил:

— Он стои́т у меня́ в сокро́вищнице.

Тогда́ Хаса́н обра́довался и сказа́л:

— Я хочу́ взгляну́ть на э́того коня́, и тогда́ я, мо́жет быть, найду́ сре́дство вы́лечить де́вушку.

Царь привёл Хаса́на к коню́, и Хаса́н обошёл его́, осмотре́л и уви́дел, что конь цел и в испра́вности.

— Тепе́рь я пойду́ посмотрю́ де́вушку, — сказа́л он, — и вы́лечу её при по́мощи э́того коня́.

Он вошёл к Зумурру́д и уви́дел, что она́ бьётся в припа́дке, как беснова́тая. А она́ не была́ беснова́той и де́лала э́то наро́чно, что́бы царь не взял её в жёны.

Хаса́н подошёл к ней, и она́ узна́ла его́ и вскри́кну-

ла от ра́дости. И Хаса́н веле́л царю́ вы́йти и сказа́л Зумурру́д:

— Что́бы нам спасти́сь, нужна́ хи́трость. Ты уви́дишь, что я приду́мал! А тепе́рь успоко́йся и, когда́ царь войдёт, говори́ с ним ла́сково, что́бы он уви́дел, что ты вы́здоровела. Тогда́ испо́лнится всё, что мы хоти́м.

— Я так и сде́лаю, — сказа́ла Зумурру́д.

И Хаса́н вы́шел к царю́ и сказа́л:

— О царь, будь сча́стлив: боле́знь де́вушки прошла́.

Царь вошёл к Зумурру́д, а она́ вста́ла ему́ навстре́чу и сказа́ла:

— Добро́ пожа́ловать!

Царь обра́довался и спроси́л Хаса́на:

— Как мне награди́ть тебя́?

— Лече́ние ещё не око́нчено, — сказа́л Хаса́н. — Собери́ твои́х во́инов и пойди́ с де́вушкой на то ме́сто, где ты её нашёл. Возьми́ с собо́й и коня́ из чёрного де́рева. Там я уничто́жу зло́го ду́ха, кото́рый му́чает де́вушку.

— Пусть бу́дет по-тво́ему, — сказа́л царь.

Он пое́хал на луг со свои́ми войска́ми, с конём и с царе́вной Зумурру́д.

Там Хаса́н попроси́л царя́ и его́ во́инов отойти́ от коня́ на полёт стрелы́ и сказа́л:

— Я зажгу́ куре́нья, прочту́ заклина́ния и убью́ здесь ду́ха, а пото́м ся́ду на чёрного коня́ вме́сте с де́вушкой и привезу́ её к тебе́.

Царь отошёл со свои́ми во́инами на полёт стрелы́, а Хаса́н и Зумурру́д се́ли на коня́. Царе́вич поверну́л винт подъёма, конь взви́лся в во́здух и полете́л. А царь и во́ины смотре́ли на коня́, Хаса́на и Зумурру́д, пока́ они́ не скры́лись из глаз. Царь простоя́л на ме́сте полдня́, ожида́я царе́вича, но он не верну́лся. Наконе́ц царь возврати́лся в го́род. Он ника́к не мог уте́шиться, что потеря́л де́вушку и коня́, а его́ приближённые говори́ли ему́:

— Этот врач колду́н, и о́чень хорошо́, что он улете́л и ты изба́вился от его́ колдовства́.

А Хаса́н ме́жду тем прилете́л в родно́й го́род и опусти́лся о́коло дворца́. Он жени́лся на царе́вне Зумурру́д и в день свое́й сва́дьбы устро́ил пир для всех жи́телей го́рода. Царь, оте́ц Хаса́на, был дово́лен и сча́стлив, что сын его́ верну́лся живы́м и здоро́вым.

А что́бы царе́вич не мог бо́льше никогда́ лета́ть, царь веле́л слома́ть волше́бного коня́.

Сказка об одноглазом царевиче

Жил когда́-то давно́ в Багда́де царь. У него́ был сын по и́мени Али́. Когда́ Али́ испо́лнилось де́сять лет, царь позва́л са́мых лу́чших учителе́й, и они́ ста́ли

учи́ть ма́льчика чте́нию, письму́, счёту, нау́ке о звёздах и всему́, что сле́дует знать.

Че́рез семь лет они́ пришли́ к царю́ и сказа́ли:

— Твой сын Али́ изучи́л все нау́ки, каки́е есть на све́те, и стал мудре́е всех люде́й. Бо́льше мы ничему́ не мо́жем его́ научи́ть.

Царь ще́дро награди́л учителе́й и отпусти́л их. Зате́м он созва́л мудрецо́в со всех концо́в земли́ и веле́л им испыта́ть зна́ния своего́ сы́на. И о чём бы мудрецы́ ни спроси́ли, ма́льчик на всё отвеча́л им, а они́ не могли́ отве́тить ни на оди́н из его́ вопро́сов.

Когда́ испыта́ние ко́нчилось, мудрецы́ верну́лись в свои́ стра́ны и всем рассказа́ли о вели́кой учёности Али́. Услы́шал о ней и махара́джа, царь Индии. Ему́ захоте́лось уви́деть Али́ и поговори́ть с ним. Он посла́л царю́ Багда́да карава́н с дороги́ми пода́рками и письмо́, в кото́ром писа́л: «До меня́ дошла́ весть о вели́кой му́дрости твоего́ сы́на, царе́вича Али́. Отпусти́ его́ ненадо́лго в мою́ страну́, что́бы я мог его́ уви́деть и поговори́ть с ним».

Царю́ Багда́да бы́ло жа́лко расстава́ться с сы́ном, но он не хоте́л отказа́ть царю́ Индии. Он приказа́л снаряди́ть кора́бль с дороги́ми пода́рками, и его́ сын с большо́й сви́той и отря́дом войск отплы́л на э́том корабле́ в Индию из примо́рского го́рода Ба́сры.

До́лго плыл он по́ морю и наконе́ц приста́л к твёрдой земле́.

Все пода́рки погрузи́ли на верблю́дов, и карава́н напра́вился к владе́ниям инди́йского царя́. И вот когда́ пу́тники почти́ дости́гли грани́ц его́ земли́, они́ вдруг уви́дели на доро́ге большо́е о́блако пы́ли. Не прошло́ и мину́ты, как их карава́н окружи́ла ша́йка разбо́йников, зако́ванных в желе́зо и вооружённых меча́ми и ко́пьями. Разбо́йники вы́ставили концы́ свои́х ко́пий и пригото́вились напа́сть на во́инов царе́вича. Напра́сно крича́л им царе́вич Али́: «Мы го́сти царя́ Индии, не тро́гайте нас!» Разбо́йники огра́били карава́н и перебили всех, кто сопровожда́л его́. То́ль-

ко оди́н Али́ спа́сся, хотя́ был ра́нен. Он упа́л на зе́млю и лежа́л неподви́жно; разбо́йники реши́ли, что он мёртв, и ускака́ли.

Когда́ они́ скры́лись и́з виду, Али́ подня́лся на́ ноги и пошёл куда́ глаза́ глядя́т. Он шёл не́сколько дней и ноче́й и наконе́ц пришёл в большо́й го́род с высо́кими стена́ми и краси́выми дома́ми. Еле держа́сь на нога́х от уста́лости, Али́ добра́лся до гла́вного городско́го ры́нка и присе́л отдохну́ть на ка́менную скамью́ во́зле ла́вки портно́го. А э́тот портно́й был челове́к до́брый и жа́лостливый. Он уви́дел, что Али́ худ и бле́ден и оде́жда на нём вся в пыли́, и сказа́л ему́:

— Добро́ пожа́ловать, ю́ноша! Зайди́ ко мне в ла́вку и подкрепи́сь. Ты, ви́дно, пришёл издалека́.

Али́ поблагодари́л портно́го, и тот накорми́л его́ и напои́л.

Пото́м Али́ рассказа́л ему́ обо всём, что с ним случи́лось, и портно́й, вы́слушав его́ исто́рию, сказа́л:

— Не говори́ никому́, кто ты тако́й. Царь на́шего го́рода мно́го лет вражду́ет с твои́м отцо́м и то́лько о том и ду́мает, как бы навреди́ть ему́. Поживи́ у меня́, пока́ не отдохнёшь, а пото́м я приду́маю, что тебе́ де́лать да́льше.

Он посели́л царе́вича в ко́мнатке за ла́вкой, и Али́ про́жил у него́ три дня. Че́рез три дня портно́й пришёл к нему́ и сказа́л:

— Зна́ешь ли ты како́е-нибудь ремесло́?

— Я писе́ц, счётчик и законове́д и зна́ю все нау́ки, — отве́тил царе́вич.

— На твоё ремесло́ нет спро́са в на́ших зе́млях, — сказа́л портно́й. — Жи́тели на́шего го́рода не зна́ют ничего́, кро́ме торго́вли. Возьми́ топо́р и верёвку, иди́ в лес и руби́ дрова́. Продава́й их и корми́сь э́тим, да смотри́ не говори́ никому́, кто ты тако́й, а то тебя́ убью́т.

Портно́й купи́л для Али́ топо́р и верёвку, и Али́ пошёл в лес руби́ть дрова́. Он рабо́тал весь день, а

ве́чером про́дал дрова́ на ры́нке и получи́л за них полдина́ра. На друго́е у́тро он опя́ть отпра́вился в лес за дрова́ми и сно́ва про́дал их и стал де́лать э́то ка́ждый день.

Однáжды он, по обыкнове́нию, пошёл в лес и ско́ро нашёл ме́сто, где бы́ло мно́го вале́жника и пней. Он взял топо́р и стал ока́пывать то́лстый ко́рень. Вдруг под топоро́м что́-то звя́кнуло. Али́ расчи́стил э́то ме́сто и уви́дел большо́е ме́дное кольцо́, приде́ланное к опускно́й две́ри. Бы́стро по́днял Али́ э́ту дверь — под ней оказа́лась дли́нная ле́стница.

«Куда́ ведёт э́та ле́стница? — поду́мал Али́. — Мо́жет быть, в э́том ме́сте зако́пан клад?»

Али́ спусти́лся по ле́стнице и оказа́лся в большо́й подзе́мной пеще́ре с высо́кими коло́ннами. Посреди́не стоя́л стол, уста́вленный ку́шаньями, а за столо́м на золото́й скамье́ сиде́ла краси́вая де́вушка и го́рько пла́кала. Уви́дев Али́, де́вушка подняла́сь на́ ноги и спроси́ла:

— Кто ты — челове́к и́ли джинн? Как ты попа́л в э́ту пеще́ру? Я уже́ два́дцать пять лет томлю́сь в э́том подземе́лье и никогда́ никого́ в нём не ви́дела.

— Я челове́к, — отве́тил Али́. — А ты кто така́я? И почему́ ты сиди́шь одна́ под землёй?

— Я дочь царя́ Эфита́муса, влады́ки Чёрных острово́в, — отве́тила де́вушка. — Меня́ похи́тил ифри́т, по и́мени Джирджи́с, и принёс в э́то подземе́лье. Он прихо́дит ко мне ка́ждые де́сять дней, а когда́ мне что́-нибудь ну́жно, мне сто́ит то́лько прикосну́ться руко́й к на́дписи на э́той коло́нне и Джирджи́с прино́сит всё, что я хочу́. Он похи́тил меня́, что́бы отомсти́ть моему́ отцу́, и покля́лся, что я никогда́ не вы́йду из-под земли́ и не уви́жу челове́ческого лица́. Прошло́ четы́ре дня с тех пор, как он приходи́л, и до его́ прихо́да оста́лось шесть дней. Посиди́ со мной немно́го — с тобо́й не бу́дет ничего́ дурно́го.

— Хорошо́, — сказа́л Али́, и де́вушка о́чень обра́довалась.

Она́ предложи́ла царе́вичу пое́сть, и Али́, кото́рый был го́лоден, с удово́льствием отве́дал ку́шаний, стоя́вших на столе́. Пото́м он лёг отдохну́ть и засну́л, а когда́ просну́лся, уви́дел, что де́вушка сиди́т о́коло него́ гру́стная и печа́льная.

— О Али́, — сказа́ла она́, — я так до́лго томлю́сь в э́том подземе́лье! Тепе́рь ты со мной, но ско́ро ты уйдёшь, и я опя́ть оста́нусь одна́.

— Не горю́й! — воскли́кнул Али́. — Я сейча́с слома́ю коло́нну с на́дписью, и пусть ифри́т прихо́дит. Я убью́ его́ и вы́веду тебя́ из-под земли́.

— Не де́лай э́того, тебе́ не спра́виться с ифри́том! — закрича́ла де́вушка и схвати́ла Али́ за́ руку, но Али́ вы́рвал свою́ ру́ку, подошёл к коло́нне и что есть си́лы уда́рил по ней кулако́м.

И вдруг разда́лся стра́шный гро́хот, всё вокру́г задрожа́ло, и де́вушка закрича́ла:

— Ифри́т идёт! Спаса́йся, пока́ не по́здно!

Али́ бро́сился к ле́стнице и побежа́л наве́рх. От стра́ха он урони́л топо́р и потеря́л одну́ ту́флю. Дойдя́ до полови́ны ле́стницы, он огляну́лся и вдруг уви́дел, что земля́ в пеще́ре расступи́лась и из-под земли́ вы́шел стра́шный рога́тый ифри́т. Он подошёл к де́вушке и спроси́л её:

— О прокля́тая, почему́ ты меня́ потрево́жила таки́м си́льным уда́ром? Что тебе́ ну́жно?

— Мне ничего́ не ну́жно, — сказа́ла де́вушка. — У меня́ заболе́ла голова́, и я подняла́сь, что́бы приложи́ть к голове́ мо́крый плато́к. Но мне ста́ло ду́рно, я упа́ла и уда́рилась об э́ту коло́нну.

— Ты лжёшь! — закрича́л ифри́т. — К тебе́ кто́-то приходи́л. Чья э́то ту́фля и чей э́то топо́р?

— Не зна́ю, — сказа́ла де́вушка. — Я то́лько сейча́с увида́ла э́ти ве́щи.

— Ты меня́ не обма́нешь! — закрича́л ифри́т и на́чал бить и му́чить де́вушку, а де́вушка крича́ла и пла́кала.

Али́ бы́ло тяжело́ слы́шать её кри́ки. Он вы́шел на

поверхность земли́, опусти́л дверь и засы́пал её землёй, а пото́м верну́лся домо́й и уви́дел, что портно́й ждёт его́ и беспоко́ится.

— Хорошо́, что ты наконе́ц пришёл, — сказа́л портно́й. — Я боя́лся, что с тобо́й случи́лась беда́.

Али́ поблагодари́л портно́го за его́ забо́тливость и ушёл в свою́ ко́мнату. Он сиде́л и размышля́л о том, что с ним случи́лось в подземе́лье, и вдруг вошёл к нему́ портно́й и сказа́л:

— Како́й-то стари́к спра́шивает тебя́. У него́ твоя́ ту́фля и топо́р. Он пришёл к дровосе́кам и сказа́л им: «Я нашёл э́ти ве́щи и не зна́ю, чьи они́. Укажи́те мне их владе́льца». Дровосе́ки узна́ли твой топо́р и указа́ли старику́ на тебя́. Вы́йди же к нему́, поблагодари́ его́ и возьми́ у него́ топо́р и ту́флю.

Услы́шав слова́ портно́го, Али́ побледне́л и задрожа́л от у́жаса. И вдруг земля́ в его́ ко́мнате расступи́лась и из-под земли́ вы́шел стра́шный ифри́т Джирджи́с. Он схвати́л Али́ за куша́к, по́днял его́ и улете́л с ним сквозь кры́шу до́ма, и портно́й за́мер на ме́сте от испу́га и удивле́ния.

До́лго лете́л ифри́т вме́сте с Али́ и наконе́ц принёс его́ в подзе́мную пеще́ру. И уви́дел Али́, что та де́вушка лежи́т на земле́ свя́занная. Али́ запла́кал от жа́лости, а ифри́т подошёл к де́вушке и кри́кнул:

— О проклятая, признава́йся! Этот челове́к хоте́л тебя́ увести́ из подземе́лья и вы́рвать тебя́ из мои́х рук?

Но де́вушка посмотре́ла на Али́ и сказа́ла:

— Я никогда́ не ви́дела его́ до э́той мину́ты.

И ифри́т на́чал бить и му́чить её, а она́ крича́ла и пла́кала. Наконе́ц ифри́т уста́л бить де́вушку и сказа́л ей:

— Если ты никогда́ не ви́дела э́того челове́ка, убе́й его́!

Али́ затря́сся как лист и посмотре́л на де́вушку, говоря́ ей зна́ками: «Не убива́й меня́». А де́вушка отве́тила ему́ зна́ками: «Всё э́то сде́лалось из-за тебя́» —

и взяла́ меч и подошла́ к Али́. Но царе́вич так жа́лобно посмотре́л на неё, что она́ бро́сила меч и сказа́ла:

— Я не могу́ уби́ть челове́ка, кото́рый не сде́лал мне никако́го зла.

— Ты не мо́жешь его́ уби́ть, потому́ что он обеща́л освободи́ть тебя́! — закрича́л ифри́т. Пото́м он подошёл к Али́ и сказа́л: — Ты говори́шь, что не зна́ешь э́ту де́вушку и никогда́ не вида́л её? Отруби́ ей го́лову вот э́тим мечо́м, и я отпущу́ тебя́.

— Хорошо́, — сказа́л Али́ и, взяв в ру́ки меч, бы́стро подошёл к де́вушке. Он по́днял меч над её голово́й и хоте́л её уби́ть, но де́вушка жа́лобно посмотре́ла на него́ и сказа́ла ему́ глаза́ми: «Я не сде́лала тебе́ ничего́ плохо́го, неуже́ли ты убьёшь меня́!»

Али́ бро́сил меч, запла́кал и сказа́л:

— О си́льный, могу́чий ифри́т, я никогда́ не ви́дел э́той де́вушки. За что же мне её убива́ть?

— Тогда́ я убью́ её сам, — сказа́л ифри́т. — Ну, а тебя́ я поми́лую: выбира́й, в како́е живо́тное мне тебя́ преврати́ть!

— О ифри́т, — воскли́кнул Али́, — чем я винова́т перед тобо́й? Прости́ меня́, как счастли́вый прости́л зави́стливому.

— А как э́то бы́ло? — спроси́л ифри́т.

— Слу́шай, я расскажу́ тебе́, — сказа́л Али́. — Жи́ли когда́-то в одно́м го́роде два сосе́да — Ахме́д и Мансу́р. Мансу́р был у́мный и до́брый челове́к, и все дела́ ему́ удава́лись. А Ахме́д был злой и зави́стливый. Он зави́довал Мансу́ру всё бо́льше и бо́льше и от за́висти переста́л спать и есть. Наконе́ц Мансу́ру ста́ло жа́лко Ахме́да, и он сказа́л сам себе́:

«Если я не уе́ду отсю́да, мой сосе́д заболе́ет и умрёт, до того́ он мне зави́дует. Лу́чше я переселю́сь куда́-нибудь в друго́е ме́сто».

И он уе́хал в друго́й го́род и постро́ил себе́ дом. А о́коло э́того до́ма был коло́дец. И Мансу́р за́жил в своём но́вом до́ме и по-пре́жнему де́лал лю́дям доб-

ро́. Отовсю́ду к нему́ приходи́ли больны́е и бе́дные, и сла́ва о нём разнесла́сь по всей стране́.

Ахме́д, его́ бы́вший сосе́д, то́же услы́шал, что Мансу́р по-пре́жнему дово́лен и сча́стлив и что все его́ лю́бят. Он пришёл в тот го́род, где жил Мансу́р, и вошёл в его́ дом, и Мансу́р встре́тил его́ раду́шно и приве́тливо.

«Слу́шай, Мансу́р, — сказа́л ему́ Ахме́д, — я хочу́ тебя́ пора́довать. Вели́ всем, кто есть у тебя́ в до́ме, уйти́ — у меня́ бу́дет с тобо́й разгово́р. Или лу́чше вы́йдем из до́ма и пройдёмся по двору́».

«Хорошо́», — сказа́л Мансу́р.

И они́ вы́шли во двор и дошли́ до коло́дца.

И вдруг Ахме́д толкну́л Мансу́ра, бро́сил его́ в коло́дец и ушёл домо́й.

А в э́том коло́дце жи́ли джи́нны. Они́ подхвати́ли Мансу́ра и осторо́жно опусти́ли его́ на дно коло́дца. Оди́н джинн спроси́л:

«Зна́ете ли вы, кто э́то тако́й?»

«Я зна́ю, — сказа́л друго́й джинн. — Этот челове́к бежа́л от зави́стника и посели́лся в э́том го́роде. Он вы́строил себе́ дом во́зле на́шего коло́дца, и все бедняки́ и ни́щие приходи́ли к нему́ за по́мощью. Весть о нём дошла́ до царя́, и царь хо́чет за́втра посети́ть его́ ра́ди свое́й до́чери».

«А что с его́ до́черью?» — спроси́л кто́-то из джи́ннов.

«Она́ беснова́тая, и е́сли бы э́тот челове́к знал, как ей помо́чь, он бы, наве́рно, вы́лечил её. А лека́рство для неё са́мое просто́е».

«Како́е же э́то лека́рство?» — спроси́л пе́рвый джинн.

И второ́й джинн отве́тил:

«У э́того челове́ка есть чёрный кот, а у кота́ на хвосте́ бе́лое пя́тнышко. Пусть возьмёт из э́того пя́тнышка семь волоско́в и сожжёт их и оку́рит ды́мом царе́вну. Тогда́ злой дух вы́йдет из неё, и она́ попра́вится».

Мансу́р слы́шал их разгово́р и хорошо́ всё запо́мнил. Пото́м джи́нны по́дняли его́, и он вы́шел из коло́дца.

На друго́й день прие́хал к Мансу́ру царь со свое́й сви́той, и, как то́лько царь вошёл в дом, Мансу́р сказа́л ему́:

«Хо́чешь, я угада́ю, заче́м ты ко мне прие́хал?»

«Угада́й», — сказа́л царь.

Мансу́р сказа́л:

«Ты хо́чешь попроси́ть меня́, что́бы я вы́лечил твою́ дочь».

«Ве́рно, о му́дрый челове́к», — сказа́л царь и удиви́лся.

«Пошли́ кого́-нибудь за свое́й до́черью», — продолжа́л Мансу́р.

И царь то́тчас же веле́л привести́ свою́ дочь Халиму́.

И когда́ её привели́, Мансу́р зажёг во́лосы из бе́лого пя́тнышка на хвосте́ кота́ и окури́л царе́вну ды́мом. А Халима́, как то́лько почу́вствовала за́пах ды́ма, гро́мко вскри́кнула, и злой дух, кото́рый всели́лся в неё, вы́шел, и она́ вы́здоровела.

Царь обра́довался так, как никогда́ не ра́довался в свое́й жи́зни. Он о́бнял Мансу́ра, поцелова́л его́ и спроси́л свои́х приближённых:

«Как мне награди́ть челове́ка, кото́рый вы́лечил мою́ дочь?»

«Вы́дай царе́вну за него́ за́муж», — сказа́ли приближённые, и царь вы́дал Халиму́ за́муж за Мансу́ра.

Вско́ре у царя́ у́мер визи́рь, и царь спроси́л свои́х сове́тников:

«Кого́ мне сде́лать визи́рем?»

«Мансу́ра», — сказа́ли сове́тники.

И царь назна́чил Мансу́ра свои́м визи́рем и стал ещё ми́лостивей к нему́.

А когда́ царь у́мер, Мансу́р сде́лался царём вме́сто него́. И вот одна́жды пое́хал Мансу́р куда́-то на ко-

не́, окружённый большо́й сви́той, и ви́дит: идёт по доро́ге Ахме́д, его́ бы́вший сосе́д, кото́рый ему́ зави́довал.

«Приведи́ ко мне э́того челове́ка и не пуга́й его́», — сказа́л Мансу́р своему́ визи́рю, и визи́рь привёл к нему́ Ахме́да, кото́рый дрожа́л от стра́ха, ожида́я, что Мансу́р его́ нака́жет.

Но Мансу́р дал ему́ сто кошелько́в зо́лота и краси́вый шёлковый хала́т и отпусти́л его́, хотя́ Ахме́д сде́лал ему́ так мно́го зла.

Отпусти́ же и ты меня́, о ифри́т, — ведь я не сде́лал тебе́ ничего́ дурно́го.

И Али́ го́рько запла́кал перед ифри́том и стал проси́ть и умоля́ть его́, но ифри́т воскли́кнул:

— Я не могу́ тебя́ прости́ть и непреме́нно заколду́ю тебя́.

Он по́днял царе́вича с земли́ и до́лго лете́л с ним по во́здуху, а пото́м они́ опусти́лись на каку́ю-то высо́кую го́ру. Ифри́т взял немно́го земли́, поколдова́л над не́ю и осы́пал э́той землёй царе́вича, и царе́вич вдруг преврати́лся в ста́рую уро́дливую обезья́ну.

— Будь же таки́м, пока́ не умрёшь, — сказа́л ифри́т и улете́л, а царе́вич Али́ го́рько запла́кал. Он спусти́лся с горы́ в равни́ну и шёл по ней до тех пор, пока́ не дошёл до бе́рега мо́ря. А к бе́регу как раз в э́то вре́мя подплы́л большо́й кора́бль. Али́ вскара́бкался на па́лубу, и оди́н из матро́сов воскли́кнул:

— Отку́да взяла́сь э́та обезья́на? Прогони́те её!

— На́до её уби́ть, — сказа́л капита́н, но Али́ схвати́л капита́на за полу́ хала́та и стал его́ проси́ть глаза́ми: «Не убива́й меня́! Я бу́ду тебе́ служи́ть!» Капита́н пожале́л обезья́ну и сказа́л: — Она́ попроси́ла у меня́ защи́ты, и я защищу́ её. Пусть никто́ её не тро́гает.

Он стал хорошо́ обраща́ться с царе́вичем, и Али́ исполня́л всё, что капита́н ему́ прика́зывал. Кора́бль плыл пятьдеся́т дней и приста́л к большо́му го́роду. Как то́лько он стал на я́корь, царь э́того го́рода при-

сла́л на кора́бль свои́х слуг, и слу́ги царя́ сказа́ли капита́ну:

— Наш царь поздравля́ет вас с благополу́чным прибы́тием и посыла́ет вам э́тот листо́к бума́ги. Пусть ка́ждый из вас напи́шет на нём одну́ стро́чку. Де́ло в том, что у царя́ был визи́рь и э́тот визи́рь у́мер. Он уме́л о́чень краси́во писа́ть, и царь дал кля́тву, что сде́лает визи́рем то́лько того́, кто пи́шет так же краси́во, как он. Покажи́те, как вы пи́шете.

И все, кто уме́л писа́ть, написа́ли на э́том листке́ одну́ стро́чку.

Когда́ слу́ги царя́ сложи́ли листо́к и хоте́ли уезжа́ть, обезья́на вдруг подбежа́ла к ним, вы́хватила у них листо́к и сказа́ла зна́ками: «Да́йте и мне написа́ть стро́чку. Я то́же уме́ю писа́ть».

Слу́ги испуга́лись, что обезья́на мо́жет разорва́ть листо́к, и приняли́сь её бить и крича́ть на неё, но капита́н сказа́л им:

— Пусть пи́шет. Я не ви́дел обезья́ны умне́е, чем э́та.

Тогда́ Али́ по́дали перо́, и он написа́л на листке́ не́сколько стро́чек, да все по-ра́зному: и прямы́м по́черком, и косы́м, и кру́глым, и углова́тым. Слу́ги царя́ взя́ли листо́к и отнесли́ его́ царю́. Царь посмотре́л на листо́к и воскли́кнул:

— Никто́ не написа́л так краси́во, как челове́к, кото́рый писа́л после́дним! Наде́ньте на него́ драгоце́нную оде́жду, посади́те его́ на коня́ и привези́те ко мне с му́зыкой.

Услы́шав э́то, приближённые царя́ гро́мко рассмея́лись.

— Что э́то зна́чит? — сказа́л царь. — Я отдаю́ вам приказа́ние, а вы смеётесь!

— О царь, — отве́тили приближённые, — мы смеёмся не напра́сно. Ты веле́л привести́ к тебе́ челове́ка, кото́рый писа́л на листке́ после́дним. Но э́то не челове́к, а обезья́на, и она́ принадлежи́т капита́ну корабля́.

— Это пра́вда? — закрича́л царь. — Тогда́ я куплю́ э́ту обезья́ну у капита́на, и моя́ дочь бу́дет с ней игра́ть. Пойди́те скоре́е, приведи́те её.

Капита́н не хоте́л отдава́ть обезья́ну, но слу́ги царя́ о́тняли её у него́ си́лой, посади́ли на коня́ и повезли́ по у́лицам го́рода. Весь наро́д сбежа́лся смотре́ть на э́то неви́данное зре́лище, и огро́мная толпа́ шла за конём до са́мого дворца́.

Когда́ Али́ в о́бразе обезья́ны привели́ к царю́, он три ра́за поклони́лся ему́ до земли́ и сел перед ним на поду́шку, как садя́тся лю́ди. Все приближённые царя́ о́чень удиви́лись, а бо́льше всех удиви́лся сам царь. Он приказа́л принести́ обезья́не пое́сть, и перед ней поста́вили сто́лик, на кото́ром бы́ли са́мые лу́чшие ку́шанья. Али́ попро́бовал все э́ти ку́шанья и поблагодари́л царя́, поклони́вшись ему́ до земли́. Пото́м он вы́тер себе́ рот, вы́мыл ру́ки и, взяв перо́, написа́л на листке́ бума́ги стихи́, в кото́рых прославля́л царя́ за его́ ми́лость. Когда́ царь прочита́л стихи́, он ещё бо́льше удиви́лся и сказа́л:

— Как жаль, что э́то не челове́к, а обезья́на! Будь она́ челове́ком, я бы сде́лал его́ свои́м визи́рем.

Пото́м царь подви́нул Али́ ша́хматную до́ску и спроси́л его́:

— А в ша́хматы ты уме́ешь игра́ть?

Али́ закива́л голово́й: «Уме́ю, уме́ю!» — и расста́вил ша́хматы на доске́ и обыгра́л царя́ два ра́за. Царю́ ста́ло о́чень оби́дно, что его́ обыгра́ла в ша́хматы обезья́на, и он сыгра́л с ней ещё не́сколько раз, но ни ра́зу не победи́л её.

Он реши́л показа́ть э́ту удиви́тельную обезья́ну свое́й до́чери и сказа́л одному́ из слуг, ма́ленькому ма́льчику:

— Беги́ к царе́вне, твое́й госпоже́, и скажи́ ей, что́бы она́ шла сюда́ посмотре́ть на обезья́ну.

Ма́льчик побежа́л за царе́вной и привёл её, и когда́ царе́вна вошла́ в ко́мнату, она́ вдруг закры́ла себе́ лицо́ рукаво́м и хоте́ла убежа́ть.

— Куда́ ты?! — закрича́л царь. — Посмотри́, кака́я у меня́ удиви́тельная обезья́на.

— Это не обезья́на, а челове́к, — сказа́ла царе́вна. — Как тебе́ не сты́дно звать меня́, когда́ у тебя́ чужи́е лю́ди? Эта обезья́на — мужчи́на, кото́рого заколдова́л ифри́т.

Услы́шав слова́ царе́вны, Али́ закива́л голово́й, а царь спроси́л свою́ дочь Фати́му:

— Отку́да ты зна́ешь, что э́та обезья́на — заколдо́ванный челове́к?

— Когда́ я была́ ма́ленькая, — сказа́ла царе́вна, — у меня́ была́ ня́нька-колду́нья. Она́ учи́ла меня́ колдова́ть, и я вы́учила сто се́мьдесят спо́собов колдовства́. Если я захочу́, я могу́ преврати́ть твой го́род в мо́ре, а его́ жи́телей — в рыб.

— Прошу́ тебя́, — сказа́л царь, — расколду́й э́того челове́ка. Я сде́лаю его́ свои́м визи́рем.

— Хорошо́, — отвеча́ла царе́вна, — сейча́с я расколду́ю его́.

Она́ взяла́ большо́й нож, на кото́ром бы́ли напи́саны каки́е-то бу́квы, и очерти́ла им широ́кий круг посреди́ ко́мнаты, а в кругу́ она́ написа́ла слова́, кото́рые никто́ не мог прочита́ть. Пото́м она́ взяла́ ча́шку с водо́й и сказа́ла над ней что́-то и обры́згала царе́вича э́той водо́й. И вдруг в ко́мнате ста́ло темно́, и из-под земли́ появи́лся тот са́мый ифри́т, кото́рый заколдова́л царе́вича. Ру́ки у него́ бы́ли как ви́лы, но́ги — как ма́чты, а глаза́ — как две о́гненные и́скры. Царь и Али́ так испуга́лись, что засты́ли на ме́сте, а царе́вна закрича́ла ифри́ту:

— Заче́м ты пришёл сюда́, когда́ никто́ тебя́ не звал? Уходи́, пока́ я не преврати́ла тебя́ в ку́чу пе́пла.

А ифри́т преврати́лся в льва и зарыча́л:

— Ты обма́нщица! Ра́зве ты не обеща́ла, что мы с тобо́й не бу́дем меша́ть друг дру́гу? Получи́ же то, что ты заслужи́ла.

И он рази́нул пасть и бро́сился на де́вушку, но царе́вна бы́стро вы́рвала из головы́ волосо́к, потряс-

ла́ им в во́здухе, и волосо́к преврати́лся в о́стрый меч. Она́ уда́рила льва э́тим мечо́м и разруби́ла его́ на две ча́сти, и вдруг его́ голова́ преврати́лась в скорпио́на; тогда́ царе́вна обрати́лась в змею́ и бро́силась на скорпио́на, и ме́жду ни́ми начался́ жесто́кий бой.

Когда́ скорпио́н уви́дел, что змея́ его́ побежда́ет, он преврати́лся в орла́, а змея́ — в я́стреба, и я́стреб стал пресле́довать орла́ и клева́ть его́. Тогда́ орёл сде́лался чёрным кото́м, а я́стреб стал полоса́тым во́лком, и они́ до́лго боро́лись во дворце́. А когда́ кот вы́бился из сил, он преврати́лся в большо́й кра́сный грана́т. Волк подбежа́л к грана́ту и хоте́л его́ съесть, и вдруг грана́т взви́лся в во́здух, упа́л на ка́менный пол и разби́лся, и все его́ зёрнышки рассы́пались по́ полу. Тут волк встряхну́лся и преврати́лся в петуха́. Он стал подбира́ть зёрнышки грана́та и бе́гал по всей ко́мнате, чтобы не оста́вить ни одного́ зёрнышка. Но одно́ зерно́ попа́ло в щель ме́жду ка́менными пли́тами, и пету́х не мог его́ доста́ть. Он на́чал крича́ть и хло́пать кры́льями, де́лая царю́ и царе́вичу Али́ зна́ки клю́вом, но те не понима́ли его́ и не могли́ ему́ помо́чь. И вдруг зёрнышко подпры́гнуло вверх и преврати́лось в ры́бу, кото́рая нырну́ла в бассе́йн с водо́й. То́тчас же пету́х то́же преврати́лся в ры́бу и бро́сился в бассе́йн, и о́бе ры́бы скры́лись под водо́й. Царь и царе́вич услы́шали стра́шные кри́ки и ещё бо́льше испуга́лись.

И вдруг ифри́т вы́шел из-под воды́ и ду́нул на царя́ и царе́вича огнём. В э́ту мину́ту царе́вна насти́гла его́ и то́же ду́нула на него́ огнём. Одна́ и́скра ифри́та попа́ла царе́вичу в лицо́ и вы́жгла ему́ глаз. Царю́ то́же попа́ла в лицо́ и́скра ифри́та и сожгла́ ему́ полови́ну бороды́.

Царе́вич Али́ и царь о́чень испуга́лись и пригото́вились к сме́рти. И вдруг они́ услы́шали го́лос царе́вны:

— Мне удало́сь победи́ть ифри́та, хотя́ никто́ до меня́ не мог уби́ть его́.

И оказа́лось, что царе́вна сожгла́ ифри́та и он превратился в ку́чу пе́пла.

А царе́вна взяла́ ча́шку с водо́й и сказа́ла над ней что́-то, пото́м она́ бры́знула э́той водо́й на обезья́ну, и обезья́на сно́ва преврати́лась в царе́вича. Но одного́ гла́за у него́ не́ было. И вдруг царе́вна закрича́ла:

— Ого́нь! Ого́нь! Я сейча́с умру́! Я не привы́кла боро́ться с ифри́тами. Если бы я подобрала́ все зёрнышки грана́та, ифри́т бы у́мер и не мог бы сде́лать мне зла. Но я оста́вила зёрнышко, в кото́ром была́ жизнь ифри́та, и он напа́л на меня́ под водо́й. Я защища́лась от него́ все́ми спо́собами, каки́е зна́ла, но он напра́вил на меня́ свой ого́нь, а ма́ло кто устои́т перед огнём ифри́та. Мне всё-таки удало́сь сжечь его́, он преврати́лся в ку́чу пе́пла, но и мне не спасти́сь от сме́рти.

И вдруг по всему́ те́лу царе́вны побежа́ли и́скры, и она́ то́же преврати́лась в ку́чу пе́пла.

Когда́ царь увиде́л, что его́ дочь сгоре́ла, он вы́щипал от го́ря оста́ток свое́й бороды́ и разорва́л на себе́ оде́жду, и царе́вич Али́ сде́лал то же са́мое. А пото́м царь сказа́л ему́:

— О ю́ноша, мы жи́ли ве́село и сча́стливо, пока́ не ви́дели и не зна́ли тебя́. Из-за тебя́ я потеря́л свою́ дочь и лиши́лся бороды́. Уходи́ же отсю́да, мне тяжело́ ви́деть тебя́.

Он дал Али́ де́нег, что́бы добра́ться до Багда́да, и Али́ верну́лся на ро́дину, к отцу́, и до конца́ жи́зни никуда́ не уезжа́л.

Синдбад-Мореход[7]

Первое путешествие

авно́-давно́ жил в го́роде Багда́де купе́ц, кото́рого зва́ли Синдба́д. У него́ бы́ло мно́го това́ров и де́нег, и его́ корабли́ пла́вали по всем моря́м. Капита́ны кораблéй, возвра-

ща́ясь из путеше́ствий, расска́зывали Синдба́ду удиви́тельные исто́рии о свои́х приключе́ниях и о далёких стра́нах, где они́ побыва́ли.

Синдба́д слу́шал их расска́зы, и ему́ всё бо́льше и бо́льше хоте́лось свои́ми глаза́ми уви́деть чудеса́ и дико́вины чужи́х стран.

И вот он реши́л пое́хать в далёкое путеше́ствие.

Он накупи́л мно́го това́ров, вы́брал са́мый бы́стрый и кре́пкий кора́бль и пусти́лся в путь. С ним пое́хали и други́е купцы́ со свои́ми това́рами.

До́лго плыл их кора́бль из мо́ря в мо́ре и от су́ши к су́ше, и, пристава́я к земле́, они́ продава́ли и выме́нивали свои́ това́ры.

И вот одна́жды, когда́ они́ уже́ мно́го дней и ноче́й не ви́дели земли́, матро́с на ма́чте закрича́л:

— Бе́рег! Бе́рег!

Капита́н напра́вил кора́бль к бе́регу и бро́сил я́корь у большо́го зелёного о́строва. Там росли́ чуде́сные, неви́данные цветы́, а на ветвя́х тени́стых дере́вьев пе́ли пёстрые пти́цы.

Путеше́ственники сошли́ на зе́млю, что́бы отдохну́ть от ка́чки. Одни́ из них развели́ костёр и ста́ли вари́ть пи́щу, други́е стира́ли бельё в деревя́нных коры́тах, а не́которые гуля́ли по о́строву. Синдба́д то́же пошёл погуля́ть и незаме́тно для себя́ удали́лся от бе́рега. Вдруг земля́ зашевели́лась у него́ под нога́ми, и он услы́шал гро́мкий крик капита́на:

— Спаса́йтесь! Беги́те на кора́бль! Это не о́стров, а огро́мная ры́ба!

И в са́мом де́ле, э́то была́ ры́ба. Её занесло́ песко́м, на ней вы́росли дере́вья, и она́ ста́ла похо́жа на о́стров. Но когда́ путеше́ственники развели́ ого́нь, ры́бе ста́ло жа́рко и она́ зашевели́лась.

— Скоре́й! Скоре́й! — крича́л капита́н. — Сейча́с она́ нырнёт на дно!

Купцы́ поброса́ли свои́ котлы́ и коры́та и в у́жасе бро́сились к кораблю́. Но то́лько те, что бы́ли у са́мого бе́рега, успе́ли добежа́ть. Ры́ба-о́стров опусти́-

ла́сь в глубь мо́ря, и все, кто опозда́л, пошли́ ко дну. Реву́щие во́лны сомкну́лись над ни́ми.

Синдба́д та́кже не успе́л добежа́ть до корабля́. Во́лны обру́шились на него́, но он хорошо́ пла́вал и вы́нырнул на пове́рхность мо́ря. Ми́мо него́ плы́ло большо́е коры́то, в кото́ром купцы́ то́лько что стира́ли бельё. Синдба́д сел верхо́м на коры́то и попро́бовал грести́ нога́ми. Но во́лны швыря́ли коры́то напра́во и нале́во, и Синдба́д не мог им управля́ть.

Капита́н корабля́ приказа́л подня́ть паруса́ и поплы́л прочь от э́того ме́ста, да́же не взгляну́в на утопа́вшего.

Синдба́д до́лго смотре́л вслед кораблю́, а когда́ кора́бль скры́лся вдали́, он запла́кал от го́ря и отча́яния. Тепе́рь ему́ не́откуда бы́ло ждать спасе́ния.

Во́лны би́ли коры́то и броса́ли его́ из стороны́ в сто́рону весь день и всю ночь. А у́тром Синдба́д вдруг уви́дел, что его́ приби́ло к высо́кому бе́регу. Синдба́д схвати́лся за ве́тки де́рева, кото́рые све́шивались над водо́й, и, собра́в после́дние си́лы, вскара́бкался на бе́рег. Как то́лько Синдба́д почу́вствовал себя́ на твёрдой земле́, он упа́л на траву́ и лежа́л как мёртвый весь день и всю ночь.

Утром он реши́л поиска́ть каку́ю-нибудь пи́щу. Он дошёл до большо́й зелёной лужа́йки, покры́той пёстрыми цвета́ми, и вдруг уви́дел перед собо́й коня́, прекра́снее кото́рого нет на све́те. Но́ги коня́ бы́ли спу́таны, и он щипа́л траву́ на лужа́йке.

Синдба́д останови́лся, любу́ясь э́тим конём, и спустя́ немно́го вре́мени уви́дел вдали́ челове́ка, кото́рый бежа́л, разма́хивая рука́ми, и что́-то крича́л. Он подбежа́л к Синдба́ду и спроси́л его́:

— Кто ты тако́й? Отку́да ты и как ты попа́л в на́шу страну́?

— О господи́н, — отве́тил Синдба́д, — я чужезе́мец. Я плыл на корабле́ по́ морю, и мой кора́бль утону́л, а мне удало́сь схвати́ться за коры́то, в кото́ром стира́ют бельё. Во́лны до тех пор носи́ли меня́ по́ мо-

рю, пока́ не принесли́ к ва́шим берега́м. Скажи́ мне, чей э́то конь, тако́й краси́вый, и почему́ он пасётся здесь оди́н?

— Знай, — отвеча́л челове́к, — что я ко́нюх царя́ аль-Михрджа́на. Нас мно́го, и ка́ждый из нас хо́дит то́лько за одни́м конём. Ве́чером мы приво́дим их пасти́сь на э́тот луг, а у́тром уво́дим обра́тно в коню́шню. Наш царь о́чень лю́бит чужезе́мцев. Пойдём к нему́ — он встре́тит тебя́ приве́тливо и ока́жет тебе́ ми́лость.

— Благодарю́ тебя́, господи́н, за твою́ доброту́, — сказа́л Синдба́д.

Ко́нюх наде́л на коня́ сере́бряную узде́чку, снял пу́ты и повёл его́ в го́род. Синдба́д шёл сле́дом за ко́нюхом.

Ско́ро они́ пришли́ во дворе́ц, и Синдба́да ввели́ в зал, где сиде́л на высо́ком тро́не царь аль-Михрджа́н. Царь ла́сково обошёлся с Синдба́дом и стал его́ расспра́шивать, и Синдба́д рассказа́л ему́ обо всём, что с ним случи́лось. Аль-Михрджа́н оказа́л ему́ ми́лость и назна́чил его́ нача́льником га́вани.

С утра́ до ве́чера стоя́л Синдба́д на при́стани и запи́сывал корабли́, кото́рые приходи́ли в га́вань. Он до́лго про́жил в стране́ царя́ аль-Михрджа́на, и вся́кий раз, когда́ к при́стани подходи́л кора́бль, Синдба́д спра́шивал купцо́в и матро́сов, в како́й стороне́ го́род Багда́д. Но никто́ из них ничего́ не слы́шал о Багда́де, и Синдба́д почти́ переста́л наде́яться, что уви́дит родно́й го́род.

А царь аль-Михрджа́н о́чень полюби́л Синдба́да и сде́лал его́ свои́м приближённым. Он ча́сто разгова́ривал с ним о его́ стране́ и, когда́ объезжа́л свои́ владе́ния, всегда́ брал Синдба́да с собо́й.

Мно́го чуде́с и дико́винок пришло́сь уви́деть Синдба́ду в земле́ царя́ аль-Михрджа́на, но он не забы́л свое́й ро́дины и то́лько о том и ду́мал, как бы верну́ться в Багда́д.

Одна́жды Синдба́д стоя́л, как всегда́, на берегу́

мо́ря, гру́стный и печа́льный. В э́то вре́мя подошёл к при́стани большо́й кора́бль, на кото́ром бы́ло мно́го купцо́в и матро́сов. Все жи́тели го́рода вы́бежали на бе́рег встреча́ть кора́бль. Матро́сы ста́ли выгружа́ть това́ры, а Синдба́д стоя́л и запи́сывал. Под ве́чер Синдба́д спроси́л капита́на:

— Мно́го ли ещё оста́лось това́ров на твоём корабле́?

— В трю́ме лежи́т ещё не́сколько тюко́в, — отве́тил капита́н, — но их владе́лец утону́л. Мы хоти́м прода́ть э́ти това́ры, а де́ньги за них отвезти́ его́ родны́м в Багда́д.

— Как зову́т владе́льца э́тих това́ров? — спроси́л Синдба́д.

— Его́ зову́т Синдба́д, — отвеча́л капита́н.

Услы́шав э́то, Синдба́д гро́мко вскри́кнул и сказа́л:

— Я Синдба́д! Я сошёл с твоего́ корабля́, когда́ он приста́л к о́строву-ры́бе, а ты уе́хал и поки́нул меня́, когда́ я тону́л в мо́ре. Эти това́ры — мои́ това́ры.

— Ты хо́чешь меня́ обману́ть! — вскрича́л капита́н. — Я сказа́л тебе́, что у меня́ на корабле́ есть това́ры, владе́лец кото́рых утону́л, и ты жела́ешь взять их себе́! Мы ви́дели, как Синдба́д утону́л, и с ним утону́ло мно́го купцо́в. Как же ты говори́шь, что това́ры твои́? Нет у тебя́ ни че́сти, ни со́вести!

— Вы́слушай меня́, и ты узна́ешь, что я говорю́ пра́вду, — сказа́л Синдба́д. — Ра́зве ты не по́мнишь, как я нанима́л твой кора́бль в Ба́сре, а свёл меня́ с тобо́й писе́ц по и́мени Сулейма́н Вислоу́хий?

И он рассказа́л капита́ну обо всём, что случи́лось на его́ корабле́ с того́ дня, как все они́ отплы́ли из Ба́сры. И тогда́ капита́н и купцы́ узна́ли Синдба́да и обра́довались, что он спа́сся. Они́ о́тдали Синдба́ду его́ това́ры, и Синдба́д про́дал их с большо́й при́былью. Он прости́лся с царём аль-Михрджа́ном, погрузи́л на кора́бль други́е това́ры, кото́рых нет в Багда́де, и поплы́л на своём корабле́ в Ба́сру.

Мно́го дней и ноче́й плыл его́ кора́бль и наконе́ц бро́сил я́корь в га́вани Ба́сры, а отту́да Синдба́д отпра́вился в Го́род Ми́ра, как называ́ли в то вре́мя ара́бы Багда́д.

В Багда́де Синдба́д ро́здал часть свои́х това́ров друзья́м и прия́телям, а остальны́е про́дал.

Он перенёс в пути́ сто́лько бед и несча́стий, что реши́л никогда́ бо́льше не выезжа́ть из Багда́да.

Так око́нчилось пе́рвое путеше́ствие Синдба́да-Морехо́да.

Второе путешествие

Но ско́ро Синдба́ду наску́чило сиде́ть на одно́м ме́сте, и захоте́лось ему́ опя́ть попла́вать по моря́м. Сно́ва накупи́л он това́ров, отпра́вился в Ба́сру и вы́брал большо́й, кре́пкий кора́бль. Два дня скла́дывали матро́сы в трюм това́ры, а на тре́тий день капита́н приказа́л подня́ть я́корь, и кора́бль тро́нулся в путь, подгоня́емый попу́тным ве́тром.

Мно́го острово́в, городо́в и стран повида́л Синдба́д в э́то путеше́ствие, и наконе́ц его́ кора́бль приста́л к неве́домому прекра́сному о́строву, где текли́ прозра́чные ручьи́ и росли́ густы́е дере́вья, уве́шанные тяжёлыми плода́ми.

Синдба́д и его́ спу́тники, купцы́ из Багда́да, вы́шли на бе́рег погуля́ть и разбрели́сь по о́строву. Синдба́д вы́брал тени́стое ме́сто и присе́л отдохну́ть под густо́й я́блоней. Ско́ро ему́ захоте́лось есть. Он вы́нул из доро́жного мешка́ жа́реного цыплёнка и не́сколько лепёшек, кото́рые захвати́л с корабля́, и закуси́л, а пото́м лёг на траву́ и сейча́с же засну́л.

Когда́ он просну́лся, со́лнце стоя́ло уже́ ни́зко. Синдба́д вскочи́л на́ ноги и побежа́л к мо́рю, но корабля́ уже́ не́ было. Он уплы́л, и все, кто был на нём, — капита́н, и купцы́, и матро́сы — забы́ли о Синдба́де.

Бе́дный Синдба́д оста́лся оди́н на о́строве. Он го́рько запла́кал и сказа́л сам себе́:

— Если в пе́рвое путеше́ствие я спа́сся и встре́тил люде́й, кото́рые привезли́ меня́ обра́тно в Багда́д, то тепе́рь никто́ меня́ не найдёт на э́том безлю́дном о́строве.

До са́мой но́чи стоя́л Синдба́д на берегу́, смотре́л, не плывёт ли вдали́ кора́бль, а когда́ стемне́ло, он лёг на зе́млю и кре́пко засну́л.

Утром, с восхо́дом со́лнца, Синдба́д просну́лся и пошёл в глубь о́строва, что́бы поиска́ть пи́щи и све́жей воды́. Вре́мя от вре́мени он взбира́лся на дере́вья и осма́тривался вокру́г, но не ви́дел ничего́, кро́ме ле́са, земли́ и воды́.

Ему́ станови́лось тоскли́во и стра́шно. Неуже́ли придётся всю жизнь прожи́ть на э́том пусты́нном о́строве? Но пото́м, стара́ясь подбодри́ть себя́, он говори́л:

— Что то́лку сиде́ть и горева́ть! Никто́ меня́ не спасёт, е́сли я не спасу́ себя́ сам. Пойду́ да́льше и, мо́жет быть, дойду́ до ме́ста, где живу́т лю́ди.

Прошло́ не́сколько дней. И вот одна́жды Синдба́д влез на де́рево и уви́дел вдали́ большо́й бе́лый ку́пол, кото́рый ослепи́тельно сверка́л на со́лнце. Синдба́д о́чень обра́довался и поду́мал: «Это, наве́рно, кры́ша дворца́, в кото́ром живёт царь э́того о́строва. Я пойду́ к нему́, и он помо́жет мне добра́ться до Багда́да».

Синдба́д бы́стро спусти́лся с де́рева и пошёл вперёд, не сводя́ глаз с бе́лого ку́пола. Подойдя́ на бли́зкое расстоя́ние, он уви́дел, что э́то не дворе́ц, а бе́лый шар — тако́й огро́мный, что верху́шки его́ не́ было ви́дно. Синдба́д обошёл его́ круго́м, но не уви́дел ни о́кон, ни двере́й. Он попро́бовал влезть на верху́шку ша́ра, но сте́нки бы́ли таки́е ско́льзкие и гла́дкие, что Синдба́ду не́ за что бы́ло ухвати́ться.

«Вот чу́до! — поду́мал Синдба́д. — Что э́то за шар?»

Вдруг всё вокру́г потемне́ло. Синдба́д взгляну́л вверх и уви́дел, что над ним лети́т огро́мная пти́ца и кры́лья её, сло́вно ту́чи, заслоня́ют со́лнце. Синдба́д снача́ла испуга́лся, но пото́м вспо́мнил, что капита́н его́ корабля́ расска́зывал, бу́дто на да́льних острова́х живёт пти́ца Рухх, кото́рая ко́рмит свои́х птенцо́в слона́ми. Синдба́д сра́зу по́нял, что бе́лый шар — э́то яйцо́ пти́цы Рухх. Он притаи́лся и стал ждать, что бу́дет да́льше. Пти́ца Рухх, покружи́вшись в во́здухе, опусти́лась на яйцо́, покры́ла его́ свои́ми кры́льями и засну́ла. Синдба́да она́ и не заме́тила.

А Синдба́д лежа́л неподви́жно во́зле яйца́ и ду́мал: «Я нашёл спо́соб вы́браться отсю́да. Лишь бы то́лько пти́ца не просну́лась».

Он подожда́л немно́го и, уви́дев, что пти́ца кре́пко спит, бы́стро снял с головы́ тюрба́н, размота́л его́ и привяза́л себя́ к ноге́ пти́цы Рухх. Она́ и не шевельну́лась — ведь в сравне́нии с не́ю Синдба́д был не бо́льше муравья́. Привяза́вшись, Синдба́д улёгся на ноге́ пти́цы и сказа́л себе́:

«За́втра она́ улети́т со мно́ю и, мо́жет быть, перенесёт меня́ в страну́, где есть лю́ди и города́. Но е́сли да́же я упаду́ и разобью́сь, всё-таки лу́чше умере́ть сра́зу, чем ждать сме́рти на э́том необита́емом о́строве».

Ра́но у́тром перед са́мым рассве́том пти́ца Рухх просну́лась, с шу́мом распра́вила кры́лья, гро́мко и протя́жно вскри́кнула и взвила́сь в во́здух. Синдба́д от стра́ха зажму́рил глаза́ и кре́пко ухвати́лся за́ ногу пти́цы. Она́ подняла́сь до са́мых облако́в и до́лго лете́ла над во́дами и зе́млями, а Синдба́д висе́л, привя́занный к её ноге́, и боя́лся посмотре́ть вниз. Наконе́ц пти́ца Рухх ста́ла опуска́ться и, сев на зе́млю, сложи́ла кры́лья. Тогда́ Синдба́д бы́стро и осторо́жно развяза́л тюрба́н, дрожа́ от стра́ха, что Рухх заме́тит его́ и убьёт.

Но пти́ца так и не уви́дела Синдба́да. Она́ вдруг схвати́ла когтя́ми с земли́ что́-то дли́нное и то́лстое

и улете́ла. Синдба́д посмотре́л ей вслед и уви́дел, что Рухх уно́сит в когтя́х огро́мную змею́, длинне́е и то́лще са́мой большо́й па́льмы.

Синдба́д отдохну́л немно́го и осмотре́лся — и оказа́лось, что пти́ца Рухх принесла́ его́ в глубо́кую и широ́кую доли́ну. Вокру́г стено́й стоя́ли огро́мные го́ры, таки́е высо́кие, что верши́ны их упира́лись в облака́, и не́ было вы́хода из э́той доли́ны.

— Я изба́вился от одно́й беды́ и попа́л в другу́ю, ещё ху́дшую, — сказа́л Синдба́д, тяжело́ вздыха́я. — На о́строве бы́ли хоть плоды́ и пре́сная вода́, а зде́сь нет ни воды́, ни дере́вьев.

Не зна́я, что ему́ де́лать, он печа́льно броди́л по доли́не, опусти́в го́лову. Тем вре́менем над гора́ми взошло́ со́лнце и освети́ло доли́ну. И вдруг вся она́ я́рко засверка́ла. Ка́ждый ка́мень на земле́ блесте́л и перелива́лся си́ними, кра́сными, жёлтыми огня́ми. Синдба́д по́днял оди́н ка́мень и уви́дел, что э́то драгоце́нный алма́з, са́мый твёрдый ка́мень на све́те, кото́рым сверля́т мета́ллы и ре́жут стекло́. Доли́на была́ полна́ алма́зов, и земля́ в ней была́ алма́зная.

И вдруг отовсю́ду послы́шалось шипе́ние. Огро́мные зме́и выполза́ли из-под камне́й, чтобы погре́ться на со́лнце. Ка́ждая из э́тих змей была́ бо́льше са́мого высо́кого де́рева, и е́сли бы в доли́ну пришёл слон, зме́и, наве́рно, проглоти́ли бы его́ целико́м.

Синдба́д задрожа́л от у́жаса и хоте́л бежа́ть, но бежа́ть бы́ло не́куда и не́где бы́ло укры́ться. Синдба́д замета́лся во все сто́роны и вдруг заме́тил ма́ленькую пеще́ру. Он забра́лся в неё ползко́м и очути́лся пря́мо перед огро́мной змеёй, кото́рая сверну́лась клубко́м и гро́зно шипе́ла. Синдба́д ещё бо́льше испуга́лся. Он вы́полз из пеще́ры и прижа́лся спино́й к скале́, стара́ясь не шевели́ться. Он ви́дел, что нет ему́ спасе́ния.

И вдруг пря́мо перед ним упа́л большо́й кусо́к мя́са. Синдба́д по́днял го́лову, но над ним ничего́ не́ было, кро́ме не́ба и скал. Ско́ро све́рху упа́л друго́й ку-

со́к мя́са, за ним тре́тий. Тогда́ Синдба́д по́нял, где он нахо́дится и что э́то за доли́на.

Давно́-давно́ в Багда́де он слы́шал от одного́ путеше́ственника расска́з о доли́не алма́зов. «Эта доли́на, — говори́л путеше́ственник, — нахо́дится в далёкой стране́ ме́жду гор, и никто́ не мо́жет попа́сть в неё, потому́ что туда́ нет доро́ги. Но купцы́, кото́рые торгу́ют алма́зами, приду́мали хи́трость, что́бы добыва́ть ка́мни. Они́ убива́ют овцу́, ре́жут её на куски́ и броса́ют мя́со в доли́ну. Алма́зы прилипа́ют к мя́су, а в по́лдень в доли́ну спуска́ются хи́щные пти́цы — орлы́ и я́стребы, — хвата́ют мя́со и взлета́ют с ним на́ гору. Тогда́ купцы́ сту́ком и кри́ками отгоня́ют птиц от мя́са и отдира́ют прили́пшие алма́зы; мя́со же они́ оставля́ют пти́цам и зверя́м».

Синдба́д вспо́мнил э́тот расска́з и обра́довался. Он приду́мал, как ему́ спасти́сь. Бы́стро собра́л он сто́лько кру́пных алма́зов, ско́лько мог унести́ с собо́й, а пото́м распусти́л свой тюрба́н, лёг на зе́млю, положи́л на себя́ большо́й кусо́к мя́са и кре́пко привяза́л его́ к себе́. Не прошло́ и мину́ты, как в доли́ну спусти́лся го́рный орёл, схвати́л мя́со когтя́ми и подня́лся на во́здух. Долете́в до высо́кой горы́, он принялся́ клева́ть мя́со, но вдруг сза́ди него́ раздали́сь гро́мкие кри́ки и стук. Встрево́женный орёл бро́сил свою́ добы́чу и улете́л, а Синдба́д развяза́л тюрба́н и встал. Стук и гро́хот слы́шались всё бли́же, и ско́ро из-за дере́вьев вы́бежал ста́рый, то́лстый борода́тый челове́к в оде́жде купца́. Он колоти́л па́лкой по деревя́нному щиту́ и крича́л во весь го́лос, что́бы отогна́ть орла́.

Не взгляну́в да́же на Синдба́да, купе́ц бро́сился к мя́су и осмотре́л его́ со всех сторо́н, но не нашёл ни одного́ алма́за. Тогда́ он сел на зе́млю, схвати́лся рука́ми за́ голову и воскли́кнул:

— Что э́то за несча́стье! Я уже́ це́лого быка́ сбро́сил в доли́ну, но орлы́ унесли́ все куски́ мя́са к себе́ в гнёзда. Они́ оста́вили то́лько оди́н кусо́к и, как на-

ро́чно, тако́й, к кото́рому не прили́пло ни одного́ ка́мешка. О го́ре! О неуда́ча!

Тут он уви́дел Синдба́да, кото́рый стоя́л с ним ря́дом, весь в крови́ и пыли́, босо́й и в разо́рванной оде́жде. Купе́ц сра́зу переста́л крича́ть и за́мер от испу́га. Пото́м он по́днял свою́ па́лку, закры́лся щито́м и спроси́л:

— Кто ты тако́й и как ты сюда́ попа́л?

— Не бо́йся меня́, почте́нный купе́ц. Я не сде́лаю тебе́ зла, — отве́тил Синдба́д. — Я то́же был купцо́м, как и ты, но испыта́л мно́го бед и стра́шных приключе́ний. Помоги́ мне вы́браться отсю́да и попа́сть на ро́дину, и я дам тебе́ сто́лько алма́зов, ско́лько у тебя́ никогда́ не́ было.

— А у тебя́ пра́вда есть алма́зы? — спроси́л купе́ц. — Покажи́.

Синдба́д показа́л ему́ свои́ ка́мни и подари́л са́мые лу́чшие из них. Купе́ц обра́довался и до́лго благодари́л Синдба́да, а пото́м он позва́л други́х купцо́в, кото́рые та́кже добыва́ли алма́зы, и Синдба́д рассказа́л им обо всех свои́х несча́стьях.

Купцы́ поздра́вили его́ со спасе́нием, да́ли ему́ хоро́шую оде́жду и взя́ли его́ с собо́й.

Они́ до́лго шли че́рез сте́пи, пусты́ни, равни́ны и го́ры, и нема́ло чуде́с и дико́винок пришло́сь уви́деть Синдба́ду, пока́ он добра́лся до свое́й ро́дины.

На одно́м о́строве он уви́дел зве́ря, кото́рого называ́ют каркада́нн. Каркада́нн похо́ж на большу́ю коро́ву, и у него́ оди́н то́лстый рог посереди́не головы́. Он тако́й си́льный, что мо́жет носи́ть на своём ро́ге большо́го слона́. От со́лнца жир слона́ начина́ет та́ять и залива́ет каркада́нну глаза́. Каркада́нн сле́пнет и ложи́тся на зе́млю. Тогда́ к нему́ прилета́ет пти́ца Рухх и уно́сит его́ в когтя́х вме́сте со слоно́м в своё гнездо́.

По́сле до́лгого путеше́ствия Синдба́д наконе́ц добра́лся до Багда́да. Родны́е с ра́достью встре́тили его́ и устро́или пра́здник по слу́чаю его́ возвраще́ния. Они́

ду́мали, что Синдба́д поги́б, и не надéялись бóльше егó уви́деть. Синдба́д прóдал свои́ алма́зы и опя́ть стал торгова́ть, как прéжде.

Так окóнчилось вторóе путешéствие Синдба́да-Морехóда.

Третье путешествие

Нéсколько лет прóжил Синдба́д в роднóм гóроде, никуда́ не выезжа́я. Егó друзья́ и знакóмые, багда́дские купцы́, ка́ждый вéчер сходи́лись к нему́ и слу́шали расска́зы о егó стра́нствиях, и вся́кий раз, как Синдба́д вспомина́л про пти́цу Рухх, алма́зную доли́ну огрóмных змей, ему́ станови́лось так стра́шно, как бу́дто он всё ещё броди́л в доли́не алма́зов.

Однáжды вéчером к Синдба́ду, по обыкновéнию, пришли́ егó прия́тели-купцы́. Когда́ они́ кóнчили у́жин и приготóвились слу́шать расска́зы хозя́ина, в кóмнату вошёл слу́га и сказа́л, что у ворóт стои́т человéк и продаёт дикóвинные плоды́.

— Прикажи́ ему́ войти́ сюда́, — сказа́л Синдба́д.

Слуга́ привёл торгóвца плода́ми в кóмнату. Это был сму́глый человéк с дли́нной чёрной бородóй, одéтый по-инозéмному. На головé он нёс корзи́ну, пóлную великолéпных плодóв. Он поста́вил корзи́ну перед Синдба́дом и снял с неё покрыва́ло.

Синдба́д загляну́л в корзи́ну — и а́хнул от удивлéния. В ней лежа́ли огрóмные кру́глые апельси́ны, ки́слые и сла́дкие лимóны, помера́нцы, я́ркие, слóвно огóнь, пéрсики, гру́ши и грана́ты, таки́е больши́е и сóчные, каки́х не быва́ет в Багда́де.

— Кто ты, чужезéмец, и отку́да ты пришёл? — спроси́л Синдба́д торгóвца.

— О господи́н, — отвéтил тот, — я роди́лся далекó отсю́да, на óстрове Серенди́бе. Всю мою́ жизнь я пла́вал по моря́м и побыва́л во мнóгих стра́нах, и вездé я продава́л таки́е плоды́.

— Расскажи́ мне про о́стров Серенди́б: како́й он и кто на нём живёт? — сказа́л Синдба́д.

— Про мою́ ро́дину не расска́жешь слова́ми. Её ну́жно ви́деть, так как нет в ми́ре о́строва прекра́снее и лу́чше Серенди́ба, — отве́тил торго́вец. — Когда́ пу́тник вступа́ет на бе́рег, он слы́шит пе́ние прекра́сных птиц, пе́рья кото́рых горя́т на со́лнце, как драгоце́нные ка́мни. Да́же цветы́ на о́строве Серенди́бе све́тятся, сло́вно я́ркое зо́лото. И есть на нём цветы́, кото́рые пла́чут и смею́тся. Ка́ждый день на восхо́де со́лнца они́ поднима́ют свои́ голо́вки кве́рху и гро́мко крича́т: «Утро! Утро!» — и смею́тся, а ве́чером, когда́ со́лнце захо́дит, они́ опуска́ют голо́вки к земле́ и пла́чут. Лишь то́лько наступа́ет темнота́, выхо́дят на бе́рег мо́ря всевозмо́жные зве́ри — медве́ди, ба́рсы, львы и морски́е ко́ни, — и ка́ждый де́ржит во рту драгоце́нный ка́мень, кото́рый сверка́ет, как ого́нь, и освеща́ет всё вокру́г. А дере́вья на моеи́ ро́дине са́мые ре́дкие и дороги́е: ало́э, кото́рое так прекра́сно па́хнет, е́сли его́ зaже́чь; кре́пкий тек, что идёт на корабе́льные ма́чты, — ни одно́ насеко́мое не прогрызёт его́, и не повреди́т ему́ ни вода́, ни хо́лод; высо́кие па́льмы и блестя́щие эбе́н, и́ли чёрное де́рево. Мо́ре вокру́г Серенди́ба ла́сковое и тёплое. На дне его́ лежа́т чуде́сные жемчу́жины — бе́лые, ро́зовые и чёрные, и рыбаки́ ныря́ют в во́ду и достаю́т их. А иногда́ они́ посыла́ют за же́мчугом ма́леньких обезья́н...

До́лго ещё расска́зывал торго́вец плода́ми про дико́вины о́строва Серенди́ба, и, когда́ он ко́нчил, Синдба́д ще́дро награди́л его́ и отпусти́л. Торго́вец ушёл, ни́зко кла́няясь, а Синдба́д лёг спать, но ещё до́лго воро́чался с бо́ку на́ бок и не мог засну́ть, вспомина́я расска́зы об о́строве Серенди́б. Ему́ слы́шался плеск мо́ря и скрип корабе́льных мачт, он ви́дел перед собо́й чуде́сных птиц и золоты́е цветы́, сверка́вшие я́ркими огня́ми. Наконе́ц он засну́л, и ему́ присни́лась обезья́на с огро́мной ро́зовой жемчу́жиной во рту.

Проснýвшись, он срáзу же вскочи́л с постéли и сказáл себé:

— Я непремéнно дóлжен побывáть на óстрове Серенди́бе! Сегóдня же начнý собирáться в путь.

Он собрáл все, каки́е у негó бы́ли, дéньги, накупи́л товáров, прости́лся со свои́ми родны́ми и опя́ть отпрáвился в примóрский гóрод Бáсру. Он дóлго выбирáл себé корáбль полýчше и наконéц нашёл прекрáсное, крéпкое сýдно. Капитáном э́того сýдна был морехóд из Пéрсии по и́мени Бузýрг — стáрый тóлстый человéк с дли́нной бородóй. Он мнóго лет плáвал по океáну, и егó корáбль ни рáзу не потерпéл крушéния.

Синдбáд велéл погрузи́ть свои́ товáры на корáбль Бузýрга и трóнулся в путь. С ним вмéсте поéхали егó прия́тели-купцы́, котóрым тáкже захотéлось побывáть на óстрове Серенди́бе.

Вéтер был попýтный, и корáбль бы́стро дви́гался вперёд. Пéрвые дни всё шло благополýчно. Но однáжды ýтром нá море началáсь бýря; подня́лся си́льный вéтер, котóрый то и дéло меня́л направлéние. Корáбль Синдбáда носи́ло пó морю как щéпку. Огрóмные вóлны однá за другóй перекáтывались чéрез пáлубу. Синдбáд и егó прия́тели привязáли себя́ к мáчтам и стáли прощáться друг с дрýгом, не надéясь спасти́сь. Тóлько капитáн Бузýрг был спокóен. Он сам встал у руля́ и грóмким гóлосом отдавáл приказáния. Ви́дя, что он не бои́тся, успокóились и егó спýтники. К полýдню бýря началá стихáть. Вóлны стáли мéньше, нéбо проясни́лось. Скóро наступи́ло пóлное зати́шье.

И вдруг капитáн Бузýрг приня́лся бить себя́ по лицý, стонáть и плáкать. Сорвáл с головы́ тюрбáн, брóсил егó на пáлубу, разорвáл на себé халáт и кри́кнул:

— Знáйте, что наш корáбль попáл в си́льное течéние и мы не мóжем из негó вы́йти! А э́то течéние несёт нас к странé, котóрая называ́ется «Странá мох-

на́тых». Там живу́т лю́ди, похо́жие на обезья́н, и никто́ ещё не верну́лся живы́м из э́той страны́. Гото́вьтесь же к сме́рти — нам нет спасе́ния!

Не успе́л капита́н договори́ть, как разда́лся стра́шный уда́р. Кора́бль си́льно встряхну́ло, и он останови́лся. Тече́ние пригна́ло его́ к бе́регу, и он сел на мель. И сейча́с же весь бе́рег покры́лся ма́ленькими челове́чками. Их станови́лось всё бо́льше и бо́льше, они́ ска́тывались с бе́рега пря́мо в во́ду, подплыва́ли к кораблю́ и бы́стро кара́бкались на ма́чты. Эти ма́ленькие лю́ди, покры́тые густо́й ше́рстью, с жёлтыми глаза́ми, кривы́ми нога́ми и це́пкими рука́ми, перегры́зли кора́бельные кана́ты и сорва́ли паруса́, а пото́м бро́сились на Синдба́да и его́ спу́тников. Пере́дний челове́чек подкра́лся к одному́ из купцо́в. Купе́ц вы́хватил меч и разруби́л его́ попола́м. И сейча́с же на него́ ки́нулись ещё де́сять мохна́тых, схвати́ли его́ за́ руки и за́ ноги и сбро́сили в мо́ре, а за ним и друго́го и тре́тьего купца́.

— Неуже́ли мы испуга́емся э́тих обезья́н?! — воскли́кнул Синдба́д и вы́нул меч из но́жен.

Но капита́н Бузу́рг схвати́л его́ за́ руку и закрича́л:

— Береги́сь, Синдба́д! Ра́зве ты не ви́дишь, что е́сли ка́ждый из нас убьёт де́сять и́ли да́же сто обезья́н, остальны́е разорву́т его́ в кло́чья и́ли вы́кинут за́ борт? Бежи́м с корабля́ на о́стров, а кора́бль пусть достаётся обезья́нам.

Синдба́д послу́шался капита́на и вложи́л меч в но́жны.

Он вы́скочил на бе́рег о́строва, и его́ спу́тники после́довали за ним. После́дним ушёл с корабля́ капита́н Бузу́рг. Ему́ бы́ло о́чень жа́лко оставля́ть своё су́дно э́тим мохна́тым обезья́нам.

Синдба́д и его́ прия́тели ме́дленно пошли́ вперёд, не зна́я, куда́ напра́виться. Они́ шли и ти́хо разгова́ривали ме́жду собо́й. И вдруг капита́н Бузу́рг воскли́кнул:

— Смотри́те! Смотри́те! Дворе́ц!

Синдба́д по́днял го́лову и уви́дел высо́кий дом с чёрными желе́зными воро́тами.

— В э́том до́ме, мо́жет быть, живу́т лю́ди. Пойдём и узна́ем, кто его́ хозя́ин, — сказа́л он.

Пу́тники пошли́ быстре́е и вско́ре дошли́ до воро́т до́ма. Синдба́д пе́рвым вбежа́л во двор и кри́кнул:

— Тут, наве́рно, неда́вно был пир! Смотри́те — на па́лках вокру́г жаро́вни вися́т котлы́ и ско́вороды и всю́ду разбро́саны обгло́данные ко́сти. А у́гли в жаро́вне ещё горя́чие. Посиди́м немно́го на э́той скамье́ — мо́жет быть, хозя́ин до́ма вы́йдет во двор и позовёт нас.

Синдба́д и его́ спу́тники так уста́ли, что едва́ держа́лись на нога́х. Они́ усе́лись, кто на скамью́, а кто пря́мо на зе́млю, и вско́ре усну́ли, пригре́вшись на со́лнце. Синдба́д просну́лся пе́рвым. Его́ разбуди́л си́льный шум и гул. Каза́лось, что где́-то недалеко́ прохо́дит большо́е ста́до слоно́в. Земля́ дрожа́ла от чьи́х-то тяжёлых шаго́в. Бы́ло уже́ почти́ темно́. Синдба́д привста́л со скамьи́ и за́мер от у́жаса: пря́мо на него́ дви́гался челове́к огро́много ро́ста — настоя́щий велика́н, похо́жий на высо́кую па́льму. Он был весь чёрный, глаза́ у него́ сверка́ли, как горя́щие головни́, рот был похо́ж на отве́рстие коло́дца, а зу́бы торча́ли, то́чно клыки́ кабана́. Уши па́дали ему́ на пле́чи, а но́гти на его́ рука́х бы́ли широ́кие и о́стрые, как у льва. Велика́н шёл ме́дленно, слегка́ согну́вшись, то́чно ему́ тру́дно бы́ло нести́ свою́ го́лову, и тяжело́ вздыха́л. От ка́ждого вздо́ха шелесте́ли дере́вья и верху́шки их пригиба́лись к земле́, как во вре́мя бу́ри. В рука́х у велика́на был огро́мный фа́кел — це́лый ствол смоли́стого де́рева.

Спу́тники Синдба́да то́же просну́лись и лежа́ли на земле́ полумёртвые от стра́ха. Велика́н подошёл и нагну́лся над ни́ми. Он до́лго рассма́тривал ка́ждого из них и, вы́брав одного́, по́днял его́, как пёрыш-

ко. Это был капита́н Бузу́рг — са́мый большо́й и то́лстый из спу́тников Синдба́да.

Синдба́д вы́хватил меч и бро́сился к велика́ну. Весь его́ страх прошёл, и он ду́мал то́лько об одно́м: как бы вы́рвать Бузу́рга из рук чудо́вища. Но велика́н уда́ром ноги́ отбро́сил Синдба́да в сто́рону. Он разжёг ого́нь на жаро́вне, зажа́рил капита́на Бузу́рга и съел его́.

Ко́нчив есть, велика́н растяну́лся на земле́ и гро́мко захрапе́л. Синдба́д и его́ това́рищи сиде́ли на скамье́, прижа́вшись друг к дру́гу и затаи́в дыха́ние.

Синдба́д опра́вился пе́рвый и, убеди́вшись, что велика́н кре́пко спит, вскочи́л и воскли́кнул:

— Лу́чше бы́ло бы, е́сли бы мы утону́ли в мо́ре! Неуже́ли мы позво́лим велика́ну съесть нас, как ове́ц?

— Уйдём отсю́да и пои́щем тако́е ме́сто, где бы мы могли́ спря́таться от него́, — сказа́л оди́н из купцо́в.

— Куда́ нам уйти́? Он ведь всю́ду нас найдёт, — возрази́л Синдба́д. — Лу́чше бу́дет, е́сли мы убьём его́ и пото́м уплывём по́ морю. Мо́жет быть, нас подберёт како́й-нибудь кора́бль.

— А на чём же мы уплывём, Синдба́д? — спроси́ли купцы́.

— Посмотри́те на э́ти брёвна, что сло́жены о́коло жаро́вни. Они́ дли́нные и то́лстые, и, е́сли их связа́ть вме́сте, вы́йдет хоро́ший плот, — сказа́л Синдба́д. — Перенесём их на бе́рег мо́ря, пока́ спит э́тот жесто́кий людое́д, а пото́м мы вернёмся сюда́ и приду́маем спо́соб его́ уби́ть.

— Это прекра́сный план, — сказа́ли купцы́ и на́чали перета́скивать брёвна на морско́й бе́рег и свя́зывать их верёвками из па́льмового лы́ка [1].

К утру́ плот был гото́в, и Синдба́д с това́рищами верну́лись во двор велика́на. Когда́ они́ пришли́, лю-

---

[1] Лы́ко — волокни́стая вну́тренняя часть коры́ ли́ственных дере́вьев, разделя́емая на у́зкие по́лосы.

доéда на дворé нé было. До сáмого вéчера он не появля́лся.

Когдá стемнéло, земля́ опя́ть затряслáсь и послы́шался гул и тóпот. Великáн был бли́зко. Как и накану́не, он мéдленно подошёл к товáрищам Синдбáда и нагну́лся над ни́ми, освещáя их фáкелом. Он вы́брал сáмого тóлстого купцá, проткну́л его́ вéртелом [1], зажáрил и съел. А потóм он растяну́лся на землé и засну́л.

— Ещё оди́н наш спу́тник поги́б! — воскли́кнул Синдбáд. — Но э́то послéдний. Бóльше э́тот жестóкий человéк никогó из нас не съест.

— Что же ты заду́мал, Синдбáд? — спроси́ли его́ купцы́.

— Смотри́те и дéлайте так, как я скажу́! — воскли́кнул Синдбáд.

Он схвати́л два вéртела, на котóрых великáн жáрил мя́со, раскали́л их на огнé и пристáвил к глазáм людоéда. Потóм он сдéлал знак купцáм, и они́ все вмéсте навали́лись на вертелá. Глазá людоéда ушли́ в глубь головы́, и он ослéп.

Людоéд со стрáшным кри́ком вскочи́л и приня́лся шáрить вокру́г себя́ рукáми, старáясь поймáть свои́х врагóв. Но Синдбáд и его́ товáрищи врассыпну́ю брóсились от негó и побежáли к мóрю. Великáн пошёл за ни́ми, продолжáя грóмко кричáть. Он догоня́л беглецóв и перегоня́л их, но так и не поймáл никогó. Они́ пробегáли у негó мéжду ногáми, увёртывались от его́ рук и наконéц добежáли до бéрега мóря, сéли на плот и отплы́ли, гребя́, как веслóм, тóнким стволóм молодóй пáльмы.

Когдá людоéд услы́шал удáры весла́ о вóду, он пóнял, что добы́ча ушлá от негó. Он закричáл ещё грóмче прéжнего. На его́ крик прибежáли ещё два великáна, таки́е же стрáшные, как он. Они́ отломи́ли от скал по громáдному кáмню и брóсили вслед беглецáм.

[1] Вéртел — желéзный прут для жарéния мя́са над огнём.

Глы́бы скал со стра́шным шу́мом упа́ли в во́ду, то́лько слегка́ заде́в плот. Но от них подняли́сь таки́е во́лны, что плот переверну́лся. Спу́тники Синдба́да почти́ совсе́м не уме́ли пла́вать. Они́ сра́зу захлебну́лись и пошли́ ко дну. То́лько сам Синдба́д и ещё двое́ купцо́в помоло́же успе́ли схвати́ться за плот и удержа́лись на пове́рхности мо́ря.

Синдба́д с трудо́м вскара́бкался сно́ва на плот и помо́г свои́м това́рищам вы́браться из воды́. Во́лны унесли́ их весло́, и им пришло́сь плыть по тече́нию, слегка́ направля́я плот нога́ми. Станови́лось светле́е. Ско́ро должно́ бы́ло взойти́ со́лнце. Това́рищи Синдба́да, мо́крые и дрожа́щие, сиде́ли на плоту́ и гро́мко жа́ловались. Синдба́д стоя́л на краю́ плота́, высма́тривая, не ви́дно ли вдали́ бе́рега и́ли па́руса корабля́. Вдруг он оберну́лся к свои́м спу́тникам и кри́кнул:

— Мужа́йтесь, друзья́ мои́ Ахме́д и Хаса́н! Земля́ недалеко́, и тече́ние несёт нас пря́мо к бе́регу. Ви́дите, пти́цы кру́жатся там, вдали́, над водо́ю? Их гнёзда, наве́рно, где́-нибудь бли́зко. Ведь пти́цы не улета́ют далеко́ от свои́х птенцо́в.

Ахме́д и Хаса́н подбодри́лись и по́дняли го́ловы. Хаса́н, у кото́рого глаза́ бы́ли зо́ркие, как у я́страба, посмотре́л вперёд и сказа́л:

— Твоя́ пра́вда, Синдба́д. Вон там, вдалеке́, я ви́жу о́стров. Ско́ро тече́ние приго́нит к нему́ наш плот, и мы отдохнём на твёрдой земле́.

Изму́ченные пу́тники обра́довались и ста́ли сильне́е грести́ нога́ми, что́бы помо́чь тече́нию. Е́сли бы они́ то́лько зна́ли, что ждёт их на э́том о́строве!

Ско́ро плот приби́ло к бе́регу, и Синдба́д с Ахме́дом и Хаса́ном вы́шли на су́шу. Они́ ме́дленно пошли́ вперёд, подбира́я с земли́ я́годы и коре́нья, и уви́дели высо́кие, развéсистые дере́вья на берегу́ ручья́. Густа́я трава́ так и мани́ла приле́чь и отдохну́ть.

Синдба́д бро́сился под де́рево и сейча́с же засну́л. Его́ разбуди́л како́й-то стра́нный звук, то́чно кто́-то перетира́л зерно́ ме́жду двумя́ огро́мными камня́ми.

Синдбáд открыл глазá и вскочил нá ноги. Он увидел перед собóй огрóмного змéя с ширóкой пáстью, как у китá. Змей спокóйно лежáл на брюхе и лениво с грóмким хрýстом двигал чéлюстями. Этот хруст и разбудил Синдбáда. А из пáсти змéя торчáли человéческие нóги в сандáлиях. По сандáлиям Синдбáд узнáл, что э́то нóги Ахмéда.

Постепéнно Ахмéд целикóм исчéз в брюхе змéя, и змей мéдленно упóлз в лес. Когдá он скрылся, Синдбáд осмотрéлся кругóм и увидел, что он остáлся один.

«А где же Хасáн? — подýмал Синдбáд. — Неужéли егó тóже съел змей?»

— Эй, Хасáн, где ты? — крикнул он.

— Здесь! — раздáлся гóлос откýда-то свéрху.

Синдбáд пóднял гóлову и увидел Хасáна, котóрый сидéл скóрчившись в густы́х ветвя́х дéрева, ни живóй ни мёртвый от стрáха.

— Полезáй и ты сюдá! — крикнул он Синдбáду.

Синдбáд схватил с земли нéсколько кокóсовых орéхов и вскарáбкался на дéрево. Емý пришлóсь сидéть на вéрхней вéтке, э́то было óчень неудóбно. А Хасáн прекрáсно устрóился на ширóком сукý пониже.

Мнóго часóв просидéли Синдбáд и Хасáн на дéреве, кáждую минýту ожидáя появлéния змéя. Стáло смеркáться, наступила ночь, а чудóвища всё нé было. Наконéц Хасáн не вы́держал и заснýл, опершись спинóй о ствол дéрева и свéсив нóги. Вскóре задремáл и Синдбáд. Когдá он проснýлся, было светлó и сóлнце стоя́ло довóльно высокó. Синдбáд осторóжно наклонился и посмотрéл вниз. Хасáна на вéтке бóльше нé было. На травé, под дéревом, белéла егó чалмá и валя́лись стóптанные тýфли — всё, что остáлось от бéдного Хасáна.

«Егó тóже сожрáл э́тот ужáсный змей, — подýмал Синдбáд. — Видно, и на дéреве от негó не спрячешься».

Тепéрь Синдбáд был один на óстрове. Дóлго искáл

он какого-нибудь местечка, чтобы укрыться от змея, но на острове не было ни одной скалы или пещеры. Устав искать, Синдбад присел на земле у самого моря и стал думать, как бы ему спастись.

«Если я вырвался из рук людоеда, так неужели я дам себя съесть змею? — думал он. — Я человек, и у меня есть разум, который поможет мне перехитрить это чудовище».

Вдруг с моря плеснула огромная волна и выбросила на берег толстую корабельную доску. Синдбад увидел эту доску и сейчас же придумал, как ему спастись. Он схватил доску, подобрал на берегу ещё несколько досок поменьше и унёс их в лес. Выбрав доску подходящего размера, Синдбад привязал её к своим ногам большим куском пальмового лыка. Такую же доску он привязал к голове, а две другие — к телу, справа и слёва, так что оказался как будто в ящике. А потом он лёг на землю и стал ждать.

Скоро послышался треск хвороста и громкое шипение. Змей почуял запах человека и разыскал свою добычу. Из-за деревьев показалась его длинная голова, на которой светились, как факелы, два больших глаза. Он подполз к Синдбаду и широко разинул пасть, высовывая длинный раздвоенный язык.

Он удивлённо осмотрел ящик, из которого так вкусно пахло человеком, и попробовал захватить его и разгрызть зубами, но крепкое дерево не поддавалось.

Змей обошёл Синдбада со всех сторон, пытаясь сорвать с него деревянный щит. Щит оказался слишком крепким, и змей только обломал себе зубы. В ярости он стал бить хвостом по доскам. Доски задрожали, но выдержали. Долго трудился змей, но так и не добрался до Синдбада. Наконец он выбился из сил и уполз обратно в лес, шипя и разбрасывая хвостом сухие листья.

Синдбад быстро отвязал доски и вскочил на ноги.

— Лежать между досками очень неудобно, но

е́сли змей застигнет меня беззащи́тным, он меня́ со-жрёт, — сказа́л себе́ Синдба́д. — На́до бежа́ть с о́ст-рова. Пусть лу́чше я утону́ в мо́ре, чем поги́бну в па́сти змея, как Ахме́д и Хаса́н.

И Синдба́д реши́л опя́ть смастери́ть себе́ плот. Он верну́лся к мо́рю и на́чал собира́ть до́ски. Вдруг он уви́дел неподалёку па́рус корабля́. Кора́бль всё при-ближа́лся, попу́тный ве́тер гнал его́ к берега́м о́стро-ва. Синдба́д сорва́л с себя́ руба́шку и принялся́ бе́-гать по бе́регу, разма́хивая е́ю. Он маха́л рука́ми, крича́л и вся́чески стара́лся обрати́ть на себя́ внима́-ние. Наконе́ц матро́сы заме́тили его́, и капита́н при-каза́л останови́ть кора́бль. Синдба́д бро́сился в во́ду и в не́сколько взма́хов дости́г корабля́. По паруса́м и по оде́жде матро́сов он узна́л, что кора́бль принад-лежи́т его́ земляка́м. Действи́тельно, э́то был ара́б-ский кора́бль. Капита́н корабля́ мно́го слы́шал расска́-зов про о́стров, где живёт стра́шный змей, но никогда́ не слыха́л, что́бы кто́-нибудь от него́ спа́сся.

Матро́сы ла́сково встре́тили Синдба́да, накорми́-ли и оде́ли его́. Капита́н приказа́л подня́ть паруса́, и кора́бль помча́лся да́льше.

До́лго плыл он по́ морю и наконе́ц доплы́л до ка-ко́й-то земли́. Капита́н останови́л кора́бль у при́стани, и все пу́тники вы́шли на бе́рег продава́ть и выме́ни-вать свои́ това́ры. То́лько у Синдба́да ничего́ не́ бы-ло. Гру́стный и печа́льный, оста́лся он на корабле́. Ско́ро капита́н подозва́л его́ к себе́ и сказа́л:

— Я хочу́ сде́лать до́брое де́ло и помо́чь тебе́. С на́ми был оди́н путеше́ственник, кото́рого мы по-теря́ли, и я не зна́ю, у́мер он и́ли жив. А това́ры его́ так и лежа́т в трю́ме. Возьми́ их и прода́й на ры́нке, и я дам тебе́ что́-нибудь за труды́. А то, что не уда́-стся прода́ть, мы отвезём в Багда́д и отдади́м его́ ро́дственникам.

— Охо́тно сде́лаю э́то, — сказа́л Синдба́д.

И капита́н приказа́л матро́сам вы́нести това́ры из трю́ма.

Когда́ вы́грузили после́дний тюк, корабе́льный писе́ц спроси́л капита́на:

— Что э́то за това́ры и как зову́т их хозя́ина? На чьё и́мя их записа́ть?

— Запиши́ на и́мя Синдба́да-Морехо́да, кото́рый плыл с на́ми на корабле́ и пропа́л, — отве́тил капита́н.

Услы́шав э́то, Синдба́д едва́ не лиши́лся чувств от удивле́ния и ра́дости.

— О господи́н, — спроси́л он капита́на, — зна́ешь ли ты того́ челове́ка, чьи това́ры ты приказа́л мне прода́ть?

— Это был челове́к из го́рода Багда́да по и́мени Синдба́д-Морехо́д, — отвеча́л капита́н.

— Это я Синдба́д-Морехо́д! — закрича́л Синдба́д. — Я не пропа́л, а засну́л на берегу́, а ты не дожда́лся меня́ и уплы́л. Это бы́ло в моё про́шлое путеше́ствие, когда́ пти́ца Рухх принесла́ меня́ в доли́ну алма́зов.

Матро́сы услы́шали слова́ Синдба́да и толпо́й обступи́ли его́. Не́которые ему́ ве́рили, други́е называ́ли его́ лжецо́м. И вдруг подошёл к капита́ну оди́н купе́ц, кото́рый то́же плыл на э́том корабле́, и сказа́л:

— По́мнишь, я тебе́ расска́зывал, как я был на алма́зной горе́ и бро́сил в доли́ну кусо́к мя́са, и к мя́су прицепи́лся како́й-то челове́к, и орёл принёс его́ на́ гору вме́сте с мя́сом? Ты мне не пове́рил и сказа́л, что я лгу. Вот челове́к, кото́рый привяза́лся тюрба́ном к моему́ куску́ мя́са. Он подари́л мне таки́е алма́зы, лу́чше кото́рых не быва́ет, и сказа́л, что его́ зову́т Синдба́д-Морехо́д.

Тут капита́н о́бнял Синдба́да и сказа́л ему́:

— Возьми́ свои́ това́ры. Тепе́рь я ве́рю, что ты Синдба́д-Морехо́д. Прода́й их поскоре́й, пока́ на ры́нке не ко́нчилась торго́вля.

Синдба́д про́дал свои́ това́ры с большо́й при́былью и верну́лся в Багда́д на э́том же корабле́. Он был

о́чень дово́лен, что возврати́лся домо́й, и твёрдо реши́л никогда́ бо́льше не пуска́ться в путеше́ствия.

Так око́нчилось тре́тье путеше́ствие Синдба́да.

Четвёртое путешествие

Но прошло́ немно́го вре́мени, и Синдба́ду опя́ть захоте́лось побыва́ть в чужи́х стра́нах. Он купи́л са́мых дороги́х това́ров, отпра́вился в Ба́сру, на́нял хоро́ший кора́бль и поплы́л в сто́рону Индии.

Пе́рвые дни всё шло благополу́чно, но одна́жды под у́тро подняла́сь бу́ря. Кора́бль Синдба́да ста́ло кида́ть по волна́м, как ще́пку. Капита́н веле́л бро́сить я́корь в ме́лком ме́сте, что́бы перežда́ть бу́рю. Но не успе́л кора́бль останови́ться, как я́корные це́пи ло́пнули, и кора́бль понесло́ пря́мо на бе́рег. Паруса́ на корабле́ порвали́сь, во́лны за́лили па́лубу и унесли́ всех купцо́в и матро́сов в мо́ре.

Несча́стные путеше́ственники, то́чно ка́мни, пошли́ ко дну. То́лько Синдба́д и ещё не́сколько купцо́в схвати́лись за обло́мок доски́ и удержа́лись на пове́рхности мо́ря.

Це́лый день и це́лую ночь носи́лись они́ по́ морю, а у́тром во́лны вы́бросили их на скали́стый бе́рег.

Еле живы́е лежа́ли пу́тники на земле́. То́лько когда́ прошёл день, а за ним ночь, они́ немно́го опо́мнились.

Дрожа́ от хо́лода, Синдба́д и его́ друзья́ пошли́ по бе́регу, наде́ясь, что встре́тят люде́й, кото́рые их приютя́т и нако́рмят. До́лго шли они́ и наконе́ц увида́ли вдалеке́ высо́кую постро́йку, похо́жую на дворе́ц. Синдба́д о́чень обра́довался и пошёл быстре́е. Но едва́ пу́тники прибли́зились к э́той постро́йке, их окружи́ла толпа́ люде́й. Эти лю́ди схвати́ли их и отвели́ к своему́ царю́, а царь зна́ком приказа́л им сесть. Когда́ они́ се́ли, перед ни́ми поста́вили ми́ски с каки́м-

то дико́винным ку́шаньем. Ни Синдба́д, ни его́ прия́тели-купцы́ никогда́ тако́го не е́ли. Спу́тники Синдба́да с жа́дностью набро́сились на ку́шанье и съе́ли всё, что бы́ло в ми́сках. Оди́н Синдба́д почти́ не притро́нулся к ку́шанью, а то́лько попро́бовал его́.

А царь э́того го́рода был людое́д. Его́ приближённые лови́ли всех чужезе́мцев, кото́рые заходи́ли в их страну́, и корми́ли их э́тим ку́шаньем. Вся́кий, кто ел его́, постепе́нно теря́л ра́зум и станови́лся похо́ж на живо́тное. Откорми́в чужезе́мца, приближённые царя́ убива́ли его́, жа́рили и съеда́ли. А царь ел люде́й пря́мо сыры́ми.

Прия́телей Синдба́да то́же ждала́ така́я у́часть. Ка́ждый день они́ е́ли помно́гу э́того ку́шанья, и всё те́ло у них заплы́ло жи́ром. Они́ переста́ли понима́ть, что с ни́ми де́лается, — то́лько е́ли и спа́ли. Их о́тдали пастуху́, то́чно свине́й; ка́ждый день пасту́х выгоня́л их за́ город и корми́л из больши́х коры́т.

Синдба́д не ел э́того ку́шанья, а друго́го ему́ не дава́ли. Он подбира́л на луга́х коре́нья и я́годы и кое-ка́к пита́лся и́ми. Всё его́ те́ло вы́сохло, он ослабе́л и е́ле держа́лся на нога́х. Ви́дя, что Синдба́д тако́й сла́бый и то́щий, приближённые царя́ реши́ли, что его́ не на́до стере́чь — всё равно́ не убежи́т, — и ско́ро забы́ли о нём.

А Синдба́д то́лько и мечта́л, как бы вы́рваться от людое́дов. Одна́жды у́тром, когда́ все ещё спа́ли, он вы́шел из воро́т дворца́ и пошёл куда́ глаза́ глядя́т. Ско́ро он пришёл на зелёный луг и уви́дел челове́ка, кото́рый сиде́л на большо́м ка́мне. Э́то был пасту́х. Он то́лько что пригна́л купцо́в, прия́телей Синдба́да, из го́рода и поста́вил перед ни́ми коры́то с ко́рмом. Уви́дев Синдба́да, пасту́х сра́зу по́нял, что Синдба́д здоро́в и владе́ет свои́м умо́м. Он сде́лал ему́ знак руко́й: «Подойди́ сюда́!» — и, когда́ Синдба́д прибли́зился, сказа́л ему́:

— Иди́ по э́той тропи́нке, а когда́ дойдёшь до перекрёстка, сверни́ напра́во и вы́йдешь на султа́нскую

доро́гу. Она́ вы́ведет тебя́ из земли́ на́шего царя́, и ты, мо́жет быть, доберёшься до твое́й ро́дины.

Синдба́д поблагодари́л пастуха́ и пошёл. Он стара́лся идти́ как мо́жно быстре́е и ско́ро уви́дел спра́ва от себя́ дорогу́. Семь дней и семь ноче́й шёл Синдба́д по э́той доро́ге, пита́ясь коре́ньями и я́годами. Наконе́ц на восьмо́й день у́тром он уви́дел невдалеке́ от себя́ толпу́ люде́й и подошёл к ним. Лю́ди обступи́ли его́ и ста́ли расспра́шивать, кто он и отку́да пришёл. Синдба́д рассказа́л им обо всём, что с ним случи́лось, и его́ отвели́ к царю́ той страны́. Царь веле́л накорми́ть Синдба́да и то́же спроси́л его́, отку́да он ро́дом и что с ним произошло́. Когда́ Синдба́д рассказа́л царю́ о свои́х приключе́ниях, царь о́чень удиви́лся и воскли́кнул:

— Я в жи́зни не слы́шал исто́рии удиви́тельней! Добро́ пожа́ловать, чужезе́мец! Остава́йся жить в моём го́роде.

Синдба́д оста́лся в го́роде э́того царя́, кото́рого зва́ли Тайга́мус. Царь о́чень полюби́л Синдба́да и ско́ро так привы́к к нему́, что не отпуска́л его́ от себя́ ни на мину́ту. Он ока́зывал Синдба́ду вся́кие ми́лости и исполня́л все его́ жела́ния.

И вот одна́жды по́сле обе́да, когда́ все приближённые царя́, кро́ме Синдба́да, разошли́сь по дома́м, царь Тайга́мус сказа́л Синдба́ду:

— О Синдба́д, ты стал для меня́ доро́же всех мои́х приближённых, и я не могу́ расста́ться с тобо́й. У меня́ есть к тебе́ больша́я про́сьба. Обеща́й мне, что испо́лнишь её.

— Говори́, кака́я у тебя́ про́сьба, — отве́тил Синдба́д. — Ты был добр ко мне, и я не могу́ тебя́ ослу́шаться.

— Оста́нься у нас навсегда́, — сказа́л царь. — Я найду́ тебе́ хоро́шую жену́, и тебе́ бу́дет в моём го́роде не ху́же, чем в Багда́де.

Услы́шав слова́ царя́, Синдба́д о́чень огорчи́лся. Он всё ещё наде́ялся верну́ться когда́-нибудь в Баг-

да́д, а тепе́рь наде́жду приходи́лось оста́вить. Ведь не мог же Синдба́д отказа́ть царю́!

— Пусть бу́дет по-тво́ему, о царь, — сказа́л он.— Я оста́нусь здесь навсегда́.

Царь то́тчас же веле́л отвести́ Синдба́ду помеще́ние во дворце́ и жени́л его́ на до́чери своего́ визи́ря.

Ещё не́сколько лет про́жил Синдба́д в го́роде царя́ Тайга́муса и стал понемно́гу забыва́ть Багда́д. У него́ завели́сь друзья́ и среди́ жи́телей го́рода, все его́ люби́ли и уважа́ли.

И вот одна́жды ра́нним у́тром к нему́ вошёл оди́н из его́ прия́телей по и́мени Абу́-Мансу́р. Оде́жда на нём была́ разо́рвана и тюрба́н съе́хал на́бок; он лома́л себе́ ру́ки и го́рько рыда́л.

— Что с тобо́й, Абу́-Мансу́р? — спроси́л Синдба́д.

— Сего́дня но́чью у меня́ умерла́ жена́, — отве́тил его́ прия́тель.

Синдба́д принялся́ его́ утеша́ть, но Абу́-Мансу́р продолжа́л го́рько пла́кать, ударя́я себя́ рука́ми в грудь.

— О Абу́-Мансу́р, — сказа́л Синдба́д, — что по́льзы так убива́ться? Пройдёт вре́мя, и ты уте́шишься. Ты ведь ещё молодо́й и до́лго проживёшь.

И вдруг Абу́-Мансу́р запла́кал ещё сильне́е и воскли́кнул:

— Как э́то ты говори́шь, что я до́лго проживу́, когда́ мне оста́лось жить всего́ оди́н день! За́втра ты лиши́шься меня́ и никогда́ бо́льше меня́ не уви́дишь.

— Почему́? — спроси́л Синдба́д. — Ты ведь здоро́в, и тебе́ не грози́т смерть.

— За́втра похоро́нят мою́ жену́, и меня́ то́же опу́стят с не́ю в моги́лу, — сказа́л Абу́-Мансу́р. — В на́шей стране́ тако́й обы́чай: когда́ умира́ет же́нщина, её му́жа хоро́нят живы́м вме́сте с не́ю, а когда́ умира́ет мужчи́на, с ним вме́сте хоро́нят его́ жену́.

«Это о́чень скве́рный обы́чай, — поду́мал Синд-

ба́д. — Хорошо́, что я чужезе́мец и меня́ не похоро́нят живы́м».

Он постара́лся, как мог, уте́шить Абу́-Мансу́ра и обеща́л, что попро́сит царя́ изба́вить его́ от тако́й стра́шной сме́рти. Но когда́ Синдба́д пришёл к царю́ и вы́сказал ему́ свою́ про́сьбу, царь покача́л голово́й и сказа́л:

— Проси́ о чём хо́чешь, Синдба́д, но то́лько не об э́том. Я не могу́ нару́шить обы́чай мои́х пре́дков. За́втра твоего́ прия́теля опу́стят в моги́лу.

— О царь, — спроси́л Синдба́д, — а е́сли умрёт жена́ у чужезе́мца, её му́жа то́же похоро́нят вме́сте с не́ю?

— Да, — отве́тил царь. — Но не беспоко́йся за себя́. Твоя́ жена́ ещё сли́шком молода́ и, наве́рно, не умрёт ра́ньше тебя́.

Когда́ Синдба́д услы́шал э́ти слова́, он о́чень огорчи́лся и испуга́лся. Печа́льный, верну́лся он к себе́ и с э́тих пор всё вре́мя ду́мал об одно́м — как бы его́ жена́ не заболе́ла смерте́льной боле́знью. Прошло́ немно́го вре́мени, и то, чего́ он боя́лся, случи́лось. Его́ жена́ тяжело́ занемогла́ и че́рез не́сколько дней сконча́лась.

Царь и все жи́тели го́рода пришли́, по обы́чаю, утеша́ть Синдба́да. На его́ жену́ наде́ли её лу́чшие драгоце́нности, положи́ли её те́ло наноси́лки и понесли́ к высо́кой горе́, находи́вшейся недалеко́ от го́рода. На верши́не горы́ была́ вы́рыта глубо́кая я́ма, прикры́тая тяжёлым ка́мнем. Носи́лки с те́лом жены́ Синдба́да обвяза́ли верёвками и, подня́в ка́мень, опусти́ли в моги́лу. А пото́м царь Тайга́мус и друзья́ Синдба́да подошли́ к нему́ и на́чали с ним проща́ться. Бе́дный Синдба́д по́нял, что пришёл час его́ сме́рти. Он бро́сился бежа́ть с кри́ком:

— Я чужезе́мец и не до́лжен подчиня́ться ва́шим обы́чаям! Я не хочу́ умере́ть в э́той я́ме!

Но как ни отбива́лся Синдба́д, его́ всё-таки привели́ к стра́шной я́ме. Ему́ да́ли с собо́й кувши́н воды́

и семь хлебных лепёшек и, обвяза́в верёвками, опусти́ли в я́му. А пото́м я́му завали́ли ка́мнем, и царь и и все, кто был с ним, ушли́ обра́тно в го́род.

Бе́дный Синдба́д очути́лся в моги́ле, среди́ мертвецо́в. Снача́ла он ничего́ не ви́дел, но когда́ его́ глаза́ привы́кли к темноте́, он заме́тил, что в моги́лу прохо́дит све́рху сла́бый свет. Ка́мень, закрыва́вший вход в моги́лу, непло́тно прилега́л к её края́м, и то́ненький луч со́лнца пробива́лся в пеще́ру.

Вся пеще́ра была́ полна́ мертвецо́в — мужчи́н и же́нщин. На них бы́ли наде́ты их лу́чшие пла́тья и драгоце́нности. Отча́яние и го́ре охвати́ли Синдба́да.

«Тепе́рь-то уже́ мне не спасти́сь, — поду́мал он.— Из э́той моги́лы никому́ не вы́йти».

Че́рез не́сколько часо́в со́лнечный луч, освеща́вший пеще́ру, пога́с, и вокру́г Синдба́да ста́ло совсе́м темно́. Синдба́д был о́чень го́лоден. Он съел лепёшку, напи́лся воды́ и усну́л пря́мо на земле́, среди́ мертвецо́в.

День, друго́й, а за ним и тре́тий провёл Синдба́д в стра́шной пеще́ре. Он стара́лся есть как мо́жно ме́ньше, что́бы еды́ хвати́ло на бо́лее до́лгий срок, но на тре́тий день ве́чером он проглоти́л после́дний кусо́к лепёшки и запи́л её после́дним глотко́м воды́. Тепе́рь ему́ остава́лось то́лько ждать сме́рти.

Синдба́д расстели́л на земле́ свой плащ и лёг. Всю ночь пролежа́л он без сна, вспомина́я родно́й Багда́д, друзе́й и прия́телей. То́лько под у́тро его́ глаза́ закры́лись, и он усну́л.

Просну́лся он от сла́бого шо́роха: кто́-то с ворча́ньем и фы́рканьем скрёб когтя́ми ка́менные сте́ны пеще́ры. Синдба́д вскочи́л на́ ноги и пошёл по направле́нию шу́ма. Кто́-то пробежа́л ми́мо него́, стуча́ ла́пами.

«Это, ве́рно, како́й-нибудь ди́кий зверь, — поду́мал Синдба́д.— Почу́яв челове́ка, он испуга́лся и убежа́л. Но как же он попа́л в пеще́ру?»

Синдба́д бро́сился сле́дом за зве́рем и вско́ре уви-

дел вдалеке́ свет, кото́рый станови́лся тем я́рче, чем бли́же Синдба́д подходи́л к нему́. Ско́ро Синдба́д оказа́лся перед больши́м отве́рстием. Синдба́д вы́шел че́рез отве́рстие нару́жу и оказа́лся на скло́не горы́. Морски́е во́лны с рёвом разбива́лись о её подно́жие.

Ра́достно ста́ло у Синдба́да на душе́, сно́ва появи́лась у него́ наде́жда на спасе́ние.

«Ведь прохо́дят же ми́мо э́того ме́ста корабли́, — поду́мал он. — Мо́жет быть, како́е-нибудь су́дно подберёт меня́. А е́сли да́же я умру́ здесь, э́то бу́дет лу́чше, чем поги́бнуть в э́той пеще́ре, по́лной мертвецо́в».

Синдба́д посиде́л немно́го на ка́мне у вхо́да в пеще́ру, наслажда́ясь све́жим у́тренним во́здухом. Он принялся́ ду́мать о своём возвраще́нии в Багда́д, к друзья́м и прия́телям, и гру́стно ста́ло ему́, что он вернётся к ним, разорённый, без еди́ного дирхе́ма. И вдруг он хло́пнул себя́ руко́й по́ лбу и гро́мко сказа́л:

— Я печа́люсь о том, что верну́сь в Багда́д ни́щим, а недалеко́ от меня́ лежа́т таки́е бога́тства, каки́х нет в сокро́вищницах перси́дских царе́й! Пеще́ра полна́ мертвецо́в, мужчи́н и же́нщин, кото́рых опуска́ют в неё уже́ мно́го со́тен лет. И вме́сте с ни́ми опуска́ют в моги́лу их лу́чшие драгоце́нности. Эти драгоце́нности так и пропаду́т в пеще́ре без вся́кой по́льзы. Если я возьму́ себе́ часть их, никто́ не пострада́ет от э́того.

Синдба́д то́тчас же верну́лся в пеще́ру и стал собира́ть пе́рстни, ожере́лья, се́рьги и брасле́ты, разбро́санные по земле́. Он завяза́л всё э́то в свой плащ и вы́нес у́зел с драгоце́нностями из пеще́ры. Не́сколько дней провёл он на берегу́ мо́ря, пита́ясь траво́й, плода́ми, коре́ньями и я́годами, кото́рые он собира́л в лесу́ на скло́не горы́, и с утра́ до ве́чера смотре́л на́ море. Наконе́ц он уви́дел вдали́, на волна́х, кора́бль, кото́рый направля́лся в его́ сто́рону.

Ми́гом сорва́л Синдба́д с себя́ руба́шку, привяза́л её к то́лстой па́лке и принялся́ бе́гать по бе́регу,

размáхивая éю в вóздухе. Дозóрный, сидéвший на мáчте корабля́, замéтил егó знáки, и капитáн приказáл остановúть корáбль невдалекé от бéрега. Не дожидáясь, покá за ним пришлю́т лóдку, Синдбáд брóсился в вóду и в нéсколько взмáхов достúг корабля́. Спустя́ минýту он ужé стоя́л на пáлубе, окружённый матрóсами, и расскáзывал свою́ истóрию. От матрóсов он узнáл, что корáбль их идёт из Индии в Бáсру. Капитáн охóтно согласúлся довезтú Синдбáда до э́того гóрода и взял у негó в уплáту тóлько одúн драгоцéнный кáмень, прáвда сáмый большóй.

Чéрез мéсяц путú корáбль благополýчно достúг Бáсры. Оттýда Синдбáд-Мореxóд отпрáвился в Багдáд. Он сложúл в кладовýю драгоцéнности, котóрые привёз с собóй, и опя́ть зáжил в своём дóме, счастлúвый и рáдостный.

Так окóнчилось четвёртое путешéствие Синдбáда.

Пятое путешествие

Прошлó немнóго врéмени, и снóва наскýчило Синдбáду жить в своём прекрáсном дóме в Гóроде Мúра. Кто хоть раз плáвал пó морю, кто привы́к засыпáть под вой и свист вéтра, томý не сидúтся на твёрдой землé.

И вот однáжды пришлóсь емý поéхать по делáм в Бáсру, откýда он не раз начинáл свои́ путешéствия. Он опя́ть увúдел э́тот богáтый весёлый гóрод, где нéбо всегдá такóе сúнее и сóлнце свéтит так я́рко, увúдел кораблú с высóкими мáчтами и разноцвéтными парусáми, услы́шал крúки матрóсов, выгружáвших из трю́мов дикóвинные замóрские товáры, и емý до тогó захотéлось путешéствовать, что он немéдля решúл собирáться в путь.

Чéрез дéсять дней Синдбáд ужé плыл пó морю на большóм, крéпком кораблé, нагрýженном товáрами. С ним бы́ло ещё нéсколько купцóв, а вёл корáбль

ста́рый о́пытный капита́н с большо́й кома́ндой матро́сов.

Два дня и две но́чи плыл кора́бль Синдба́да в откры́том мо́ре, а на тре́тий день, когда́ со́лнце стоя́ло как раз над голова́ми пу́тников, вдали́ показа́лся небольшо́й скали́стый о́стров. Капита́н приказа́л напра́виться к э́тому о́строву, и, когда́ кора́бль прибли́зился к его́ берега́м, все уви́дели, что посреди́ о́строва возвыша́ется огро́мный ку́пол, бе́лый и сверка́ющий, с о́строй верху́шкой. Синдба́д в э́то вре́мя спал на па́лубе в тени́ па́руса.

— Эй, капита́н! Останови́ кора́бль! — закрича́ли спу́тники Синдба́да.

Капита́н веле́л бро́сить я́корь, и все купцы́ и матро́сы вы́скочили на бе́рег. Когда́ кора́бль стал на я́корь, толчо́к разбуди́л Синдба́да, и он вы́шел на середи́ну па́лубы, что́бы посмотре́ть, почему́ останови́лся кора́бль. И вдруг он уви́дел, что все купцы́ и матро́сы стоя́т вокру́г огро́много бе́лого ку́пола и стара́ются проби́ть его́ лома́ми и крю́чьями.

— Не де́лайте э́того! Вы поги́бнете! — кри́кнул Синдба́д.

Он сра́зу по́нял, что э́тот ку́пол — яйцо́ пти́цы Рухх, тако́е же, как то, кото́рое он ви́дел в пе́рвое путеше́ствие. Если пти́ца Рухх прилети́т и уви́дит, что его́ разби́ли, всем матро́сам и купца́м не минова́ть сме́рти.

Но това́рищи Синдба́да не послу́шались его́ и ста́ли ещё сильне́е бить по яйцу́. Наконе́ц скорлупа́ тре́снула. Из яйца́ полила́сь вода́. Пото́м из него́ показа́лся дли́нный клюв, за ним — голова́ и ла́пы: в яйце́ был птене́ц. Если б яйцо́ не разби́ли, он, наве́рно, ско́ро бы вы́лупился.

Матро́сы схвати́ли птенца́, зажа́рили его́ и приняли́сь есть. То́лько Синдба́д не притро́нулся к его́ мя́су. Он бе́гал вокру́г свои́х това́рищей и крича́л:

— Конча́йте скоре́й, а то прилети́т Рухх и убьёт вас!

И вдруг в во́здухе послы́шался гро́мкий свист и оглуши́тельное хло́панье кры́льев. Купцы́ посмотре́ли вверх и ки́нулись к кораблю́. Пря́мо над их голова́ми лете́ла пти́ца Рухх. В когтя́х у неё извива́лись две огро́мные змеи́. Увидев, что её яйцо́ разби́то, пти́ца Рухх так закрича́ла, что лю́ди попа́дали от стра́ха на зе́млю и уткну́лись голова́ми в песо́к. Пти́ца вы́пустила свою́ добы́чу из когте́й, покружи́ла в во́здухе и скры́лась и́з виду. Купцы́ и матро́сы подняли́сь на́ ноги и побежа́ли к мо́рю. Они́ по́дняли я́корь, распусти́ли паруса́ и поплы́ли как мо́жно быстре́е, что́бы спасти́сь от стра́шной пти́цы Рухх.

Чудо́вищной пти́цы не́ было ви́дно, и пу́тники на́чали бы́ло уже́ успока́иваться, но вдруг опя́ть послы́шалось хло́панье кры́льев, и вдали́ показа́лась пти́ца Рухх, но уже́ не одна́. С ней лете́ла друга́я така́я же пти́ца, ещё бо́льше и страшне́й пе́рвой. Это был Рухх-саме́ц. Ка́ждая пти́ца несла́ в когтя́х огро́мный ка́мень — це́лую скалу́.

Това́рищи Синдба́да забе́гали по па́лубе, не зна́я, куда́ укры́ться от разъярённых птиц. Не́которые легли́ на па́лубу, други́е спря́тались за ма́чты, а капита́н неподви́жно засты́л на ме́сте, подня́в ру́ки к не́бу. Он до того́ испуга́лся, что не мог шевельну́ться.

Вдруг разда́лся стра́шный уда́р, то́чно вы́стрел из са́мой большо́й пу́шки, и по́ морю заходи́ли во́лны. Это одна́ из птиц бро́сила ка́мень, но промахну́лась. Уви́дя э́то, второ́й Рухх гро́мко закрича́л и над са́мым кораблём вы́пустил из когте́й свой ка́мень. Ка́мень упа́л на корму́. Кора́бль жа́лобно затреща́л, накрени́лся, сно́ва вы́прямился, подбро́шенный волно́й, и стал тону́ть. Во́лны за́лили па́лубу и унесли́ всех купцо́в и матро́сов. Спа́сся оди́н Синдба́д. Он ухвати́лся за корабе́льную до́ску и, когда́ во́лны улегли́сь, взобра́лся на неё.

Два дня и три но́чи носи́лся Синдба́д по́ морю, и наконе́ц на тре́тий день во́лны прибили его́ к неве́домой земле́. Синдба́д вы́брался на бе́рег и огляде́лся.

Ему́ показа́лось, что он не на о́строве, среди́ мо́ря, а до́ма, в Багда́де, в своём чуде́сном саду́. Но́ги его ступа́ли по мя́гкой зелёной траве́, усе́янной пёстрыми цвета́ми. Ве́тки дере́вьев гну́лись от тя́жести плодо́в. Кру́глые сверка́ющие апельси́ны, души́стые лимо́ны, грана́ты, гру́ши, я́блоки как бу́дто са́ми проси́лись в рот. Ма́ленькие пёстрые пти́цы с гро́мким щебета́ньем кружи́лись в во́здухе. По́дле бы́стрых, блестя́щих, как серебро́, ручьёв пры́гали и игра́ли газе́ли. Они́ не испуга́лись Синдба́да, потому́ что никогда́ не ви́дели люде́й и не зна́ли, что их ну́жно боя́ться.

Синдба́д так уста́л, что е́ле стоя́л на нога́х. Он напи́лся воды́ из ручья́, лёг под де́рево и сорва́л с ве́тки большо́е я́блоко, но не успе́л да́же откуси́ть от него́ ни кусо́чка, а так и засну́л, держа́ я́блоко в руке́.

Когда́ он просну́лся, со́лнце опя́ть стоя́ло высоко́ и пти́цы так же ве́село щебета́ли на дере́вьях: Синдба́д проспа́л весь день и всю ночь. То́лько тепе́рь он почу́вствовал, как ему́ хо́чется есть, и с жа́дностью набро́сился на плоды́.

Подкрепи́вшись немно́го, он подня́лся и пошёл по бе́регу. Ему́ хоте́лось осмотре́ть э́ту чуде́сную зе́млю, и он наде́ялся встре́тить люде́й, кото́рые приведу́т его́ в како́й-нибудь го́род.

До́лго гуля́л Синдба́д по бе́регу, но не уви́дел ни одного́ челове́ка. Наконе́ц он реши́л немно́го отдохну́ть и сверну́л в небольшо́й лесо́к, где бы́ло прохла́днее.

И вдруг он ви́дит — под де́ревом, у ручья́, сиди́т ма́ленький челове́к с дли́нной волни́стой седо́й бородо́й, оде́тый в руба́ху из ли́стьев и подпоя́санный траво́й. Этот старичо́к сиде́л у са́мой воды́, поджа́в но́ги, и жа́лобно смотре́л на Синдба́да.

— Мир тебе́, о стари́к! — сказа́л Синдба́д. — Кто ты и что э́то за о́стров? Почему́ ты сиди́шь оди́н у э́того ручья́?

Стари́к не отве́тил Синдба́ду ни одного́ сло́ва, но показа́л ему́ зна́ками: «Перенеси́ меня́ че́рез руче́й».

Синдба́д поду́мал: «Если я перенесу́ его́ че́рез ручей, мне не бу́дет от э́того ничего́ плохо́го, а сде́лать до́брое де́ло никогда́ не меша́ет. Мо́жет быть, стари́к мне пока́жет, как найти́ на о́строве люде́й, кото́рые помо́гут мне добра́ться до Багда́да».

И он подошёл к старику́, посади́л его́ себе́ на пле́чи и перенёс че́рез руче́й.

На друго́м берегу́ Синдба́д опусти́лся на коле́ни и сказа́л старику́:

— Слеза́й, мы уже́ пришли́.

Но стари́к то́лько кре́пче уцепи́лся за него́ и обхвати́л нога́ми его́ ше́ю.

— До́лго ты ещё бу́дешь сиде́ть у меня́ на плеча́х, скве́рный стари́к? — закрича́л Синдба́д и хоте́л сбро́сить старика́ на зе́млю.

И вдруг стари́к гро́мко засмея́лся и так сжал нога́ми ше́ю Синдба́да, что тот чуть не задохну́лся.

— Го́ре мне! — воскли́кнул Синдба́д. — Я убежа́л от людое́да, перехитри́л змея́ и заста́вил Ру́хха нести́ себя́, а тепе́рь мне самому́ придётся носи́ть э́того скве́рного старика́! Пусть то́лько он заснёт, я сейча́с же утоплю́ его́ в мо́ре! А до ве́чера недо́лго ждать.

Но наступи́л ве́чер, а стари́к и не ду́мал слеза́ть с ше́и Синдба́да. Он так и засну́л у него́ на плеча́х и то́лько немно́го разжа́л но́ги. А когда́ Синдба́д попро́бовал тихо́нько спихну́ть его́ со свое́й спины́, стари́к заворча́л во сне и бо́льно уда́рил Синдба́да пя́тками. Но́ги бы́ли у него́ то́нкие и дли́нные, как пле́ти.

И преврати́лся несча́стный Синдба́д в вью́чного верблю́да.

Це́лыми дня́ми приходи́лось ему́ бе́гать со старико́м на спине́ от одного́ де́рева к друго́му и от ручья́ к ручью́. Если он шёл ти́ше, стари́к жесто́ко бил его́ пя́тками по бока́м и сжима́л ему́ коле́нями ше́ю.

Так прошло́ мно́го вре́мени — ме́сяц и́ли бо́льше. И вот одна́жды в по́лдень, когда́ со́лнце осо́бенно си́льно пекло́, стари́к кре́пко засну́л на плеча́х Синдба́да, и Синдба́д реши́л отдохну́ть где́-нибудь под де-

ревом. Он стал искáть тени́стого мéста и вы́шел на поля́нку, на котóрой рослó мнóго больши́х тыкв; нéкоторые из них бы́ли сухи́е. Синдбáд óчень обрáдовался, когдá уви́дел ты́квы.

«Они́ мне, навéрно, пригодя́тся, — подýмал он. — Мóжет быть, они́ дáже помóгут мне сбрóсить с себя́ э́того жестóкого старикá».

Он сейчáс же вы́брал нéсколько тыкв побóльше и вы́долбил их óстрой пáлочкой. Потóм он набрáл сáмого спéлого виногрáда, напóлнил им ты́квы и плóтно закýпорил их ли́стьями. Он вы́ставил ты́квы на сóлнце и ушёл с поля́нки, тащá на себé старикá. Три дня не возвращáлся он на поля́нку. На четвёртый день Синдбáд снóва пришёл к свои́м ты́квам (стари́к, как и в тот раз, спал у негó на плечáх) и вы́нул прóбки, котóрыми заткнýл ты́квы. В нос емý удáрил крéпкий зáпах: виногрáд стал броди́ть и егó сок преврати́лся в винó. Этого тóлько и нýжно бы́ло Синдбáду. Он осторóжно вы́нул виногрáд и вы́жал из негó сок пря́мо в ты́квы, а потóм снóва закýпорил их и постáвил в тень. Тепéрь нáдо бы́ло подождáть, когдá проснётся стари́к.

Никогдá Синдбáду так не хотéлось, чтóбы он проснýлся поскорée. Наконéц стари́к нáчал ёрзать на плечáх Синдбáда и удáрил егó ногóй. Тогдá Синдбáд взял сáмую большýю ты́кву, откýпорил её и óтпил немнóго.

Винó бы́ло крéпкое и слáдкое. Синдбáд прищёлкнул языкóм от удовóльствия и нáчал пля́сать на однóм мéсте, встря́хивая старикá. А стари́к уви́дел, что Синдбáд напи́лся чегó-то вкýсного, и емý тóже захотéлось попрóбовать. «Дай и мне», — знáками показáл он Синдбáду.

Синдбáд пóдал емý ты́кву, и стари́к одни́м дýхом вы́пил из неё весь сок. Он никогдá рáньше не прóбовал винá, и онó емý óчень понрáвилось. Скóро он нáчал петь и смея́ться, захлóпал в ладóши и застучáл кулакóм по шéе Синдбáда.

Но вот старик стал петь всё тише и тише и наконец крепко заснул, свесив голову на грудь. Его ноги постепенно разжались, и Синдбад легко сбросил его со своей спины. До чего приятно показалось Синдбаду расправить наконец плечи и выпрямиться!

Синдбад ушёл от старика и целый день бродил по острову. Он прожил на острове ещё много дней и всё ходил вдоль берега моря, высматривая, не покажется ли где-нибудь парус. И наконец он увидел вдали большой корабль, который приближался к острову. Синдбад закричал от радости и принялся бегать взад и вперёд и махать руками, а когда корабль подошёл ближе, Синдбад бросился к воде и поплыл ему навстречу. Капитан корабля заметил Синдбада и велел остановить своё судно. Синдбад, как кошка, вскарабкался на борт и сначала не мог сказать ни одного слова, только обнимал капитана и матросов и плакал от радости. Матросы громко говорили между собой, но Синдбад не понимал их. Среди них не было ни одного араба, и никто из них не говорил по-арабски. Они накормили и одели Синдбада и дали ему место в своей каюте. И Синдбад ехал с ними много дней и ночей, пока корабль не пристал к какому-то городу.

Это был большой город с высокими белыми домами и широкими улицами. Со всех сторон его окружали крутые горы, поросшие густым лесом.

Синдбад вышел на берег и пошёл бродить по городу.

Улицы и площади были полны народу; все люди, которые попадались Синдбаду навстречу, были чернокожие, с белыми зубами и красными губами. На большой площади был главный городской рынок. Там стояло много лавок, в которых торговали, расхваливая свои товары, купцы из всех стран — персы, индийцы, франки [1], турки, китайцы.

Синдбад стоял посреди рынка и смотрел по сторо-

---

[1] Франками арабы называют европейцев.

на́м. И вдруг ми́мо него́ прошёл челове́к в хала́те, с больши́м бе́лым тюрба́ном на голове́ и останови́лся у ла́вки ме́дника. Синдба́д внима́тельно всмотре́лся в него́ и сказа́л себе́:

«У э́того челове́ка совсе́м тако́й же хала́т, как у моего́ прия́теля Хаджи́-Мухамме́да с Кра́сной у́лицы, и тюрба́н у него́ свёрнут по-на́шему. Пойду́ к нему́ и спрошу́, не из Багда́да ли он».

А челове́к в тюрба́не тем вре́менем вы́брал большо́й блестя́щий таз и кувши́н с дли́нным, у́зким го́рлышком, о́тдал за них ме́днику два золоты́х дина́ра и пошёл обра́тно. Когда́ он поравня́лся с Синдба́дом, тот ни́зко поклони́лся ему́ и сказа́л:

— Мир тебе́, о почте́нный купе́ц! Скажи́ мне, отку́да ты ро́дом — не из Багда́да ли, Го́рода Ми́ра?

— Приве́т тебе́, земля́к! — ра́достно отве́тил купе́ц. — По тому́, как ты говори́шь, я сра́зу узна́л, что ты багда́дец. Уже́ де́сять лет я живу́ в э́том го́роде и ни ра́зу до сего́ дня не слы́шал ара́бской ре́чи. Пойдём ко мне и поговори́м о Багда́де, о его́ сада́х и площадя́х.

Купе́ц кре́пко о́бнял Синдба́да и прижа́л его́ к груди́. Он повёл Синдба́да к себе́ домо́й, напои́л и накорми́л его́, и они́ до ве́чера проговори́ли о Багда́де и его́ дико́винах. Синдба́ду бы́ло так прия́тно вспомина́ть ро́дину, что он да́же не спроси́л багда́дца, как его́ зову́т и как называ́ется го́род, в кото́ром он тепе́рь нахо́дится. А когда́ ста́ло темне́ть, багда́дец сказа́л Синдба́ду:

— О земля́к, я хочу́ спасти́ тебе́ жизнь и сде́лать тебя́ бога́тым. Слу́шай же меня́ внима́тельно и де́лай всё, что я тебе́ скажу́. Знай, что э́тот го́род называ́ется Го́родом Чёрных и все жи́тели его́ — зи́нджи [1]. Они́ живу́т в свои́х дома́х то́лько днём, а ве́чером садя́тся в ло́дки и выезжа́ют в мо́ре. Как то́лько наступа́ет ночь, в го́род прихо́дят из ле́са обезья́ны и е́сли

[1] Зи́нджи — ара́бское назва́ние не́гров.

встреча́ют на у́лице люде́й, то убива́ют их. А у́тром обезья́ны сно́ва ухо́дят, и зи́нджи возвраща́ются. Ско́ро ста́нет совсе́м темно́, и обезья́ны приду́т в го́род. Сади́сь же со мной в ло́дку, и пое́дем, ина́че обезья́ны тебя́ убью́т.

— Спаси́бо тебе́, земля́к! — воскли́кнул Синдба́д. — Скажи́ мне, как твоё и́мя, что́бы я знал, кто оказа́л мне ми́лость.

— Меня́ зову́т Мансу́р Плосконо́сый, — отве́тил багда́дец. — Идём скоре́й, е́сли ты не хо́чешь попа́сть в ла́пы обезья́нам.

Синдба́д и Мансу́р вы́шли и́з дому и пошли́ к мо́рю. Все у́лицы бы́ли полны́ наро́ду. Мужчи́ны, же́нщины и де́ти бежа́ли к при́стани, торопя́сь, спотыка́ясь и па́дая.

Придя́ в га́вань, Мансу́р отвяза́л свою́ ло́дку и вскочи́л в неё вме́сте с Синдба́дом. Они отъе́хали немно́го от бе́рега, и Мансу́р сказа́л:

— Сейча́с в го́род войду́т обезья́ны. Смотри́!

И вдруг го́ры, окружа́вшие Го́род Чёрных, покры́лись дви́жущимися огонька́ми. Огоньки́ кати́лись све́рху вниз и станови́лись всё бо́льше и бо́льше. Наконе́ц они́ совсе́м прибли́зились к го́роду, и на большо́й пло́щади появи́лись обезья́ны, кото́рые несли́ в пере́дних ла́пах фа́келы, освеща́я путь.

Обезья́ны рассы́пались по ры́нку, се́ли в ла́вках и на́чали торгова́ть. Одни́ продава́ли, други́е покупа́ли. В харче́внях обезья́ны-повара́ жа́рили бара́нов, вари́ли рис и пекли́ хлеб. Покупа́тели, то́же обезья́ны, примеря́ли оде́жду, выбира́ли посу́ду, мате́рию, ссо́рились и драли́сь ме́жду собо́й. Так продолжа́лось до рассве́та; когда́ не́бо на восто́ке ста́ло светле́ть, обезья́ны постро́ились в ряды́ и ушли́ из го́рода, а жи́тели верну́лись в свои́ дома́.

Мансу́р Плосконо́сый привёл Синдба́да к себе́ домо́й и сказа́л ему́:

— Я уже́ до́лго живу́ в Го́роде Чёрных и стоскова́лся по ро́дине. Ско́ро мы с тобо́й отпра́вимся в Баг-

да́д, но снача́ла тебе́ ну́жно нажи́ть побо́льше де́нег, что́бы не сты́дно бы́ло верну́ться домо́й. Слу́шай же, что я тебе́ скажу́. Го́ры вокру́г Го́рода Чёрных покры́ты ле́сом. В э́том лесу́ мно́го пальм с прекра́сными кокосовыми оре́хами. Зи́нджи о́чень лю́бят э́ти оре́хи и гото́вы отда́ть за ка́ждый из них мно́го зо́лота и драгоце́нных камне́й. Но па́льмы в лесу́ таки́е высо́кие, что ни оди́н челове́к не мо́жет доста́ть оре́хи, и никто́ не зна́ет спо́соба, как их раздобы́ть. А я научу́ тебя́. За́втра мы пойдём в лес, и ты вернёшься отту́да богачо́м.

На сле́дующее у́тро, как то́лько обезья́ны ушли́ из го́рода, Мансу́р вы́нес из кладово́й два больши́х тяжёлых мешка́, взвали́л оди́н из них на пле́чи, а друго́й веле́л нести́ Синдба́ду и сказа́л:

— Ступа́й за мной и смотри́, что я бу́ду де́лать. Де́лай то же са́мое, и у тебя́ бу́дет бо́льше оре́хов, чем у кого́-либо из жи́телей э́того го́рода.

Синдба́д с Мансу́ром пошли́ в лес и шли о́чень до́лго, час и́ли два. Наконе́ц они́ останови́лись перед большо́й па́льмовой ро́щей. Здесь бы́ло мно́жество обезья́н. Уви́дев люде́й, они вскара́бкались на верху́шки дере́вьев, свире́по оска́лили зу́бы и гро́мко заворча́ли. Синдба́д снача́ла испуга́лся и хоте́л бежа́ть, но Мансу́р останови́л его́ и сказа́л:

— Развяжи́ твой мешо́к и посмотри́, что там есть.

Синдба́д развяза́л мешо́к и уви́дел, что он по́лон кру́глых, гла́дких ка́мешков — голыше́й. Мансу́р то́же развяза́л свой мешо́к, вы́нул из него́ горсть ка́мешков и бро́сил и́ми в обезья́н. Обезья́ны закрича́ли ещё гро́мче, приняли́сь пры́гать с одно́й па́льмы на другу́ю, стара́ясь укры́ться от камне́й. Но куда́ бы они́ ни убега́ли, ка́мни Мансу́ра везде́ достава́ли их. Тогда́ обезья́ны ста́ли срыва́ть с пальм оре́хи и броса́ть их в Синдба́да и Мансу́ра. Мансу́р с Синдба́дом бе́гали ме́жду па́льмами, ложи́лись, приседа́ли, пря́тались за ствола́ми, и то́лько оди́н и́ли два оре́ха, бро́шенных обезья́нами, попа́ли в цель.

Ско́ро вся земля́ вокру́г них покры́лась больши́ми, отбо́рными оре́хами. Когда́ в мешка́х не оста́лось бо́льше камне́й, Мансу́р и Синдба́д напо́лнили их оре́хами и верну́лись в го́род. Они́ про́дали оре́хи на ры́нке и получи́ли за них сто́лько зо́лота и драгоце́нностей, что едва́ принесли́ их домо́й.

На сле́дующий день они́ опя́ть пошли́ в лес и сно́ва набра́ли сто́лько же оре́хов. Так они́ ходи́ли в лес де́сять дней.

Наконе́ц, когда́ все кладовы́е в до́ме Мансу́ра бы́ли полны́ и зо́лото не́куда бы́ло класть, Мансу́р сказа́л Синдба́ду:

— Тепе́рь мы мо́жем наня́ть кора́бль и отпра́виться в Багда́д.

Они́ пошли́ к мо́рю, вы́брали са́мый большо́й кора́бль, напо́лнили его́ трюм зо́лотом и драгоце́нностями и поплы́ли. На э́тот раз ве́тер был попу́тный и никака́я беда́ не задержа́ла их.

Они́ при́были в Ба́сру, на́няли карава́н верблю́дов, навью́чили их драгоце́нностями и отпра́вились в Багда́д.

Жена́ и родны́е ра́достно встре́тили Синдба́да. Синдба́д ро́здал друзья́м и прия́телям мно́го зо́лота и драгоце́нных камне́й и споко́йно за́жил в своём до́ме. Сно́ва, как пре́жде, ста́ли приходи́ть к нему́ купцы́ и слу́шать расска́зы о том, что́ он ви́дел и испыта́л во вре́мя путеше́ствия.

Так око́нчилось пя́тое путеше́ствие Синдба́да.

Шестое путешествие

Но прошло́ немно́го вре́мени, и Синдба́ду сно́ва захоте́лось пое́хать в чужи́е стра́ны. Бы́стро собра́лся Синдба́д и пое́хал в Ба́сру. Опя́ть вы́брал он себе́ хоро́ший кора́бль, набра́л кома́нду матро́сов и пусти́лся в путь.

Два́дцать дней и два́дцать ноче́й плыл его́ кора́бль, подгоня́емый попу́тным ве́тром. А на два́дцать пе́рвый день подняла́сь бу́ря и пошёл си́льный дождь, от кото́рого промо́кли вью́ки с това́рами, сло́женные на па́лубе. Кора́бль на́чало броса́ть из стороны́ в сто́рону, как пёрышко. Синдба́д и его́ спу́тники о́чень испуга́лись. Они́ подошли́ к капита́ну и спро́сили его́:

— О капита́н, скажи́ нам, где мы нахо́димся и далеко́ ли земля́?

Капита́н корабля́ затяну́л по́яс поту́же, влез на ма́чту и посмотре́л во все сто́роны. И вдруг он бы́стро спусти́лся с ма́чты, сорва́л с себя́ тюрба́н и на́чал гро́мко крича́ть и пла́кать.

— О капита́н, в чём де́ло? — спроси́л его́ Синдба́д.

— Знай, — отве́тил капита́н, — что пришёл наш после́дний час. Ве́тер отогна́л наш кора́бль и забро́сил его́ в неве́домое мо́ре. Ко вся́кому кораблю́, кото́рый достига́ет э́того мо́ря, выхо́дит из воды́ ры́ба и глота́ет его́ со всем, что на нём есть.

Не успе́л он ещё договори́ть э́ти слова́, как кора́бль Синдба́да на́чал поднима́ться на волна́х и опуска́ться, и пу́тники услы́шали стра́шный рёв. И вдруг к кораблю́ подплыла́ ры́ба, подо́бная высо́кой горе́, а за ней друга́я, ещё бо́льше пе́рвой, и тре́тья — така́я огро́мная, что две други́е каза́лись перед ней кро́шечными, и Синдба́д переста́л понима́ть, что происхо́дит, и пригото́вился умере́ть.

И тре́тья ры́ба рази́нула пасть, что́бы проглоти́ть кора́бль и всех, кто был на нём, но вдруг подня́лся си́льный ве́тер, кора́бль по́дняло волно́й, и он понёсся вперёд. До́лго мча́лся кора́бль, подгоня́емый ве́тром, и наконе́ц налете́л на скали́стый бе́рег и разби́лся. Все матро́сы и купцы́ попа́дали в во́ду и утону́ли. То́лько Синдба́ду удало́сь зацепи́ться за скалу́, торча́вшую из воды́ у са́мого бе́рега, и вы́браться на су́шу.

Он осмотре́лся и уви́дел, что нахо́дится на о́строве, где бы́ло мно́го дере́вьев, птиц и цвето́в. До́лго броди́л Синдба́д по о́строву в по́исках пре́сной воды́ и наконе́ц уви́дел небольшо́й ручеёк, кото́рый тёк по поля́нке, заро́сшей густо́й траво́й. Синдба́д напи́лся воды́ из ручья́ и пое́л коре́ньев. Отдохну́в немно́го, он пошёл по тече́нию ручья́, и руче́й привёл его́ к большо́й реке́, бы́строй и бурли́вой. На берега́х реки́ росли́ высо́кие, разве́систые дере́вья — тек, ало́э и санда́л.

Синдба́д прилёг под де́ревом и кре́пко засну́л. Просну́вшись, он немно́го подкрепи́лся плода́ми и коре́ньями, пото́м подошёл к реке́ и стал на берегу́, гля́дя на её бы́строе тече́ние.

— У э́той реки́, — сказа́л он себе́, — должно́ быть нача́ло и коне́ц. Если я сде́лаю ма́ленький плот и поплыву́ на нём по реке́, вода́, мо́жет быть, принесёт меня́ к како́му-нибудь го́роду.

Он набра́л под дере́вьями то́лстых су́чьев и ве́ток и связа́л их, а све́рху положи́л не́сколько досо́к — обло́мков корабле́й, разби́вшихся у бе́рега. Таки́м о́бразом получи́лся отли́чный плот. Синдба́д столкну́л плот в реку́, стал на него́ и поплы́л. Тече́ние бы́стро несло́ плот, и вско́ре Синдба́д уви́дел перед собо́й высо́кую го́ру, в кото́рой вода́ проби́ла у́зкий прохо́д. Синдба́д хоте́л останови́ть плот и́ли поверну́ть его́ наза́д, но вода́ была́ сильне́е его́ и втяну́ла плот по́д гору. Снача́ла под горо́й бы́ло ещё светло́, но чем да́льше тече́ние несло́ плот, тем станови́лось темне́е. Наконе́ц наступи́л глубо́кий мрак. Вдруг Синдба́д бо́льно уда́рился голово́й о ка́мень. Прохо́д де́лался всё ни́же и тесне́е, и плот тёрся бока́ми о сте́ны горы́. Ско́ро Синдба́ду пришло́сь стать на коле́ни, пото́м на четвере́ньки: плот е́ле-е́ле дви́гался вперёд.

«А вдруг он остано́вится? — поду́мал Синдба́д. — Что я тогда́ бу́ду де́лать под э́той тёмной горо́й?»

Синдба́д не чу́вствовал, что тече́ние всё-таки толка́ло плот вперёд.

Он лёг на до́ски лицо́м вниз и закры́л глаза́, — ему́ каза́лось, что сте́ны горы́ вот-во́т разда́вят его́ вме́сте с его́ плото́м.

До́лго пролежа́л он так, ка́ждую мину́ту ожида́я сме́рти, и наконе́ц засну́л, ослабе́в от волне́ния и уста́лости.

Когда́ он просну́лся, бы́ло светло́ и плот стоя́л неподви́жно. Он был привя́зан к дли́нной па́лке, во́ткнутой в дно реки́ у са́мого бе́рега. А на берегу́ стоя́ла толпа́ люде́й. Они ука́зывали на Синдба́да па́льцами и гро́мко разгова́ривали ме́жду собо́й на како́м-то непоня́тном языке́.

Уви́дев, что Синдба́д просну́лся, лю́ди на берегу́ расступи́лись, и из толпы́ вы́шел высо́кий стари́к с дли́нной седо́й бородо́й, оде́тый в дорого́й хала́т. Он приве́тливо сказа́л что́-то Синдба́ду, протя́гивая ему́ ру́ку, но Синдба́д не́сколько раз покача́л голово́й в знак того́, что не понима́ет, и сказа́л:

— Что вы за лю́ди и как называ́ется ва́ша страна́?

Тут все на берегу́ закрича́ли: «Ара́б, ара́б!», и друго́й стари́к, оде́тый ещё наря́днее пе́рвого, подошёл почти́ к са́мой воде́ и сказа́л Синдба́ду на чи́стом ара́бском языке́:

— Мир тебе́, чужезе́мец! Кто ты бу́дешь и отку́да ты пришёл? По како́й причи́не ты при́был к нам и как нашёл доро́гу?

— А вы са́ми кто таки́е и что э́то за земля́?

— О брат мой, — отве́тил стари́к, — мы ми́рные землевладе́льцы. Мы пришли́ за водо́й, что́бы поли́ть на́ши посе́вы, и уви́дели, что ты спишь на плоту́, и тогда́ мы пойма́ли твой плот и привяза́ли его́ у на́шего бе́рега. Скажи́ мне, отку́да ты и заче́м ты к нам приплы́л?

— О господи́н, — отве́тил Синдба́д, — прошу́ тебя́, дай мне пое́сть и напои́ меня́, а пото́м спра́шивай о чём хо́чешь.

— Пойдём со мной в мой дом, — сказа́л стари́к.

Он отвёл Синдба́да к себе́ домо́й, накорми́л его́, и

Синдба́д про́жил у него́ не́сколько дней. И вот ка́к-то у́тром стари́к сказа́л ему́:

— О брат мой, не хо́чешь ли ты пойти́ со мной на бе́рег реки́ и прода́ть свой това́р?

«А како́й у меня́ това́р?» — поду́мал Синдба́д, но всё-таки реши́л пойти́ со старико́м на́ реку.

— Мы снесём твой това́р на ры́нок, — продолжа́л стари́к, — и е́сли тебе́ даду́т за него́ хоро́шую це́ну, ты его́ прода́шь, а е́сли нет — оста́вишь себе́.

— Ла́дно, — сказа́л Синдба́д и пошёл за старико́м.

Придя́ на бе́рег реки́, он взгляну́л на то ме́сто, где был привя́зан его́ плот, и уви́дел, что плота́ нет.

— Где мой плот, на кото́ром я приплы́л к вам? — спроси́л он старика́.

— Вот, — отве́тил стари́к и указа́л па́льцем на ку́чу па́лок, сва́ленных на берегу́. — Это и есть твой това́р, и доро́же его́ нет ничего́ в на́ших стра́нах. Знай, что твой плот был свя́зан из куско́в драгоце́нного де́рева.

— А как же я верну́сь отсю́да на ро́дину, в Багда́д, е́сли у меня́ не бу́дет плота́? — сказа́л Синдба́д. — Нет, я не прода́м его́.

— О друг мой, — сказа́л стари́к, — забу́дь о Багда́де и о свое́й ро́дине. Мы не мо́жем отпусти́ть тебя́. Если ты вернёшься в свою́ страну́, ты расска́жешь лю́дям про на́шу зе́млю, и они́ приду́т и покоря́т нас. Не ду́май же о том, что́бы уе́хать. Живи́ у нас и будь на́шим го́стем, пока́ не умрёшь, а твой плот мы с тобо́й продади́м на ры́нке, и за него́ даду́т сто́лько пи́щи, что тебе́ хва́тит на всю жизнь.

И бе́дный Синдба́д оказа́лся на о́строве пле́нником. Он про́дал на ры́нке су́чья, из кото́рых был свя́зан его́ плот, и получи́л за них мно́го драгоце́нных това́ров. Но э́то не ра́довало Синдба́да. Он то́лько и ду́мал о том, как бы верну́ться на ро́дину.

Мно́го дней про́жил он в го́роде на о́строве у старика́; нема́ло друзе́й завело́сь у него́ среди́ жи́телей

о́строва. И вот одна́жды Синдба́д вы́шел и́з дому погуля́ть и уви́дел, что у́лицы го́рода опусте́ли. Он не встре́тил ни одного́ мужчи́ны — то́лько де́ти и же́нщины попада́лись ему́ на доро́ге.

Синдба́д останови́л одного́ ма́льчика и спроси́л его́:

— Куда́ пропа́ли все мужчи́ны, кото́рые живу́т в го́роде? Или у вас война́?

— Нет, — отве́тил ма́льчик, — у нас не война́. Ра́зве ты не зна́ешь, что у всех больши́х мужчи́н на на́шем о́строве ка́ждый год выраста́ют кры́лья и они́ улета́ют с о́строва? А че́рез шесть дней они́ возвраща́ются, и кры́лья у них отпада́ют.

И пра́вда, че́рез шесть дней все мужчи́ны опя́ть верну́лись, и жизнь в го́роде пошла́ по-пре́жнему.

Синдба́ду то́же о́чень захоте́лось полета́ть по во́здуху. Когда́ прошло́ ещё оди́ннадцать ме́сяцев, Синдба́д реши́л попроси́ть кого́-нибудь из свои́х прия́телей взять его́ с собо́й. Но ско́лько он ни проси́л, никто́ не соглаша́лся. То́лько его́ лу́чший друг, ме́дник с гла́вного городско́го ры́нка, наконе́ц реши́л испо́лнить про́сьбу Синдба́да и сказа́л ему́:

— В конце́ э́того ме́сяца приходи́ к горе́ о́коло городски́х воро́т. Я бу́ду ждать тебя́ у э́той горы́ и возьму́ тебя́ с собо́й.

В назна́ченный день Синдба́д ра́но поутру́ пришёл на́ гору. Ме́дник уже́ ждал его́ там. Вме́сто рук у него́ бы́ли широ́кие кры́лья из блестя́щих бе́лых пе́рьев.

Он веле́л Синдба́ду сесть к нему́ на́ спину и сказа́л:

— Сейча́с я полечу́ с тобо́й над зе́млями, гора́ми и моря́ми. Но по́мни усло́вие, кото́рое я тебе́ скажу́: пока́ мы бу́дем лета́ть — молчи́ и не произноси́ ни одного́ сло́ва. Если ты раскро́ешь рот, мы о́ба поги́бнем.

— Хорошо́, — сказа́л Синдба́д. — Я бу́ду молча́ть.

Он взобра́лся ме́днику на пле́чи, и тот распахну́л

крылья и взлетел высоко в воздух. Долго летал он, поднимаясь всё выше и выше, и земля внизу казалась Синдбаду не больше чашки, брошенной в море.

И Синдбад не мог удержаться и воскликнул:

— Вот чудо!

Не успел он произнести эти слова, как крылья человека-птицы бессильно повисли и он начал медленно падать вниз.

На счастье Синдбада, они в это время как раз пролетали над какой-то большой рекой. Поэтому Синдбад не разбился, а только ушибся о воду. Зато меднику, его приятелю, пришлось плохо. Перья на его крыльях намокли, и он камнем пошёл ко дну.

Синдбаду удалось доплыть до берега и выйти на сушу. Он снял с себя мокрую одежду, выжал её и осмотрелся, не зная, в каком месте земли он находится. И вдруг из-за камня, лежавшего на дороге, выползла змея, державшая в пасти человека с длинной седой бородой. Этот человек махал руками и громко кричал:

— Спасите! Тому, кто спасёт меня, я отдам половину моего богатства!

Недолго думая Синдбад поднял с земли тяжёлый камень и бросил его в змею. Камень перешиб змею пополам, и она выпустила из пасти свою жертву. Человек подбежал к Синдбаду и воскликнул, плача от радости:

— Кто ты, о добрый чужеземец? Скажи мне, как твоё имя, чтобы мои дети знали, кто спас их отца.

— Моё имя — Синдбад-Мореход,— ответил Синдбад. — А ты? Как тебя зовут и в какой земле мы находимся?

— Меня зовут Хасан-ювелир, — ответил человек. — Мы находимся в земле Египетской, недалеко от славного города Каира, а эта река — Нил. Пойдём ко мне в дом, я хочу наградить тебя за твоё доброе дело. Я подарю тебе половину моих товаров и денег, а это немало, так как я уже пятьдесят лет торгую на

главном рынке и давно состою старшиной кайрских купцов.

Хасан-ювелир сдержал слово и отдал Синдбаду половину своих денег и товаров. Другие ювелиры тоже хотели наградить Синдбада за то, что он спас их старшину, и у Синдбада оказалось столько денег и драгоценностей, сколько у него никогда ещё не бывало. Он купил самых лучших египетских товаров, нагрузил все свои богатства на верблюдов и вышел из Каира в Багдад.

После долгого пути он вернулся в свой родной город, где его уже не надеялись увидеть живым.

Жена и приятели Синдбада подсчитали, сколько лет он путешествовал, и оказалось — двадцать семь лет.

— Довольно тебе ездить по чужим странам, — сказала Синдбаду его жена. — Оставайся с нами и не уезжай больше.

Все так уговаривали Синдбада, что он наконец согласился и дал клятву больше не путешествовать. Долго ещё ходили к нему багдадские купцы слушать рассказы о его удивительных приключениях, и он жил счастливо, пока не пришла к нему смерть.

Вот всё, что дошло до нас о путешествиях Синдбада-Морехода.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5
АЛАДДИН И ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА 9
АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ 36
СКАЗКА О РЫБАКЕ 59
СКАЗКА ОБ ОДНОГЛАЗОМ ЦАРЕВИЧЕ 96
СИНДБАД-МОРЕХОД 111

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Сказки

Ответственный редактор *М. И. Сальникова.* Художественный редактор *Н. З. Левинская.* Технический редактор *Т. Д. Юрханова.* Корректоры Л. М. Агафонова и В. К. Миррингоф. Сдано в набор 29/I 1975 г. Подписано к печати 3/XII 1975 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 7,33. Тираж 150 000 экз. Заказ № 493. Цена 37 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Дорогие ребята!

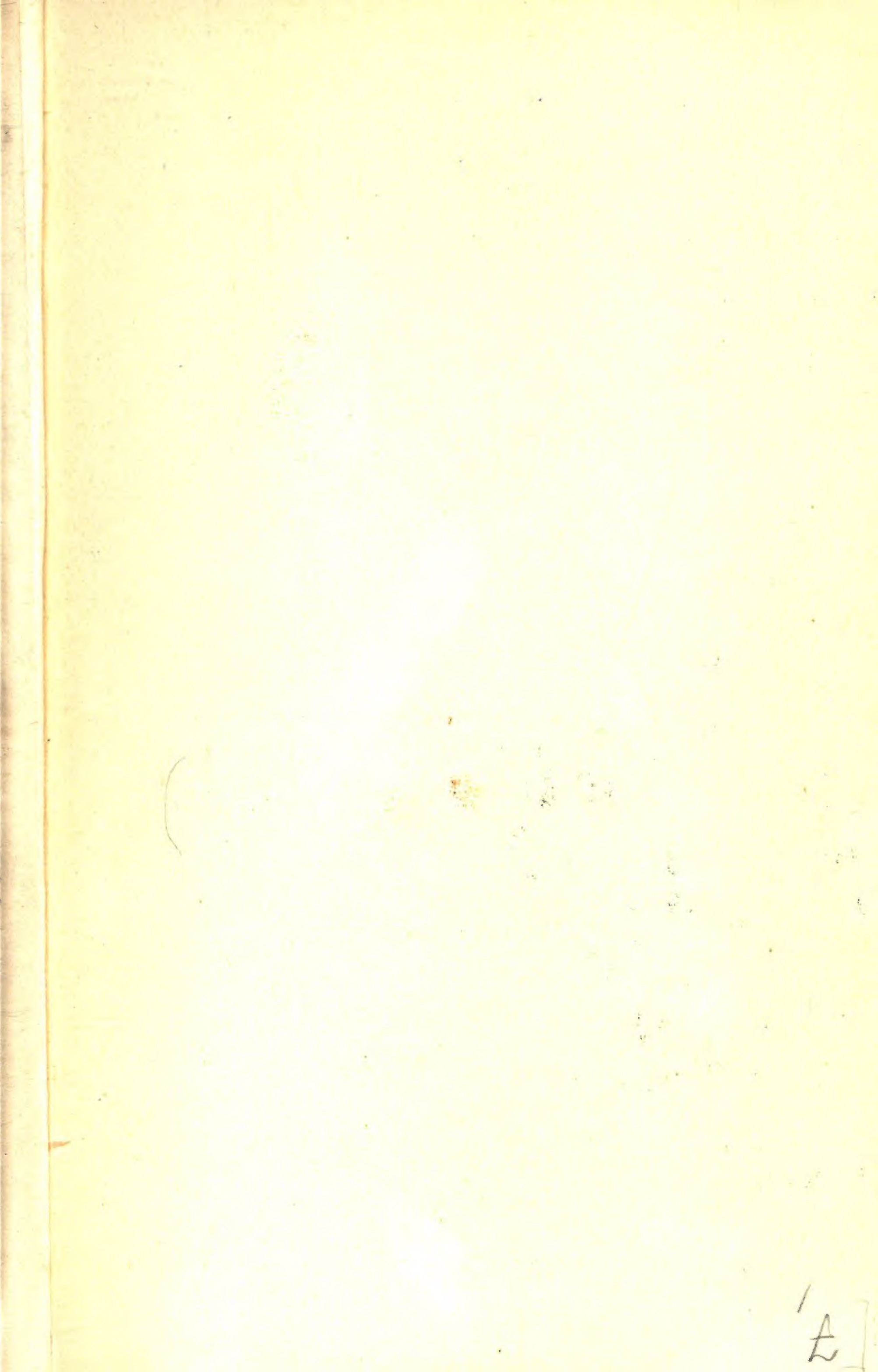
Нам интересно узнать ваше мнение об этой книге. Напишите нам по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Т 93 **Тысяча** и одна ночь. Арабские сказки. Пересказ **с** араб. М. Салье. Худ. Г. Епишин. М., «Дет. лит.», 1976.

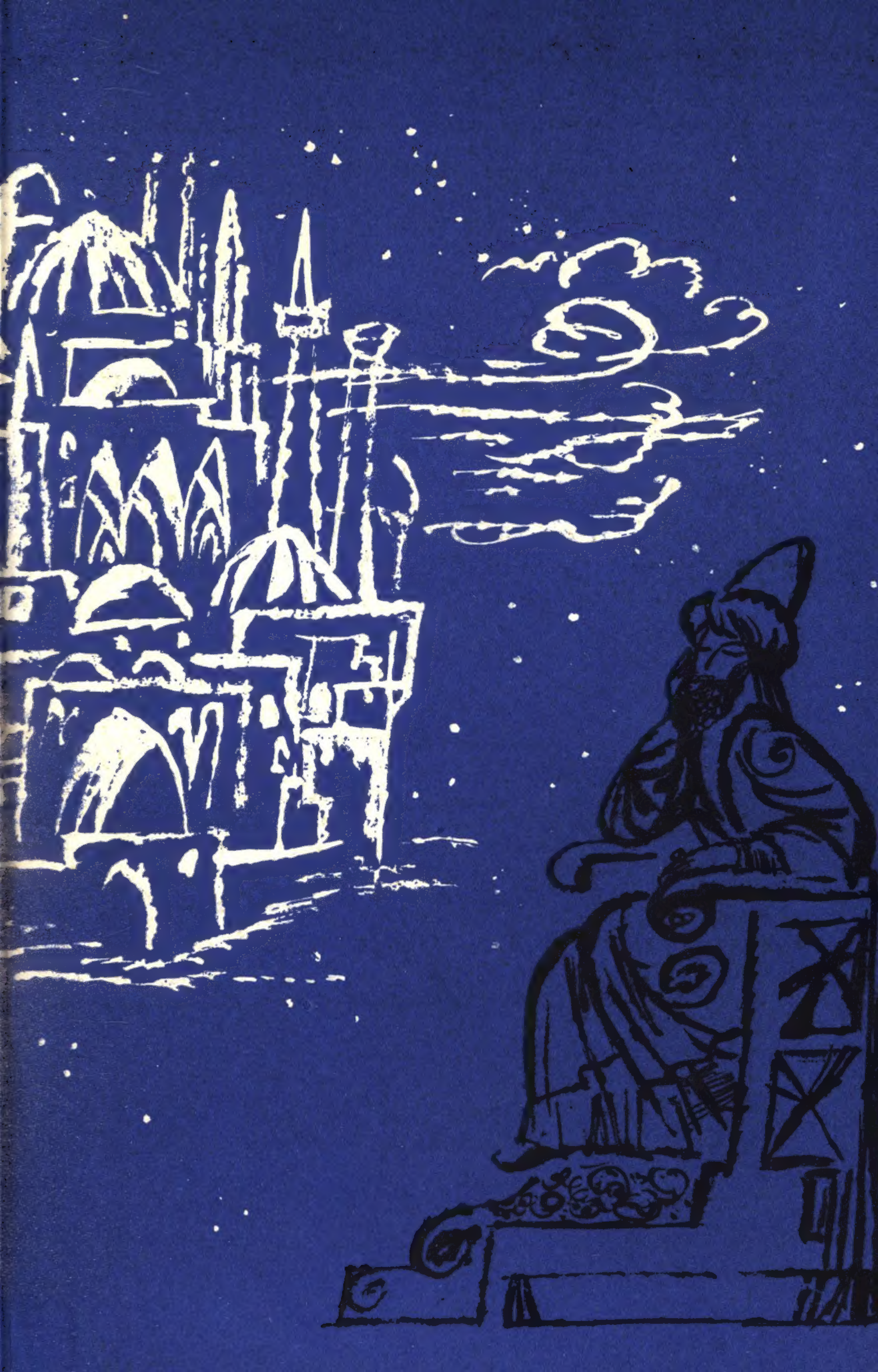
159 с. с ил. (Школьная б-ка).

В книгу вошли избранные сказки из знаменитого сборника «Тысяча и одна ночь». Читатели давно знают и любят сказки о Синдбаде-Мореходе, об Аладдине и волшебной лампе, об Али-Бабе и сорока разбойниках и другие.

ИФ (Араб)

Цена 37 коп.